ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2016, № 7

Санкт-Петербург
2016

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2016, № 7

Saint-Petersburg
2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., декан юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу, заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2016
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2016

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2016
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александров А.И., Коровников А.В., Анских И.А., Комоедов В.П., Полугрудова Т.А., Лысов К.П., Толкачев К.Б., Сазонов В.Ф., Курдюк П.М. Общественная деятельность – его кредо на всю жизнь: В.П. Сальникову 70 лет 11

Боер В.М., Агаев Г.А., Булатов Р.Б., Гельдибаев М.Х., Глущенко П.П., Городинец Ф.М., Ермолович Г.П., Журавлев В.А., Игнатьева С.В., Кузнецов Э.В., Ломакина И.Б., Лойт Х.Х., Привалов К.В., Сафин Ф.Ю., Цмай В.В. От профессорско-преподавательского состава юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения – В.П. Сальникову 26

Стеценко С.Г. К юбилею дорогого Учителя - В.П. Сальникова 28

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Мусаев М.А. Правовой гуманизм и его функции через функции права 31

Ахвердиев Э.Э. Концепция Имамата как образа управления мусульманским обществом 41

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Государственное регулирование средств массовой информации 46

Гадоев Б.С Совершенствование избирательной системы Республики Таджикистан 54

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Анских И.А., Фомичев М.Н., Сергунина П.О., Шелепова М.А. Особенности регулирования патентного права в Российской Федерации 60

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Евдеева Н.В., Кирянин А.А., Петров П.А. Законность как принцип юридической практики 65

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России 71

Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства 86

Абезгильдин Р.Р. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Государственная власть и политические сети: современные проблемы обеспечения государственного суверенитета и борьбы с преступностью 102

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Кондрат Е.Н. Международно признанные стандарты в области противодействия отмыванию денег: общие подходы 114

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути 121

Дашин А.В., Брылева Е.А., Сальников С.П. Обычай и современное российское гражданское законодательство 126

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Рахимзода Р.Х. Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане (XVIII – начало XX вв.) 136

Косимов Ф.М. Формирование и развитие оперативно-розыскной деятельности в историческом Таджикистане 148

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. «Жизнь» и «право на жизнь» как категории философско-правовой науки 157

Колядин А.М. Институты гражданского общества и субъектность политического класса 176

Клименко О.А. Нормативистские и неокантианские модели права и государственный суверенитет 186

Информация для авторов 198

CONTENTS

Aleksandrov A.I., Korovnikov A.V., Ananskikh I.A., Komoedov V.P., Polugrudova T.A., Lysov K.P., Tolkachev K.B., Sazonov V.F., Kurdyuk P.M. Outdoor activities - his credo for life: V.P. Sal'nikov 70 years 11

Boer V.M., Agayev G.A., Bulatov R.B., Geldibaev M.H., Glushchenko P.P., Gorodinets F.M., Ermolovich G.P., Zhuravlev V.A., Ignatiev S.V., Kuznetsov E.V., Lomakin I.B., Loit H.H., Privalov K.V., Safin F.U., Tsmay V.V. From the faculty of the Law Faculty of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation – to V.P. Sal'nikov 26

Stetsenko S.G. On the anniversary of my dear teacher - V.P. Sal'nikov 28

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Musaev M.A. The legal humanity and its functions via the right function 31

Akhverdiev E.E. The Concept of Imamah as a mode of management of Muslim society 41

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Zhilskaya L.V., Zhilskiy N.N. State regulation of media 46

Gadoev B.S. Improving the electoral system of the Republic of Tajikistan 54

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Ananskikh I.A., Fomichev M.N., Sergunina P. O., Shelepova M.A. Peculiarities of regulation of patent law in the Russian Federation 60

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Evdeeva N.V., Kiryanin A.A., Petrov P.A. Legality as a principle of legal practice 65

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Sal'nikov V.P., Zakhartzev S.I., Sal'nikov M.V. Penitentiary policy as an element of the criminal policy of modern Russia 71

Kondrat I.N. The concept of Russia's criminal policy: some reflections on the improvement of criminal and criminal procedural law 86

Abezgildin R.R. Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Government and political networks: modern problems of maintenance of national sovereignty and the fight against crime 102

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Kondrat E.N. Internationally recognized standards for combating money laundering: general approaches 114

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Sal'nikov V.P., Kondrat E.N., Borisov O.S. The troops of the National Guard of the Russian Federation – the beginning of a long journey 121

Dashin A.V., Bryleva E.A., Sal'nikov S.P. The custom and the modern Russian civil legislation 126

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Rakhimzoda R.Kh. Status of investigation in the pre-Soviet Tajikistan (XVIII – beginning of XX centuries) 136

Kosimov F.M. Formation and development of operational and investigative activities in the historic Tajikistan 148

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Babadzanov I. Kh., Sal'nikov M.V. «Life» and «right to life» as a category of legal philosophical science 157

Kolyadin A.M. Civil society institutions and the subjectivity of the political class 176

Klimenko O.A. Normativists and neo-Kantian model of law and state sovereignty 186

Information for the authors 198

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЕГО КРЕДО НА ВСЮ ЖИЗНЬ: В.П. САЛЬНИКОВУ 70 ЛЕТ

Аннотация. *Поздравление в связи с 70-летием Виктора Петровича Сальникова от руководителей федеральных и региональных органов власти Российской Федерации..*

Ключевые слова: *В.П. Сальников.*

OUTDOOR ACTIVITIES - HIS CREDO FOR LIFE: V.P. SAL'NIKOV 70 YEARS

The summary. *Congratulations on the 70th anniversary of Viktor Petrovich Salnikov from the heads of federal and regional bodies of the Russian Government.*

Key words: *V.P. Sal'nikov.*

Виктор Петрович Сальников хорошо известен в России и за рубежом как авторитетный ученый [29; 78], отец правовой культуры [6], талантливый организатор учебно-методической и научно-исследовательской работы [17; 128], написавший сотни книг [21; 25; 53; 62; 63; 67; 72; 76], монографий [1; 9; 10; 11; 12; 18; 19; 22; 26; 27; 42; 46; 47; 48; 49; 50; 59; 68; 87; 88; 96; 107; 110; 114; 116; 117; 118; 121], учебных и научно-методических пособий [7; 8; 13; 20; 23; 24; 51; 54; 55; 56; 58; 71; 84; 85; 86; 89; 95; 97; 98; 100; 120; 127; 129; 130], комментариев к законодательным актам и статей [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 41; 45; 79; 80; 82; 83; 90; 92; 93; 94; 102; 103; 104; 105; 106; 112]. Он непревзойденный организатор различных научных форумов

международного [2; 3; 5; 15; 16; 60; 65; 70; 73; 74; 75; 81; 91; 111; 115; 119; 131], российского [28; 52; 64; 66; 113; 124; 125; 126], межрегионального [61; 122; 123], межвузовского [4; 14; 77; 101] и вузовского характера. Все это очень справедливо, и во всех этих направлениях юбиляру трудно найти альтернативу.

Нам бы хотелось обратить внимание еще на одну грань его несомненного таланта. Как известно, разрабатывая совместно с профессором С.И. Захарцевым компрехендную теорию познания права [30; 31; 40; 43; 44], он пишет о праве как бриллианте, имеющем как минимум 57 граней. Так вот, сам ученый В.П. Сальников имеет не меньше талантливых граней, чем право в его интерпретации. И одной из таких граней, отличающих исследователя, является его участие в общественной жизни школы, профессионального училища, вуза, комсомола, партии, общественных организаций, Торгово-промышленной палаты, Счетной палаты, Государственной думы и Совета Федерации. Он активно проявляет себя в жизни регионов, региональных парламентов, своей малой родины.

Это отличительная его черта буквально с самого детства. Уже обучаясь в Колоярской средней школе Вольского района Саратовской области, он заявляет о себе не только как спортсмен (волейболист, боксер, лыжник), но и как авторитетный неформальный лидер молодежи, успешный помощник учителей. Не случайно, несмотря на неординарность его внутренней натуры и нестандартность поступков при обучении в школе, он пользуется такой глубокой человеческой любовью не только у своих коллег – школьников, но и у учителей, особенно у классного руководителя Комарь Галины Васильевны и преподавателя физики и математики Никулаевой Лидии Федоровны. Он активный участник всех общественных мероприятий, проводимых в школе, нередко сам их вдохновитель и организатор [69]. До сих пор ветераны Колоярской школы помнят новый 1963 год, когда Виктор Сальников предложил и реализовал со своими друзьями – учениками, совместно с преподавателями, нестандартный праздник – встречу Нового года с концертом силами учеников и учителей, показательной демонстрацией спортивных мероприятий (боксерский спарринг, приемы гимнастики), профессиональным мастер-классом по фотографии, изготовлением фотолотереи и использованием ее в новогодних праздненствах. В те годы в ходу были фотоаппараты «Смена» и «ФЭД-2». Витя Сальников увлекался фотоделом, вел фотокружок в школе и демонстрировал на новогоднем вечере мастерство фотографирования, в том числе со вспышкой, и выдачу через очень короткое время фотографий. В те далекие годы для этого требовалось незаурядное мастерство. Об этом периоде общественной деятельности нашего юбиляра очень подробно написала его учительница Л.Ф. Никулаева, с которой он до сих под поддерживает очень тесные, товарищеские отношения, благодаря которым вся семья учительницы пошла по стопам ее ученика: сын, Никулаев Игорь Анатольевич, подполковник полиции, заместитель начальника территориального отдела одного из районов Ульяновской области. В полиции служит и невестка Лидии Федоровны – Татьяна, она капитан полиции. Внук учительницы – Олег, старший лейтенант полиции, служит в УМВД России по Ульяновской области, его жена – Оля – лейтенант полиции. Вероятнее всего, и их дочь – Милана, когда вырастет, тоже, наверное, пойдет служить в полицию и охранять права и свободы человека и гражданина, их безопасность. Недавно об этой семье был очень интересный материал на Ульяновском региональном телевидении.

Серьезной общественной работой занимался В.П. Сальников, обучаясь в ГПТУ-13 (Городское профессионально-техническое училище) г. Куйбышева (ныне г. Самара). Два года обучения в профессиональном училище не только позволили приобрести ему несколько рабочих профессий (машинист дизельного экскаватора и крана 6 разряда, слесарь 3 разряда), но и приобрести навыки серьезной общественной работы, отдельные из которых переросли в его профессию. Два года он был секретарем комитета ВЛКСМ профессионального училища, вожаком комсомола. Как комсомольский секретарь участвовал в создании ОКО (оперативных комсомольских отрядов) при райкомах комсомола. В частности, он внес свой вклад в создание такого ОКО при Кировском райкоме ВЛКСМ города Куйбышева и был одним из командиров такого отряда, который в 1964-1966 гг. действовал при Дворце культуры им. С.М. Кирова. Комсомольцы, организованные в ОКО, обеспечивали охрану общественного порядка на улицах, в парках и площадях Кировского района, помогали

милиции предотвращать асоциальное поведение подростков в общественных местах. Между прочим, это был очень положительный опыт. В настоящее время во многих регионах России возрождаются ДНД (добровольные народные дружины) по охране общественного порядка. Они становятся одним из институтов гражданского общества, способных усилиями и инициативой общественности, самих граждан, что является отличительной чертой гражданского общества [11, стр. 133-140], сделать нашу жизнь интереснее и безопаснее.

В те же годы участие нашего юбиляра в молодежной общественной жизни, в ОКО определило всю его дальнейшую судьбу и профессию. Работая в ОКО, он постоянно контактировал с сотрудниками УР (уголовного розыска) Кировского райотдела, на него обратили внимание оперативные работники, и он стал внештатным оперуполномоченным УР и два года, до поступления в Елабужскую специальную среднюю школу милиции МООП СССР, занимался этой общественной работой. Она-то и сделала его настоящим, на всю его сознательную жизнь, сотрудником органов внутренних дел.

В школе милиции В.П. Сальников, наряду с освоением оперативного опыта работников милиции (а осваивал он этот опыт хорошо – с отличием закончил обучение), активно занимался общественной работой – помогал оперативным сотрудникам местного отдела бороться с уголовной преступностью в городе Елабуге и Елабужском районе. Красивые места, сосновый бор, воспетый Шишкиным, родина кавалеристдевицы из известного фильма «Гусарская баллада» и место, где провела свои последние годы Марина Цветаева – это те места, где занимался общественной работой курсант, хотя она забрасывала его далеко за пределы этого района, в иные окрестности Татарии, в города Удмуртии и Кировской области, в том числе в такой интересный регион, как Вятские поляны. Обучаясь очно в школе милиции, будучи курсантом, он направлялся в служебные командировки по стране в интересах борьбы с преступностью.

В 1967 году нашумевшим, как сейчас говорят, резонансным было дело о краже цыганами большого количества скаковых лошадей с одного из ипподромов СССР и продажа их в Удмуртии и Кировской области. Были и человеческие жертвы. Скакуны – известные во всем мире, они выступали на международных ипподромах, занимали призовые места, являлись чемпионами – похищены. Каждая лошадь стоила больше автомашины. И вот весь ипподром обчистили цыгане. Они нанесли не только существенный материальный ущерб советскому государству и международному престижу нашей страны, но и жертвами этого преступления стали ни в чем не повинные люди. Кроме того, кони должны были участвовать в международных скачках.

В то время для курсанта Сальникова профессиональным делом была учеба в спецшколе, все остальное – общественная работа. Он в числе группы курсантов из двух-трех человек был откомандирован в оперативную группу, сформированную для раскрытия данного преступления, и в течение где-то полутора месяцев работал в этой оперативной группе, участвуя в засадах, занимаясь личным сыском, принимая участие в задержании вооруженных преступников. Преступление было раскрыто в сравнительно короткий срок, преступники задержаны и понесли заслуженное наказание, а скакуны, которые остались в живых, возвращены на ипподром. Наш курсант в порядке поощрения получил краткосрочный отпуск на 10 дней с выездом в родной город Куйбышев.

При обучении в спецшколе у В. Сальникова была еще одна общественная нагрузка – фотокружок. Увлечения далекого детства сказались и здесь. Хотя это было уже другое фотодело. В спецшколе, по криминалистике изучали судебную фотографию, у курсантов вырабатывали профессиональные навыки обращение уже с фотоаппаратом «Зенит-М», зеркалкой, как его тогда называли, и работали телеобъективами типа «Таир». Сколько же много было тогда сделано фото совместно с коллегами по учебе! Часть из них вошли в книгу, посвященную семье Сальниковых «Формула доброты» [57].

Время летит очень быстро. Школа милиции позади, красный диплом об ее окончании в кармане, точнее, в личном деле, лейтенантские погоны на плечах и должность оперуполномоченного, которую потом переименовали на инспектора – в Отделе БХСС города Куйбышева областного УВД на улице Куйбышевской, 42. А рядом, на площади Революции – Куйбышевский факультет ВЮЗИ (Всесоюзного юридического заочного института), куда В. Сальников поступает учиться, когда уже по существу закончен

прием документов для вступительных экзаменов, в порядке исключения, как имеющий диплом с отличием об окончании специального учебного заведения.

Служба в Отделе БХСС была непростой. Очень сложные, многоэпизодные, тяжелые уголовные дела, по результатам кропотливо оперативной разработки в отношении известных в те годы руководителей различных государственных и промышленных структур. У молодого оперативного сотрудника были опытные руководители-сыскари: полковники начальник отдела В.А. Земсков и заместитель начальника отдела Е.И. Винокуров. Группой оперативных работников, в которую входил Сальников, руководил капитан Самсонов. Поэтому имелись серьезные результаты оперативной работы, о которых писала несколько раз областная газета «Волжская коммуна» и даже «Известия».

В сферу оперативных интересов сотрудников ОБХСС входили директоры рынков города, директор асфальтового завода, руководители клинической больницы, областного управления торговли, завода по производству хрустальных изделий, представители нескольких кавказских республик СССР. Были командировки в эти республики для задержания и ареста виновных лиц. И была общественная работа.

Она ограничивалась организацией и проведением спортивных мероприятий, в том числе соревнований, коллективного отдыха и локальных читательских конференций, в том числе и с участием волжских писателей, книги которых продавались в книжном киоске областного УВД. Тогда на территории управления внутренних дел работал книжный киоск. Интересную книгу можно было купить прямо на работе, недалеко от служебного кабинета.

Многие ветераны и сегодня вспоминают читательские конференции с писателем-волжанином Виктором Владимировичем Кирюшкиным, (1910-1980) – прозаиком, драматургом, участником Великой Отечественной войны, автором книг и пьес «Говорящий ключ», «Занимательный рейс», «Волшебные груши», «Дочь корабля», «Беспокойный рейс», «Ветер с моря», «Шхуна «Ларга», «Лёнька-пулемётчик» и других, адресованных, прежде всего, юному читателю, членом Союза писателей СССР (России). В очерковой книге «На Волге широкой» писатель увлекательно рассказал о своём путешествии вместе с друзьями по маршруту знаменитой Жигулёвской кругосветки на моторной лодке. Роман «Жёлтый тайфун» остался в рукописи. Важнейшая особенность творческого почерка В.В. Кирюшкина – повышенное внимание к приключенческому жанру и возможностям художественной литературы для патриотического воспитания молодежи. Творчество волжанина и сейчас продолжает оставаться актуальным, если иметь в виду, что наша главная национальная идея – воспитание патриотов и созидателей. Виктор Сальников был ранее знаком с писателем, он и организовал данные читательские конференции.

19 ноября 1968 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» (в те времена совместные постановления были нормой). Одним из пунктов постановления предусматривалось создание на базе Ленинградской Военно-политической школы Высшего политического училища МВД СССР (г. Ленинград) для подготовки политработников органов внутренних дел.

В 1969 г. на Куйбышевское областное УВД было выделено одно место для поступления на учебу во вновь созданное образовательное учреждение. В. Сальников решил попытаться поехать на учебу в Ленинград. Руководство же отдела придерживалось другого мнения. Им нужны были хорошие оперативные работники, и расставаться с одним из них не хотелось. Офицеру пришлось выдержать очень большой натиск, чтобы добиться своего, и лишь благодаря вмешательству секретаря парткома УВД вопрос с областным руководством был решен в пользу переквалификации перспективного оперативного работника на политработника. Опять же решающую роль здесь сыграло постоянное участие офицера в общественной работе. А с начальником отдела, В.А. Земсковым, В. Сальников поддерживал длительные отношения, они остались друзьями, в том числе и тогда, тогда Земсков стал руководителем Главного управления МВД СССР по БАМу, и после его ухода в отставку.

Учеба в Высшем политическом училище МВД СССР была напряженной. В.П. Сальников учился одновременно в двух вузах (как мы ранее указывали, он поступил в ВЮЗИ), притом только на отлично (вновь получил по окончании

красный диплом). Для сдачи учебной сессии использовались зимние каникулы и летний ежегодный отпуск. Отдыхать было некогда. С разрешения деканата ВЮЗИ некоторые экзамены и зачеты сдавал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Активное занятие принимал в работе научных кружков кафедры ОРД (оперативно-розыскной деятельности) и по теории государства и права, участвовал в том числе и в международных научно-теоретических конференциях по рекомендации профессора Я.М. Бельсона.

Главное же – опять общественная работа: два года секретарь бюро ВЛКСМ 5 батальона и два года – зам. секретаря партийного бюро батальона.

И вновь общественная работа определила дальнейшую служебную стезю выпускника-отличника. Ему предложили остаться для прохождения дальнейшей службы в ВПУ МВД СССР. Правда, обещали преподавательскую работу на кафедре, а назначили заместителем командира батальона по политической части. Потом многолетняя служба в политическом отделе, и только позже – кафедра. Прошел все ступеньки роста – преподаватель, старший преподаватель, доцент, зам. начальника кафедры, начальник кафедры. Потом – заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД России по научной работе, заместитель начальника Санкт-Петербургской академии МВД России по научной работе. И чтение лекций на всех предприятиях Ленинграда – Санкт-Петербурга, в учебных заведениях, кинотеатрах и театрах, воинских частях и академиях, в райкомах, горкоме и обкоме партии, в Доме политпросвещения. Его знали как лектора общества «Знание», райкома и обкома партии, Дома офицеров. Так рождался профессионал-лектор и преподаватель – мастер своего дела, отвечающий самым высоким требованиям.

В 1998 году объединяются все учебные заведения МВД и создается Санкт-Петербургский университет МВД России, начальником которого назначается полковник В.П. Сальников. В состав университета вошли следующие учебные заведения:

- Санкт-Петербургская академия МВД России;
- Санкт-Петербургский юридический институт МВД России;
- Санкт-Петербургская высшая школа МВД России;
- Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России;
- Санкт-Петербургский институт Государственной противопожарный службы МВД России;
- Санкт-Петербургский институт повышения квалификации МВД России.

Это был первый университет в системе силовых ведомств Российской Федерации. Не было больше университетов не только в МВД, но и в Министерстве обороны, ФСБ и других силовых структурах. Они появятся значительно позже.

Именно в должности начальника Санкт-Петербургского университета МВД России расцвел в полной мере талант В.П. Сальникова как организатора, руководителя, человеколюба с добрым сердцем и чистой душой, в области науки, образовании, подготовки научных кадров и сотрудников правоохранительных органов для России и зарубежных стран, истинных патриотов нашего Отечества. В стенах университета патриотами России, системы правоохранительных органов, в первую очередь органов МВД, становились не только российские, но и граждане и подданные других государств: американцы, англичане, немцы, французы, киприоты, финны, кубинцы, монголы, китайцы, африканцы и…, не говоря уже о гражданах государств – участников СНГ. Каждый, кто прошел через университет МВД в Санкт-Петербурге, становился его патриотом и патриотом России в целом. Об этом очень много говорили и писали, в том числе и журналисты, в конце XX и первом десятилетии XXI века в российских и зарубежных СМИ. Информацию по этому поводу можно было увидеть каждый день. Свой университет прославляли курсанты, слушатели, студенты, адъюнкты, докторанты, преподаватели, доценты, профессоры, рядовые сотрудники и руководство учебного заведения.

Издаваемая университетом научная продукция (учебники, пособия, словари, сборники, монографии, альбомы схем и т.д.) была хорошо известна всем. Она оседала на библиотечных полках национальных библиотек, в библиотеках учебных заведений России и других стран, личных библиотеках научного

сообщества. Их можно встретить в Лондонском, Портсмутском, Лестерском университетах Великобритании, в Кембридже, Пил-центре по подготовке Лондонской столичной полиции, Чикагском, Флоридском, Иллинойском, Западно-Иллинойском университетах США, в Сорбонне и других вузах Франции, Германии, не только европейских стран, но и государств Востока и Азии.

Ежемесячные международные научные форумы еще больше повышают авторитет университета. А когда сотрудник вуза капитан Оксана Федорова получила корону Мисс Вселенной (2002 г.), а потом спустя очень короткое время отказалась от нее в пользу возможности заниматься научной деятельностью – Санкт-Петербургский университет МВД России приобрел мегапопулярность как мировой центр подготовки специалистов в области охраны правопорядка, борьбы с преступностью. обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Идейным вдохновителем, организатором и конкретным руководителем всей этой многогранной деятельности являлся профессор и генерал В.П. Сальников. Он не только умело руководил многотысячным коллективом, Но и доходил до каждого своего подчиненного индивидуально. И это знали все, и соответственно поддерживали своего командира и кумира.

Об этом уже писали много и довольно часто. Тема же наших размышлений – общественная деятельность юбиляра. Казалось бы, служба «забирает» все время, и его не остается на общественную работу. Но ведь без этого нельзя было жить, тем более в должности начальника университета. Здесь общественная работа приобретает иной характер, она поднимается на федеральный уровень.

Профессор В.П. Сальников становится помощником и экспертом на общественных началах депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации по существу всех созывов от первого до нынешнего. Он член экспертно-консультативного совета при Председателе Счетной палаты РФ, Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, вице-президент Российского Союза юристов, вице-президент Российской академии юридических наук, вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, член Экспертного совета ВАК России по праву и политологии, член Аттестационной коллегии Министерства образования Российской Федерации, член секции государственно-правовых дисциплин Методического центра национального образования и координации научных исследований Главного управления кадров и кадровой политики МВД России, председатель ученого совета Санкт-Петербургского университета МВД России, председатель нескольких диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора наук и член аналогичного диссертационного совета Северо-Западной академии государственной службы.

Он избирается действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, Международной академии акмеологических наук, Национальной академии ювенологии, Санкт-Петербургской инженерной академии, член-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук, почетным профессором или доктором наук Московской академии экономики и права, Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Академии МВД Таджикистана, Самарского юридического института ФСИН России и др., возглавляет редакционный совет федерального научного журнала «История государства и права» и научно-теоретического журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», является членом редколлегии многих журналов издательской группы «Юрист», включенных в перечень изданий, рекомендуемых ВАК для опубликования основных результатов исследований на соискание ученой степени доктора наук.

В.П. Сальников многие годы член редакционного совета общественно-правового и научно-технического журнала «Защита и безопасность», победитель международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года-2001». Его включают в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

Наверное, невозможно даже перечислить все общественные нагрузки, которые имеет этот человек, тем более написать о его многогранной работе. Порой думается – как это он все успевает делать? А он не просто успевает, он без этого жить не может. В этот же период В.П. Сальников пишет книгу об одном из ведущих региональных

лидеров: «Муртаза Рахимов: державник или удельный князь».

Вероятнее всего, не только для В.П. Сальникова, но и для его подчиненных служба в университете была лучшими годами жизни. Об этом говорят многое и многие.

Но все имеет свое начало и свое окончание. Генерал В.П. Сальников достиг предельного возраста службы в органах внутренних дел. Он меняет кресло начальника университета на должность Руководителя Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу. Профессор А.И. Бастрыкин переводится для дальнейшей службы в Москву и вскоре становится Председателем Следственного комитета Российской Федерации, а В.П. Сальников занимает его место в Санкт-Петербурге. Новая, иная практическая юридическая деятельность встречает ученого и милиционера. Ему помогают освоить новую стезю заместители генерал-майор профессор С.П. Выменец и генерал-лейтенант В.Н.Тенишев. На работу в Управлении переходят и некоторые сотрудники Университета МВД (генерал-майор Н.Н. Силкин, полковники С.Е. Барило, Н.Н. Жильский, Н.Н. Мальцев, Н.И. Пререзенцев, В.И. Ченкова и др.). В короткое время штаты Управления укомплектованы высококвалифицированными кадрами, пришедшие офицеры имеют не только богатый опыт службы в правоохранительных органах России, но и опыт работы за рубежом, а также ученые степени докторов и кандидатов юридических наук. Юстиция Северо-Запада приобретает новый импульс. Министр юстиции В.В. Устинов, а впоследствии и А.В. Коновалов были спокойны за работу своего ведомства на Северо-Западе, отмечали сотрудников Управления ведомственными наградами и премиями, а руководитель был награжден медалью А.Ф. Кони.

В этом качестве общественная работа не оставляла юбиляра. Она выступает значимой в контексте функционирования аппарата полномочного представителя Президента. В.П. Сальников становится членом Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам помилования на территории Ленинградской области, членом Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, членом окружного координационного совета по противодействию терроризму, политическому и религиозному экстремизму, этносепаратизму при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, членом Научного совета МВД России и института проблем региональной безопасности. Его общественная работа в основном строится на территории двенадцати субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Западного федерального округа.

После ликвидации структуры Министерства юстиции по федеральным округам В.П. Сальников переходит работать в Ленинградскую торгово-промышленную палату в качестве вице-президента, исполняющего обязанности президента ЛТПП. Президентом палаты бессменно десятилетия, начиная с Гатчинской торгово-промышленной палаты, являлся доктор юридических наук, профессор Р.Ф. Исмагилов. Но он в этот период был занят на государственной службе – вице-губернатор Ленинградской области, затем один из руководителей Уральского полпредства при Президенте РФ, поэтому В.П. Сальникову приходится постоянно исполнять обязанности председателя палаты.

Здесь он наряду с исполнением служебных обязанностей организует и проводит совместно с президентом в течение целого года Интернет-конференцию по теме: «Взаимоотношения государственной бюрократии и бизнеса: задачи минимизации коррупциогенных рисков». Для участия в ней привлекаются самые авторитетные руководители: федеральные и региональные министры, прокуроры, судьи, следователи, сотрудники полиции, руководители субъектов федерации, ученые Росмсии и зарубежья, авторитетные предприниматели. Материалы конференции размещаются не только на сайте ЛТПП и Фонда «Университет», они печатаются также на страницах федеральных научных журналов.

Деятельность в попечительском совете Фонда «Университет» и в научных журналах увлекает ученого все больше и больше. Он окончательно переходит на научную работу, возглавляет журналы «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики», становится их главным редактором и председателем редакционного совета. Одновременно он входит в редколлегии многих журналов издательской группы «Юрист» («Международное

публичное и частное право»; «Муниципальное право: правовые вопросы»; «Таможенное право»; «Юрист»; «Уголовное судопроизводство», «Миграционное право»), Вестника академии МВД Республики Таджикистан, других научных журналов.

Он полностью посвящает себя науке. Пишет книги, научные статьи, формирует новые научные подходы в юриспруденции, выступает на различных научных форумах, в том числе в качестве официального оппонента по диссертационным исследованиям в России и за рубежом. У него активная жизнь. Ему и сейчас, как и 60, 40, 30, 20, 10 лет назад, не хватает времени, которое у него всегда в дефиците. Он полон научных идей, активно следит за правоохранительной практикой, делает экспертные заключения для комитетов Государственной Думы.

3 июля 2016 года Президент подписал Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», и сразу же В.П. Сальников с коллегами О.С. Борисовым и Е.Н. Кондрат предлагает научной общественности изданный комментарий к этому федеральному закону [99] и серию статей [108; 109]. В период работы Государственной Думы шестого созыва он достаточно часто выступал в качестве эксперта и консультанта руководителей комитетов по обороне, а также по физической культуре, спорту и делам молодежи. На Северо-Западе он внес свой существенный вклад в разработку комитетом по обороне программы по трудоустройству военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, уволенных в запас после завершения службы, и программы медицинского обеспечения работников военно-промышленного комплекса.

Мы хорошо знаем Виктора Петровича Сальникова многие годы. Приходилось с ним заниматься и служебной деятельностью, и научными исследованиями, и общественной практикой. Приходим к единому выводу, что этот большой человек состоялся не только как ученый, государственный деятель, организатор науки и высшей школы, но и как крупный общественник, по-настоящему добрый человек [57].

Мы желаем Виктору Петровичу творческого вдохновения, новых научных свершений, неиссякаемой энергии его душе и сердцу, и, конечно, крепкого здоровья!

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
2. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»).
3. Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Тезисы международной научно-практической конференции / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003.
4. Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
5. Андреева И.А., Берекет В.М., Игнатенко Д.И., Сальников В.П., Сарсенов К.М. МВД России – 200 лет. История, современность, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4(223). – С. 189-199.
6. Артамонов В.С., Исмагилов Р.Ф., Кондрат И.Н., Султыгов М.М., Уткин Н.И. Выдающемуся юристу и отцу российской правовой культуры Виктору Петровичу Сальникову исполняется 70 лет // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 11-16.
7. Артамонова Г.К., Сальников В.П., Соболь И.А., Уханов И.С. Экологическое право: сборник задач. – СПб., 2002. – Сер. Учебники для вузов, специальная литература.
8. Баранов В.М., Евдокимов С.В., Сальников В.П. Основы Конституции РФ. – СПб., 1996.
9. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
10. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005.

11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
14. Безопасность человека и преступность: Матер. межвуз. науч-практ конф. / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
15. Берекет В.М., Владимиров В.Ю., Жаркой М.Э., Игнатенко Д.И., Латышев О.М., Сальников В.П., Шустов Н.И. Перспективы использования зарубежных технических средств безопасности в России: Международный научно-практический семинар // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 3. – С. 158-161.
16. Берекет В.М., Мушкет И.И., Потапов Ю.А., Сальников В.П. МВД России – 200 лет: история, развитие, перспективы (Международная научно-практическая конференция) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1(234). – С. 233-243.
17. Булатов Р.Б. Слово о выдающемся человеке В.П. Сальникове // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 17-27.
18. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.; Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
19. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
20. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
21. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
22. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
23. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 256 с.
24. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Педагогика высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой; под общ. ред. В.П. Сальникова; Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 306 с. – Серия: Учебники для вузов, специальная литература.
25. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
26. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
27. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
28. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара, г. Санкт-Петербург, 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
29. Захарцев С.И. У моего учителя юбилей. К 70-летию Виктора Петровича Сальникова // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 11-17.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.

34. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
41. Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 2(92). – С. 144-149.
42. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
44. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
45. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.
46. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
47. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности» / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
49. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
49. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
50. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
51. Кальной И.И., Сальников В.П., Чукин С.Г. Философия и право // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 379-401.
52. Кондрат И.Н., Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И., Новиков С.А., Мендевев В.Н., Жиганова А.А. Научно-практическая конференция «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 5(268). – С 249-259.
53. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
54. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
55. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.

56. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
57. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты: Документально-художественная книга. – М.; СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
58. Логика: Учеб. для юрид. вузов / Сальников В.П., Болдырев А.С., Гусев С.С. и др.; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003. Сер. Серия «Учебники для вузов, специальная литература» / С.-Петерб. ун-т МВД России (и др.)
59. Лукьянцев В.П., Очередько В.П., Соболь И.А., Сальников В.П. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ: Монография / Под общей редакцией В.П. Сальникова; МВД России, Санкт-Петербургский университет; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Московская академия экономики и права. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 168 с. Сер. Учебник для вузов. Специальная литература.
60. МВД России – 200 лет: Материалы международной научно-практической конференции. Том часть 2 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1998.
61. Милиция общественной безопасности: состояние и актуальные проблемы деятельности: Материалы регионального семинара / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
62. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
63. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
64. Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 81-118.
65. Морозова Л.А., Потапов Ю.А., Проценко Е.Д., Сальников В.П. Полиция. Женщина. Гуманизм (Международный научный конгресс женщин-полицейских) // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 133-146.
66. Наркомания и наркобизнес: проблемы противодействия: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 мая 1999 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.С. Бурдановой, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Фонд «Университет», 1999. – 128 с.
67. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Библиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
68. Николаева Л.А., Сальников В.П., Соловьева А.К. Административное судопроизводство: проблемы теории и практики разрешения публично-правовых споров / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
69. Никулаева Л.Ф. Моему ученику профессору В.П. Сальникову – 70 лет // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 11-17.
70. Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
71. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник для юридических вузов / Под ред. С.В. Степашина; К.В. Сурков, Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, В.В. Зорин, В.М. Егоршин, Н.Н. Васильев. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Лань, 1999. – 704 с.
72. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
73. Полиция. Женщина. Гуманизм: Программа первого научного конгресса женщин-полицейских. 21-24 марта 1995 г. Санкт-Петербург / Международная ассоциация женщин-полицейских; Санкт-Петербургская ассоциация женщин – сотрудников органов внутренних дел. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт

МВД России, 1995. – 100 с.
74. Потапов Ю.А.. Сальников В.П., Берекет В.М., Мушкет И.И. МВД России – 200 лет. История, развитие, перспективы. Международная научно-практическая конференция // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 181-190.
75. Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995.
76. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
77. Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – СПб, 24 октября 1996 г. Часть III / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб., 1997.
78. Романовская В.Б. Доброе сердце жестокого века. Виктору Петровичу Сальникову посвящается // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 28-29.
79. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
80. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
81. Сальников В.П. МВД России 200 лет (Международно-практическая конференция) // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 118-121.
82. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
83. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
84. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
85. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988.
86. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
87. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – (Серия: «Право и медицина»).
88. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
89. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
90. Сальников В.П., Захарцев С.И. Гуманитарные и технические науки: российская специфика // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 1(91). – С. 91-96.
91. Сальников В.П., Морозова Л.А. Полиция. Женщина. Гуманизм // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 133-146.
92. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
93. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
94. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
95. Сальников В.П., Сильников М.В. Боевое и служебное электрошоковое оружие МВД России: Учебное пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России. – СПб, 2007. Сер. Серия «Спецтехника внутренних дел» (3-е изд., перераб. и доп.).
96. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
97. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
98. Сальников В.П., Хон Г.Н. Эволюция методологического сознания в философии и науке // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 458-476.
99. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016.

– 312 с.
100. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия права. Глава 28 // Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – С. 432-445 (в кн.: 544 с.: ил.).
101. Сальников В.П., Денисов Е.А., Морозова Л.А. Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел России. Межвузовская конференция // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 18.
102. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников В.П. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4.
103. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
104. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
105. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
106. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
107. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
108. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях // Правовое поле современной экономики.. – 2016. – № 7.
109. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7.
110. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
111. Сальников В.П., Проценко Е.Д., Денисов Е.А. Международная научно-практическая конференция «Общество, право, полиция» // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 137-149.
112. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
113. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101-106.
114. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.
115. Сальников В.П., Ростов К.Т., Игнатенко Д.И. Компьютерная преступность: состояние, уголовно-правовые аспекты борьбы и криминологические меры профилактики: Междунар. науч.-практ. конф. // Юридическое образование и наука. – 1999. – № 1. – С. 35.
116. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.
117. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 224 с.
118. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
119. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132.
120. Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное / Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Лань, 2001. – 512 с. – Сер. Мир философии.
121. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право

в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Сер. «Право и медицина»).
122. Специальная техника и актуальные проблемы борьбы с преступностью: Труды седьмой межрегиональной научно-практической конференции, март 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова, М.В. Сильникова, А.В. Шайтанова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
123. Специальная техника органов внутренних дел. Новые средства индивидуальной бронезащиты и активной обороны для органов внутренних дел: Труды шестой межрегиональной научно-практической конференции, декабрь 2002 г. / Под ред. В.П. Сальникова, М.В. Сильникова, А.В. Шайтанова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
124. Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7-8 апреля 1999 г. Ч. 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, И.П. Карлина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
125. Теория и практика криминалистического обеспечения, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Материалы научно-практической конференции, 18 января 2000 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.Г. Петухова, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
126. Уголовно-процессуальная реформа: УПК РФ – год спустя. Актуальные проблемы применения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
127. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
128. Экимов А.И. Юбилей Виктора Петровича Сальникова: воспоминания // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 18-29.
129. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Издательство «Лань», 2001. – 608 с.
130. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Издательство «Лань», 2001. – 640 с.
131. Юридические гарантии правового статуса личности, защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе: Программа международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28 мая 2004 г. / Сост. В.П. Сальников, В.П. Очередько, А.Н. Павлов, Т.А. Петрова, О.И. Городовая. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 23 с.

\

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович,
первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

КОРОВНИКОВ Александр Венедиктович,
член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
депутат, председатель комитета по физической культуре, спорту и делам молодежи Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)

КОМОЕДОВ Владимир Петрович,
депутат, председатель комитета по обороне Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, адмирал (г. Москва, Россия)

ПОЛУГРУДОВА Татьяна Анатольевна,
помощник депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

ЛЫСОВ Константин Павлович,
руководитель представительства комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по обороне в Северо-Западном федеральном округе, помощник депутата Государственной Думы, полковник, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТОЛКАЧЕВ Константин Борисович,
Председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)

САЗОНОВ Виктор Федорович,
Председатель Самарской Губернской Думы, кандидат юридических наук (г. Самара, Россия)

КУРДЮК Петр Михайлович,
заместитель председателя – председатель комитета по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан законодательного собрания Краснодарского края, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

ОТ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ – В.П. САЛЬНИКОВУ

Аннотация. *Представлено поздравление в связи с 70-летием Виктора Петровича Сальникова от Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.*

Ключевые слова: *В.П. Сальников; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

FROM THE FACULTY OF THE LAW FACULTY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF AEROSPACE INSTRUMENTATION – TO V.P. SAL'NIKOV

The summary. *Submitted greetings in connection with the 70th anniversary of Viktor Petrovich Salnikov from the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.*

Key words: *V.P. Sal'nikov; Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.*

УВАЖАЕМЫЙ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ!

Мы Ваши коллеги, друзья, ученики горячо и сердечно поздравляем Вас с юбилеем – 70-летием со Дня рождения!

За годы общения с Вами все мы утвердились во мнении, что Вы олицетворяете в себе удивительное сочетание выдающегося педагога, талантливого ученого и организатора науки, образцового офицера-генерала, заботливого наставника, честного, душевного и доброжелательного человека.

У всех, кто Вас знает, вызывает заслуженное уважение Ваше самоотверженное служение делу развития юридического образования, правовой науки, укрепления правопорядка в стране.

Результатами первостепенной значимости являются достижения Ваших учеников, которые, благодаря Вашей поддержке, сумели сформировать научные школы, известные не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Уверены, что Ваш юбилейный День рождения станет новой точкой отсчета для Ваших больших и славных дел!

Вместе с поздравлениями хотим пожелать, дорогой Виктор Петрович, крепкого здоровья, счастья, благополучия Вам, Вашим родным и близким!

БОЕР ВИКТОР МАТВЕЕВИЧ,

проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета СПб ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АГАЕВ ГЮЛОГЛАН АЛИ ОГЛЫ,
доктор юридических наук, профессор;

БУЛАТОВ РАШИД БОРИСОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ГЕЛЬДИБАЕВ МАВЛАД ХАСИЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ГЛУЩЕНКО ПЕТР ПЕТРОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный адвокат России;

ГОРОДИНЕЦ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ЕРМОЛОВИЧ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ЖУРАВЛЕВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;

ИГНАТЬЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

КУЗНЕЦОВ ЭДУАРД ВЕНИАМИНОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА,
доктор юридических наук, профессор;

ЛОЙТ ХИЛЛАР ХАРРИЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

ПРИВАЛОВ КОНСТАНТИН ВИТАЛЬЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

САФИН ФЯРИТ ЮСУПОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЦМАЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

СТЕЦЕНКО Семен Григорьевич,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, первый заместитель начальника Института уголовно-исполнительной службы Украины, доктор юридических наук, профессор (г. Киев, Украина)
E-mail: sgstetsenko@bk.ru

К ЮБИЛЕЮ ДОРОГОГО УЧИТЕЛЯ - В.П. САЛЬНИКОВА

Аннотация. *Представлено поздравление В.П. Сальникову в связи с 70-летием.*
Ключевые слова: *В.П. Сальников; научная деятельность; издательская деятельность; международное признание.*

STETSENKO S.G.

ON THE ANNIVERSARY OF MY DEAR TEACHER - V.P. SAL'NIKOV

The summary. *Submitted greetings V.P. Sal'nikov in connection with the 70th anniversary.*
Key words: *V.P. Sal'nikov; scientific activity; publishing; international recognition.*

В связи с празднованием 70-летия Виктора Петровича Сальникова появилась еще одна возможность высказать свою благодарность человеку, который очень много сделал для развития юридической науки в целом, теории государства и права в частности, подготовки научных и научно-педагогических кадров. Примите самые искренние и теплые поздравления с 70-летием! Желаю Вам крепкого здоровья, душевного равновесия, верных и надежных друзей и учеников, новых свершений в области юридической науки и образования!

Знакомясь с биографией юбиляра, понимаешь, насколько нужно было иметь закаленный характер, целеустремленность и, вне всякого сомнения, природные задатки для того, чтобы достичь таких результатов в науке. Ведь докторскую степень Виктор Петрович получил еще в советские времена, когда и количество докторов наук было существенно меньше и защитить свои научные изыскания было труднее. Думается, этот фактор также сыграл немаловажную роль в том, что став в начале 90-х годов заместителем начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД

России по научной работе, В.П. Сальников стремился очень мощно прорабатывать вопросы поддержки ученых, открытия диссертационных советов, опубликования результатов диссертаций в виде тезисов выступлений на конференциях, научных статей, монографий. По своему опыту подтверждаю: в бытность юбиляра заместителем по научной работе, а еще более существенно во время руководства университетом МВД в Санкт-Петербурге, каждый месяц на базе учебного заведения проводилось несколько научно-практических мероприятий, которые помимо высокого организационного уровня сопровождались публикацией материалов. Это очень важный фактор, который позволял привлекать к участию в данных форумах многих участников: от молодых «зеленых» соискателей, аспирантов и адъюнктов до маститых профессоров и академиков.

Всегда с теплотой и благодарностью вспоминаю неоценимую поддержку Виктора Петровича в качестве научного руководителя по кандидатской и научного консультанта по моей докторской диссертации. Убежден, что именно благодаря его пониманию сущности правовых проблем здравоохранения и предвосхищению перспектив развития медицинского права, эти диссертации были восприняты научной юридической общественностью и успешно защищены.

Правду говорят, что большое видится на расстоянии. Чем больше времени проходит с 2002 года, когда при научном консультировании В.П. Сальникова в диссертационном совете Санкт-Петербургского университета МВД России была защищена докторская диссертация, тем я все более очевидно понимаю и осознаю, насколько была велика роль его в «поттягивании» меня до докторского уровня понимания проблем правоведения, умения анализировать, предлагать конкретные пути усовершенствования законодательства и правоприменительной практики. Виктор Петрович всегда настаивал на необходимости публичных выступлений по теме диссертации, чтобы инициированные нами идеи были донесены до ученых и практиков. Такие же подходы и я сейчас пытаюсь использовать при подготовке уже своих докторантов и аспирантов. При написании ими научных работ по теории государства и права изучение работ юбиляра носит обязательный характер. Ведь из более чем 1000 опубликованных В.П. Сальниковым работ каждый может найти глубокие системные исследования, посвященные тем или иным проблемам юридической науки. Неоспорим авторитет юбиляра в инициировании и становлении нового направления юридической науки – правовой культурологи.

Еще одно направление его многогранной деятельности – издательская деятельность. В.П. Сальников является главным редактором и Председателем редакционного совета трех ежемесячных федеральных научно-практических журналов «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики». Эти издания завоевывают все большую популярность и признание как площадка для научных дискуссий, возможность донести до широкого круга читателей свою научную позицию. Известны и читаемы они и в Украине, наши ученые также публикуют здесь свои статьи.

Неоценим вклад юбиляра в популяризацию медико-правового направления путем инициирования и руководства издательскими проектами, в частности, проектом «Право и медицина». Выход в его рамках нескольких монографий, посвященных юридическим аспектам трансплантологии, биомедицинских технологий, правовой соматологии, истории медицинского права существенно расширили число заинтересованных читателей, способствовали донесению актуальных знаний в юридические, медицинские, философские научные сообщества [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Категория «международное признание» характеризует любого ученого как исследователя, результаты изысканий которого преодолели границы государства и овладели умами коллег за рубежом. Это сделать очень непросто. Это удается немногим. Но Виктор Петрович Сальников смог. Известно, что он систематически выступает с лекциями в зарубежных университетах США, Великобритании, Франции, Германии, Монголии, Таджикистана и других стран. Я стал свидетелем вручения в 2014 году Виктору Петровичу знаменательной награды – «Почетный профессор Академии МВД Республики Таджикистан». Душевная атмосфера, теплота, аплодисменты, выступления таджикских исследователей, которые рассказывали о В.П. Сальникове и его научных достижениях, – этого нельзя добиться механически, это

достигается упорной целенаправленной работой, результаты которой проявляются в том числе и международным признанием.

В Украине знают и ценят Виктора Петровича. Здесь есть немало его выпускников, учеников, которые благодаря его поддержке стали кандидатами и докторами наук. Во время наших бесед с профессором, академиком Национальной академии правовых наук Украины, ведущим теоретиком права страны Петром Моисеевичем Рабиновичем он часто вспоминает совместное участие с юбиляром в научных конференциях, дискуссии, дружеские беседы. Всегда с теплотой отзывается о встречах с Виктором Петровичем, высоко оценивает его научные достижения и профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины Николай Иванович Козюрба.

Виктор Петрович Сальников достиг значимых вершин и продолжает делать очень многое в становлении и развитии юридического образования, подготовке научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, развитии юридической науки и издательского дела. Пусть на этом пути ему всегда сопутствует удача!

Список литературы

1. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4. – С 219-230.
2. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X – XVII вв.) // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 143-151.
3. Стеценко С.Г., Сальников М.В. Правовое регулирования оказания медицинской помощи в Российской империи (II четверть XVIII в. – 1917 г.) // История государства и права. – 2004. - № 6. – С. 50-54.
4. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Юридические гарантии обеспечения медицинской деятельности (теоретико-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 47-51.
.5 Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С 38-40.
6. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Право и медицина: доктрина информационного согласия // Новая правовая мысль. – 2002. – № 1. – С. 36-42.
7. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Нормативно-правовое обеспечение здравоохранения в советский период // Журнал российского права. – 2002. - №1. – С. 152-161.
8. Сальников В.П.. Стеценко С.Г. Условия правомерности проведения медицинских экспериментов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4. – С. 14-18.
10. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
11. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
12. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
13. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. - 2013. - № 11. - С. 163-170.
15. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. - № 10. – С. 192-204.
16. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 5. - С. 69-77.
17. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).

С глубоким уважением к юбиляру,

С.Г. Стеценко

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

МУСАЕВ Магомед Алаудинович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московской международной экологической академии, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: musaev-ma@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВОЙ ГУМАНИЗМ И ЕГО ФУНКЦИИ ЧЕРЕЗ ФУНКЦИИ ПРАВА

Аннотация. *Рассматриваются функции права и правового гуманизма в современном научно-правовом дискурсе. Анализируются различные подходы к определению и классификации функций права, отмечается, что свои функции право реализует не изолированно, а совместно с другими социальными нормами. Обосновывается мысль о том, что правовое воздействие на общественные отношения не исчерпывается исключительно институционным аспектом права, но имеет и другие аспекты.*

Ключевые слова: *правовой гуманизм; право; функции права; общественные отношения; гражданское общество; синкретизм современной правовой культуры.*

MUSAEV M.A.

THE LEGAL HUMANITY AND ITS FUNCTIONS VIA THE RIGHT FUNCTION

The summary. *Functions of the right and legal humanism in a modern scientifically-legal discourse are considered. Various approaches to definition and classification of functions of the right are analyzed, it is noticed, that the right realises the functions not separately, and together with other social norms. The thought that legal influence on public relations is not settled exclusively institutional by aspect of the right is proved, but has also other aspects.*

Key words: *legal humanism; the right; right functions; public relations; a civil society; sinkretizm of modern legal culture.*

О функциях правового гуманизма в современном научно-правовом дискурсе не существует общего подхода, а высказываемые точки зрения имеют опосредованный характер, имея целью не раскрытие их содержания и значения в структуре правовой системы, но анализ цели и задач правовой политики. Нужно сказать, что такая ситуация, несмотря на очевидную важность анализа данной проблемы, вполне закономерна, поскольку ее постановка и решение возможны лишь в контексте анализа системы и структуры правового гуманизма, что не имеет прецедентов в российской фундаментальной правовой науке. С другой стороны, анализ системно-структурных свойств правового гуманизма при специальном рассмотрении данной проблемы в контексте формирования и функционирования правовой системы, очевидно, будет не полным

без обращения к исследованию его функций.

Тем не менее следует отметить, что анализ данной проблемы имеет методологическую базу в виде научных разработок ряда теоретиков права, посвященных анализу функций права, соотношения функций государственно-правовой идеологии и права, их задач в структуре правовой системы [7; 19; 82; 83; 110; 114].

Термин «функция» (от лат. *function* – совершение, исполнение) определяется как отношение двух и более объектов, в котором изменение одного из них сопутствует изменению другого. Функция, также, рассматривается с точки зрения последствий, вызываемых изменением одного параметра в других параметрах объекта или с точки зрения взаимосвязи отдельных частей в рамках некоторого целого [63].

Так, функции права в первую очередь выражают его социальную природу и чаще всего определяются как наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, в которых раскрывается… социальное назначение права. Здесь необходимо обратить внимание на то, что функции права существуют в рамках единого целого и есть не что иное, как проявление его закономерностей как относительно самостоятельного объекта, взаимодействующего с другими объектами социальной действительности. Правовая система и ее структура определяют функционирование права как взаимосвязь различных частей в рамках единого целого.

И наоборот, функции и функционирование права есть не что иное, как реализация его качеств и свойств. Поэтому каждый элемент правовой системы имеет в ней функциональное значение, а функции данного элемента, соответственно, входят в состав ее функций. Но сказанное также означает и то, что, функционируя в рамках единого целого, элемент системы отличается от других элементов именно своими функциями, назначением. Значит, если категория правовой системы отражает всю совокупность явлений правовой действительности, то вся совокупность элементов, имея сходство, имеет и существенные различия.

Право и правовая идеология, функционируя в правовой системе, соответственно, имеют сходные функции, но и функционально отличаются друг от друга. Функциональное отличие права и правовой идеологии базируется на том, что право является институционным образованием, в отличие от правовой идеологии, которая, будучи уровнем правосознания, относится к духовной сфере жизни общества [5; 6; 58; 68; 89; 90; 101; 116; 118; 119; 120]. В то же время они имеют и сходные функции, поскольку имеют регулятивное значение.

Интересный подход к пониманию функций права находим в трехтомном учебнике «Теория государства и права», подготовленном и изданном в Санкт-Петербурге Фондом «Университет» под редакцией профессоров Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова. Здесь определено: «***Функции права*** *– это основные направления правового воздействия на общественные отношения, в рамках которых выражается социально-юридическая природа права*. Функции права непосредственно связаны с его действием, с реализацией свойств официально-властного регулятора общественных отношений» [113, стр. 15]. Авторы обращают внимание на позицию профессора Л.С. Явича, солидаризирующегося с приведенной позицией. «Осуществление права, – *писал Л.С. Явич,* – это способ его бытия, существования, действия, выполнения им своей социальной функции. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества [122, стр. 201].

Обратив внимание на отсутствие единообразия в определении функций права, авторы учебника выделяют четыре основных подхода к определению данного понятия:

- как результат воздействия правового средства на соответствующие участки правовой реальности [18; 61; 85];
- как конкретную роль (действие) права по организации общественных отношений;
- как отрицание возможности использования термина «основные направления» для формирования понятия «функции права» на том основании, что нельзя найти критерий различения «основного» и «неосновного»;
- как назначение права для определенного вида общественных отношений.

Они, кроме того, подчеркивают тесную связь функций права с его целями и задачами.

«Цель в праве представляет собой идеальное выражение объективной закономерности, идеальную силу, которая побуждает к должному поведению людей и является ближайшей причиной определенного направления

этого поведения. Задачи права обычно указывают на те ближайшие вопросы, проблемы, решение которых необходимо для достижения цели. Задача права – это внешний (определяющий) по отношению к функциям права фактор, в соответствии с которым осуществляется ее реализация. Цели и задачи права конкретизируются в его функциях. Они приобретают определенное значение при классификации функций права, поскольку именно цели и задачи права указывают на те основные направления, на которые нацелено правовое воздействие, активность права» [113, стр. 17].

Право воздействует на самые различные общественные отношения. Наблюдаются многообразные формы правового воздействия на социум, что предполагает и множество функций права.

Авторы упомянутого учебника в наиболее общем виде подразделяют функции права на общесоциальные и специально-юридические. К общесоциальным функциям права они относят: целостную, познавательную, информативную и коммуникативную и другие. При этом подчеркивают, что данную группу функций принято называть также социально-психологическими функциями. Объясняется данное обстоятельство тем, что, во-первых: конкретным и непосредственным объектом этих функций является сознание человека; во-вторых, они (функции) преследуют цель формирования индивидуального правосознания и правовой культуры, которая выступает социально-психологическим явлением, неразрывным единством социального и психологического; в-третьих, они реализуются с помощью социально-психологического механизма действия права [20; 69; 70; 71; 112; 113, стр. 17].

Ценностную функцию права переоценить невозможно. Она определяет и закрепляет с помощью права наиболее значимые для человека и общества ценностные критерии. Например, действующая российская Конституция высшей ценностью провозглашает человека, его права и свободы (ст. 2) [1]. Ценностями права выступают такжен жизнь и здоровье человека, сойциально-политическпая стабильность, частная собственность, традиционная семья и т.д.

Вопрос о ценностной природе права вызывает очень много дискуссий, в том числе и со стороны наших западных партнеров. Западная Европа и США пытаются навязать нам их собственные ценности, в том числе закрепленные в законе и выступающие как правовые. Очень часто западные ценности нам чужды, они для нас неприемлемы и даже вредны [9; 37; 87; 94; 95; 102; 103; 104; 105; 106; 107; 108]. Скажем, для нас традиционная семья – это правовая ценность [3; 4; 10; 11; 35; 59; 62; 111], Западная Европа и США навязывают нам нетрадиционные браки и однополую семью [28; 56; 57; 100; 121]. Таких примеров, к сожалению, предостаточно.

Познавательную функцию права авторы трехтомного учебника связывают с использованием юридических средств и методов в процессе познания существующей правовой реальности, в том числе и гражданского общества.

В современной жизни гражданское общество входит в правовую реальность. Оно выступает в качестве сложной, многомерной социальной целостности, которая «будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством». В гражданском обществе каждый человек выступает не только как гражданин государства, но и как «самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им» [18, стр. 133].

Вызывает определенный интерес формальная структура гражданского общества. По мнению профессоров В.А. Бачинина и В.П. Сальникова, она в этом контексте «представляет собой совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций. Одна из ведущих задач всех этих общностей состоит в том, чтобы дать индивидам возможность общаться на почве сходных практически духовных интересов. Они не позволяют гражданам уподобиться некоей россыпи автономных атомов, предлагая множество разнообразных форм социальной кооперации. Через них гражданское общество как социальный макроинститут, поощряет различные проявления человеческой солидарности».

Исследователи полагают, что стихийно «возникающие корпорации граждан способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По

большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности» [18, стр. 133].

Из предложенной характеристики гражданского общества следует вывод о том, что познавательная функция права вытекает и дополняет его ценностную функцию. «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – *пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников,* – то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, тог индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [18, стр. 133-134].

Что же касается информационной функции права, то она «позволяет говорить о праве как о мощнейшей информационной системе, содержащей в себе сведения самого различного плана, и прежде всего информацию о правилах возможного, должного, недопустимого поведения. При этом в абсолютном большинстве случаев право несет в себе информацию открытого характера. В частности, в соответствии с законодательством России не может вступить в юридическую силу закон, не опубликованный в средствах массовой информации» [113, стр. 18]. Именно эта функция права позволяет отдельным исследователям вести речь об информационном праве как самостоятельной отрасли [16; 17; 60; 84]. Мы не будем вступать в дискуссию по этому поводу в данной статье, но умалять значение информационной стороны права нельзя. Проблема информации и права все чаще выступает как вопрос, связанный с политикой и гуманизмом [2; 14; 15]. Иногда он вызывает определенную озабоченность у ученых [40; 91; 117].

Важное значение имеет коммуникативная функция права. Она характеризует право как один из регуляторов, связующих элементов поведения и деятельность субъектов права. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что данную функцию право реализует не изолированно, а совместно с другими социальными нормами (обычаями, традициями, корпоративными правилами, моралью, религиозными догмами и т.д.). По мнению, например, доктора юридических наук Ф.Х. Галиева, ни одна социальная норма, в том числе и право, не функционирует в обществе изолированно от других. «В современном мире, – *по его мнению,* – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [32, стр. 12].

Данное свойство социальных правил Ф.Х. Галиев называет синкретизмом современной правовой культуры [29; 30; 31; 33; 34]. Под синкретизмом правовой культуры он понимает естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [32, стр. 12].

По существу коммуникативная функция права реализуется в контексте синкретизма современной правовой культуры.

Что же касается специально-юридических функций права. то к ним относят регулятивные и охранительные функции. В свою очередь, регулятивную функцию рассматривают как складывающуюся из статической и динамической функций, а охранительные – включающие профилактическую и оперативную [113, стр. 18-20].

Сходную классификацию функций права находим у профессора М.И. Байтина. Он,

руководствуясь таким критерием разграничения функций права, как сочетание характера и цели воздействия, подразделяет основные из них на регулятивно-статическую, регулятивно-динамическую, регулятивно-охранительную и воспитательную [12]. Остановимся на анализе данного подхода более подробно.

Регулятивно-статическая функция направлена на закрепление в соответствующих нормах и правовых институтах социального, политического и другого порядка. Она сводится к закреплению основ конституционного строя, народовластия, форм собственности, правовых статусов, формы правления и государственного устройства, разделения власти, полномочий органов власти, а также правовых основ отраслей права.

Регулятивно-динамическая функция направлена на достижение и реализацию цели правового регулирования. Данная функция выражается в нацеленности права на совершенствование в соответствии с динамикой общественных отношений.

Регулятивно-охранительная функция направлена на охрану права от нарушений в целом, а ее содержание состоит в предупреждении и пресечении преступлений, других правонарушений, защите и восстановлении нарушенных прав.

По мнению Р.Ф. Исмагилова, П.А. Оля и Р.А. Ромашова, «непосредственным объектом охранительной функции выступают не те отношения, которые нужны обществу, а те, от которых общество хочет избавиться. Основным свойством этой функции является установление в нормативных предписаниях запретов совершать нежелательные обществу действия, состав правонарушений и юридических санкций, применяемых к лицам, нарушающим нормы права» [113, стр. 19]. Аналогичной точки зрения придерживается профессор Т.Н. Радько [74, стр. 35]. Именно он является тем исследователем, который многие годы анализирует функции права, посвятив им кандидатскую и докторскую диссертации [76; 80] и многочисленные публикации [72; 73; 75; 77; 78; 79; 81].

Согласно мнению М.И. Байтина, данная функция входит в число основных функций права, «каждая из которых имеет относительно самостоятельное значение в механизме действия права и является необходимым условием и средством правового регулирования» [13, стр. 138]. Данное обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку существует точка зрения, согласно которой «охранительная функция является своеобразным дополнением к регулятивно-статической и регулятивно-динамической функциям. Она проявляется лишь постольку, поскольку нарушается право… выступает в качестве функции, подкрепляющей и дополняющей действие основных» [8, стр. 66].

Очевидно, проблема заключается в том, что разграничение функций права в контексте теоретического анализа имеет методологическое значение. В действительности они тесно взаимосвязаны и переплетены, а с осуществлением данных функций непосредственно связана необходимость в самом праве как явлении общественной жизни.

Воспитательная функция охватывает своим содержанием ту часть воздействия права, которая осуществляется не специально-юридическими, а общесоциальными, присущими всем надстроечным элементам приемами и средствами (правовое воспитание, правосознание, правовая культура, общие нравственные принципы права, не получившие еще закрепления в нормах позитивного права, профилактика правонарушений и т.д.).

Очевидно, что крайняя функция не относится к сфере институционных образований, но к духовной сфере. Между тем автор рассматриваемого подхода считает необходимым включить данную функцию в перечень функций права. В связи с этим следует уточнить содержание понятия права, культивируемого автором. Отмечая, что к наиболее существенным признакам права относятся государственно-волевой характер, нормативность и властно-регулятивная природа [12], автор тем самым склонен его рассматривать в качестве институционного образования в рамках узкого понимания. Тем большее недоумение вызывает включение в состав общих функций права воспитательной функции, содержание которой не является институционным. Вероятно, ее можно отнести к правовой системе в целом, которая, как известно, имеет не только институциональный, но не институциональный уровни.

Так или иначе, автор прав в том, что правовое воздействие на общественные отношения не исчерпывается исключительно институционным аспектом права, но имеет и другие аспекты. В числе таких аспектов – идеологический, который

и выражает воспитательная функция, как его частное проявление.

Поэтому приведенное выше определение функций права необходимо подкорректировать с тем, чтобы внести в него признаки, характерные именно для права как институционного образования. Так, под функциями права следует понимать наиболее существенные направления и стороны его институционально-нормативного воздействия на общественные отношения.

Такое понимание функций права отражает позиции тех ученых, которые придерживаются узкого подхода к праву как социальному явлению. Однако, как известно, подходов ко пониманию права достаточно много [21; 22; 23; 24; 25; 26; 65; 66; 67]. Жизнь не стоит на месте. Появляются и новые трактовки. Так, профессоры В.П. Сальников и С.И. Захарцев предложили компрехендный (всеохватывающий) подход к праву [41; 42; 43; 44; 46; 115]. Они сравнивают право с бриллиантом, в котором 57 граней, полагают, что у права примерно столько же граней. И каждая грань права должна быть определена и познана [38; 52; 53; 54; 55]. Воспитательная роль права – одна из его граней. Трудно, просто невозможно сегодня представить правовую культуру общества и личности [88; 92; 93; 97; 98; 99] или, скажем, правосознание [27; 36; 39; 51; 64; 86; 109], правовой прогресс [45; 47; 48; 49; 50; 96] и другие правовые явления без права как такового. А как оно (право) влияет на правовую культуру и правосознание, правовой прогресс и другие правовые явления? Конечно, через свои функции. Если право с помощью этих своих функций улучшает человека и общество, то конечно оно имеет эту воспитательную функцию. В какой же классификации функций она будет находиться – это другой вопрос.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.. 2016.
2. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 109-116.
3. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
4. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
5. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
6. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981.
8. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. – Свердловск, 1963.
9. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
10. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
11. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
12. Байтин М.И. Право и правовая система: вопросы соотношения // Право и политика. – 2000. – № 4.
13. Байтин М.И. Сущность права // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2001.
14. Баранов В.М., Баранова М.В., Черячукин Ю.В. Рекламное право: Учебно-методический комплекс. 2-е изд., перераб. и доп. – Н. Новгород, 2003.
15. Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 796 с.
16. Бачило И.Л. Информационное право: Учебное пособие. – М., 2001.
17. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 789 с.

18. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
19. Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987. 328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92.
20. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. – М., 1988.
21. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
22. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
23. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
24. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
25. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
26. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
27. Булатов Р.Б., Биктасов О.К., Ильичев В.В., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Состояние и проблемы правосознания современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 10-15.
28. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
29. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
30. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
31. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
32. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
33. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
34. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
35. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
36. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
37. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
38. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
39. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
41. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
42. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Таджикистан и современный мир. – 2016. № 2.

44. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
45. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
46. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
47. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
48. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
49. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2(44).
50. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
51. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
52. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
53. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
54. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
55. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
56. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
57. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
58. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
59. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
60. Ковалева Н.Н. Информационное право России: Учебное пособие. – М.: Дашков и К°, 2007. – 360 с
61. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
62. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10. – С.79-104.
63. Новый энциклопедический словарь. – М., 2005.
64. Олейников В.С., Джегутанов Б.К., Балахонский В.В. Философия права и правосознания: Монография. – СПб, 2009.
65. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
66. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-аксиологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
67. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
68. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
69. Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 1989.
70. Психологический механизм юридического поведения личности / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011.
71. Психологический механизм юридической деятельности (Личностный аспект) / Под общ. ред. В.Н. Карташова.

– Ярославль: ЯрГУ, 2010.
72. Радько Т.Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. 2012. – № 29. – С. 9-16.
73. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
74. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. – М., 1970.
75. Радько Т.Н. Социальные функции советского права: Учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1971. – 167 с.
76. Радько Т.Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: Автореф. дис. …докт. юрид. наук. – М.: , 1978.
77. Радько Т.Н. Теория функций права: Монография. – М.: Проспект, 2014. – 272 с.
78. Радько Т.Н. Функции права // Общая теория права. Курс лекций. – Нижний Новгород: Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. – С. 266-281.
79. Радько Т.Н. Функции права. Глава 17 // Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: ФОРУМ: Инфра-М, 2008. – С. 293-308.
80. Радько Т.Н. Функции социалистического общенародного права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Саратов, 1967.
81. Радько Т.Н. Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 9. – Волгоград, 1974.
82. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995.
83. Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник. М., 2010.
84. Рассолов М.М. Информационное право: Учебное пособие. – М., 1999.
85. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
86. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
87. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
88. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
89. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
90. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
91. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
92. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
93. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
94. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
95. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
96. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
97. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
98. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
99. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
100. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
101. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

102. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
103. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
104. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
105. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
106. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
107. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
108. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
109. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
110. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
111. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
112. Тарасов Н.И. Роль социально-психологических факторов в правовом регулировании. – Саратов, 1994.
113. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
114. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности. – СПб., 1991.
115. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44). – С. 39-44.
116. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
117. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
118. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
119. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
120. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
121. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
122. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976.

АХВЕРДИЕВ Эльдияр Элдарович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: akhvrdiev@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

КОНЦЕПЦИЯ ИМАМАТА КАК ОБРАЗА УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Аннотация. *Предметом данного исследования является имамат как образ управления мусульманской общиной. Изучаются различные представления о роли имама, его взаимодействия с общиной; выделяются основные функции и обязанности имама; условия занятия должности; и его полномочия. Приводятся аргументы целесообразности политико-правовой мысли, специфически характерной для исламской государственно-правовой традиции.*

Методологией исследования связана с сопоставлением ранее выдвинутых отечественными и зарубежными арабистами и востоковедами различных точек зрения, а также соглашением, оспариванием или опровержением различных суждений.

Недостаточная изученность данной проблематики оставляет нераскрытыми множество вопросов. Это, в частности, очевидно на примере подходов к пониманию термина «имамат». Ряд ученых выделяют его как форму правления, акцентируя внимание на обширное духовное воздействие имама на общество, другие опровергают данное мнение, мотивируя это тем, что имам являлся лишь духовным лидером, в то время как реальной государственной властью обладал халиф или султан (в различные периоды). Детальное исследование предложенной темы позволит «взглянуть изнутри» на мусульманское правопонимание.

Ключевые слова: *Имам; Имамат; шииты; Алиды; секты; касайниты; зайдиты; власть; верховная власть.*

AKHVERDIEV E.E.

THE CONCEPT OF IMAMAH AS A MODE OF MANAGEMENT OF MUSLIM SOCIETY

The summary. *Islam is a religion and modus vivendi based on commandments of Allah, enunciated in Holy book and regulating different fields of social life.The subject being analyzed is Imamah as means of management of Muslim society. Studies various approaches to the imam's status, to his relationship with community, to define the essential functions and obligations of the imam, the conditions of obtaining of the status and powers.*

The article presents the reasons of expediency of the political and legal thought specifically inherent for Islamic state and legal tradition.

The methodology of the research founded on comparative analysis of different standpoints of Russian and foreign Arabic scholars; indent; contestation or refutation of different assessments as well.

The topic not being sufficiently scrutinized relinquishes an array of questions. There are plenty of points of view about Imamah; certain number of scholars range it between forms of government with a particular focus on solid spiritual on society, other scientists deflate this estimation, insisting on the fact that imam being only spiritual leader, caliph and sultan (in different epochs) wielded

the real political powers. The detailed research of the subject will allow insight of the Islamic legal consciousness.

Key words: *Imam; Imamah; Shi'ah; 'Alids; sects; power; spiritual leadership; supremacy.*

В настоящее время исламу и мусульманскому праву принадлежит огромная роль в международной политике, идеологии и государственно-правовом развитии мусульманских стран. Это доказывает, что данная религиозная система и сегодня, в новой исторической обстановке, располагает большими возможностями активно транслировать свои идеи. Важное значение ислама и мусульманского права, в качестве нормативного регулятора и идейно-политического фактора заставляет обратиться к исследованию сущности и природы исламского государства, его специфических особенностей, формы правления [3, стр. 2.].

Ислам (как самая молодая мировая религия) на первых стадиях своего развития была в состоянии регулировать различные сферы жизнедеятельности общества, и осуществлять организацию органов власти.

Как справедливо замечает профессор Л.Р. Сюкияйнен: «Первоначально ислам воспринимался его последователями исключительно как религия. Но со временем, под влиянием его статуса как основы власти и в результате распространения на обширные территории исламского государства – халифата, ислам, оставаясь религиозным учением, взял на себя также роль универсальной нормативной системы, определяющей весь образ жизни мусульман» [13, стр. 135].

Отмечая исключительную особенность ислама и тесную связь исламской религии с возникновением государства, академик В.В. Бартольд писал: «Мухаммад положил начало не только религии, но и государству, и ислам при жизни своего основателя пережил все стадии процесса развития, который пережил буддизм от Шакьямуни (VI в. до н.э.) до Ашоки (268-232 правил Индией), христианство от Христа до Константина Великого» [5, стр. 81].

Весьма показательны в этом отношении и слова Августа Мюллера: «Царство нового мира, которое воздвиг пророк (имеется в виду Мухаммад), благодаря тому, что оно сначала настолько же опиралось на дурные, как и на благородные человеческие побуждения, в непродолжительный весьма срок достигло такого объема и блеска, какого ни один из одаренных политическим смыслом народов древности не мог выработать для своего государства ранее нескольких столетий кровавых усилий» [12, стр. 139-140].

Английский ученый А. Дж. Тойнби выявляет специфику становления ислама по сравнению с другими мировыми религиозными политико-правовыми концепциями: «Буддизм не имел заметного политического влияния в мире на протяжении двух, а христианство – на протяжении трех столетий с момента возникновения до тех пор, пока они не достигли политического успеха благодаря обращению Ашоки и Константина. Ислам же, напротив, получил относительно большое влияние еще при жизни основателя, и политический успех был достигнут самим основателем» [19, стр. 131].

Придерживаясь аналогичного мнения, в предшествующих публикациях, мы констатировали, что религиозные доктрины, ставшие «примером для подражания» (иудаизм, христианство), не смогли добиться таких результатов и сохранить свое могущество незыблемым.

Становление различных религиозно-правовых концепций предполагают, с одной стороны, борьбу за политическую власть, с другой – зависимость духовного учения от поддержки государства либо влиятельной организации, определяющей характер управления обществом [7; 8; 9; 10; 11; 14; 16; 17].

Феномен ислама состоит, прежде всего, в том, что ему, в отличие от других мировых религий, удалось на века укорениться в качестве основной государственной идеологии, причем не в одном государстве, а в целой их плеяде [4, стр. 129].

Необходимо отметить, что нормы Корана и Сунны содержат немного норм, регламентирующих вертикаль власти и властные отношения в целом. Данные источники не включают, конкретных инструкций, определяющих сущность и содержание мусульманского

государства.

В своих учениях ислам выделяет три уровня власти – власть Аллаха, власть пророков и третья власть – власть правителей. Согласно Корану и Сунне власть Аллаха должна перейти в руки правителей, но в вышеуказанных источниках не говорится, каким образом это произойдет», каким именно правителям; не определено, кто должен выбирать, какие требования предъявляются, дальнейшие способы передачи власти.

Из противостояния интересов и представлений о статусе главы верующих, возникли несколько течений, которые по-разному трактовали роль государства, государственное устройство, роль правителя. Именно проблема власти привела к расколу мусульманского мира на основные течения в исламе – суннизма и шиизма, хариджизма, а также многочисленному числу различных сект.

По мнению Б.А. Сафарова: «Представители шиитской политико-правовой мысли истолковывали характер власти главы государства, исходя исключительно из религиозных представлений, и не прибегали к каким бы то ни было рациональным объяснениям. Шииты полагали, что имамат суть продолжение и необходимое завершение пророческой миссии Мухаммада. Поэтому они считали установление имамата правом Аллаха, а не обязанностью общины. Имамат у шиитов является не правовым институтом, а одной из первейших основ самой веры – «опор» ислама. Он не составляет предмета правовой науки и не регулируется с помощью норм, сформулированных правоведами, а представляет собой форму, окончательно установленную «божественным законом». Поэтому, по мнению шиитов, нельзя отказаться от имамата, или даже поручить общине самой выбрать его» [18, стр. 107].

В отличие от суннитской концепции, шиитское учение наделяло имама абсолютной, почти божественной властью и ставило его выше общины. Его личность объявлялась священной. Имам считался непогрешимым, принимая на себя всю полноту личной ответственности за исполнение норм шариата всеми подданными. По вопросам, не урегулированным Кораном и Сунной, только его решения имели силу закона, поскольку имамом мог быть лишь величайший знаток шариата.

Так в свою очередь Б.А. Сафаров отмечает: «Шиитская политико-правовая доктрина полагала, что суверенитет принадлежит исключительно Аллаху и от его имени всеми делами мусульман единолично руководит имам, который подчиняется только шариату, отражающему волю Аллаха, и не связан волей общины» [18, стр. 108]. «Шиитская политическая мысль подходила к решению вопроса верховной власти по-иному, считая, что имам не избирается общиной, а является прямым представителем Аллаха и пророка. Лишь пророк единолично должен назначать своего преемника, передающего власть следующему за ним избраннику Аллаха из числа прямых потомков пророка по линии его зятя Али. Шииты считают, что имам, или лидер общины, должен быть потомком Али, четвертого халифа и зятя Мухаммада. Таким образом, они отвергают трех первых халифов, признанных суннитами, которые полагают, что верховным лидером может быть любой представитель рода Мухаммада» [18, стр. 108].

С.М. Прозоров дает определение термину «имамат»: «Термин имамат происходит от арабского глагола амма – “стоять впереди”, “руководить чем – либо”» [15, стр. 204].

С утверждением ислама слово «имам» получило значение: «духовного наставника», «духовного лидера» и в этом смысле оно использовано в Коране.

С. М. Прозоров отмечает: «До первого раскола в мусульманской общине, вызванного убийством халифа Османа и последовавшим за ним обострением борьбы за власть, термин «имамат», для обозначения функций верховной власти, не употреблялся. Во всяком случае, ни в Коране, ни в хадисах, относящихся ко времени Мухаммада и праведных халифов, это слово не упоминается. Термин имамат в его конкретном значении стал употребляться, видимо, в период, так называемой, первой гражданской войны, когда в борьбу за власть включилась новая политическая сила – хариджиты, и сама борьба перешла в качественно новую стадию» [15, стр. 204].

Идеи хариджитов, обладая некоторыми сходствами с суннитским учением, имеют, тем не менее, и существенные различия. Центральной идеей хариджитов являлось равенство арабов и не-арабов. Халифа, по их мнению, следовало избирать. Законодательная и судебная власть должна была сосредоточиться в руках Шуры (совета), а Халиф был только главой

исполнительной власти. Отличием от суннитов являлось, то, что хариджиты были фанатично религиозны, старались следовать всем религиозным предписаниям, воспринимая буквальный смысл Корана и отрицая любое толкование его айатов.

Сторонников шиитской концепции власти называют Алидами. Корень «Али» был заимствован от имени их лидера и зятя Мухаммеда Али.

Главной задачей Алидов было аргументированно доказать их права на верховную власть. Основным инструментом в идеологической борьбе послужило написания комментария к Корану – в его стихах ясно говорится, что Мухаммед выбрал Али своим преемником; и множество хадисов. Работы, в которых аргументировались права Алидов на верховную власть и основы имамата, назывались: «Китаб ал-имама» (книга об имамате); «Кита ис-бат» (вариант: ихтиджадж, дала ил) ал-амама» (доказательства имамата); «Китаб ал-васийа» (Книга о завещании).

Разгар идеологической борьбы (в котором участвовали имамы и теологи) пришелся на первую половину VIII века.

В свою очередь Б.А. Сафаров отмечает: «Усилия проалидских теологов привели к выработке представления о том, что верховная власть – имамат – в силу «божественного установления» принадлежит роду Али. Однако единый принцип передачи имамата внутри рода Али с самого начала не был установлен, и по мере естественного дробления рода Али увеличивалось число потенциальных претендентов на верховную власть».

Парадоксально, что, «крайние» шииты проповедовали идею обожествления Алидов, тогда как сами алидские имамы отказывались от этих идей и категорично критиковали их проповедников. Например, Джафар ас-Садик предписывал отказываться от тех, кто признавал божественную миссию алидских имамов.

Как поясняет ал-Кашши: «… он резко осуждал Абу Харуна ал-Макфуфа, обожествлявшего пятого Алидского имама Мухаммада ал-Бакира» [1, стр. 290].

«Отвергая прямое обожествление имамов, шиитский ислам фанатично защищает «божественную» сущность имамата. Это, в свою очередь, предопределило безграничную власть имамов как непогрешимых и обладающих особым знанием. Известны случаи, когда по приказу имамов убивали неугодных им людей» [1, стр. 441].

Ан-Наши ал-Акбар указывает, что: «Обожествление Али, а затем и его потомков продолжалось и в последующие столетия. Так, в VIII в. многочисленные секты “крайних” шиитов (харбиты, хариситы и др.) проповедовали эманацию “извечного святого духа” в роду Али, обожествляя Алидов по линии Мухаммада б. ал-Ханафии» [3, стр. 37].

Ал – Кашши отмечает: «“Крайние” шииты из Куфы ал-Муфаддал Умар, Амр ан-Набати, Бинан и др. считали Али “богом земли и неба, обитающим в облаках”» [1, стр. 275].

Как поясняет Ал-Багдади: «В IX в. В Багдаде Исхак Мухаммад ал-Ахмар, глава секты исхакитов, также проповедовал эманацию “божественного духа” в роду Али» [2, стр. 380-381].

Необходимо указать, что с момента образования и дальнейшего становления шиитского учения, не был установлен принцип передачи власти. После смерти сыновей Али – ал-Хасану и ал-Хусайну, возник очередной конфликт претендентов на верховную власть. Первыми обострились касайниты (представители ответвления от классического шиизма), признавшие законность притязаний на власть брата Мухаммада, сына Али.

После смерти Али в шиизме зародилось несколько течений (сект), считавших его “ожидаемым имамом” и “скрытым махди”, впоследствии сторонники этих сект пришли к его обожествлению. Вследствие чего выделилась очередная ветвь – зайдитская – отстаивавшая право на власть Зайда Али, брата Мухаммада ал-Бакира. В ходе вооруженного восстания в Куфе (740) Зайд Али погиб, продолжил борьбу отца его сын Йахйа, который впоследствии погиб в очередном восстании.

Следует добавить, что приверженцы шиизма убеждены, что понять, толковать и объяснять айаты Корана может только особенный круг лиц, обладающий сокровенными знаниями, которые, в свою очередь, вытекают из содействия, наставления и помощи Всевышнего. По мнению шиитов, члены семьи Пророка избавлены от грехопадения, ослушания, пороков, ибо они должны быть подобны ему. Поэтому они считают, что установление имамата – это единственное

правильное выражение формы исламского государства, основанного на принципах шариата.

Конец IX века считается завершением раннего этапа формирования шиитского учения. Шиитские теологи создали свою уникальную религиозно-философскую доктрину, обладающую как достоинствами, так и явными недоработками (в частности в вопросе преемства власти).

Список литературы

1. Ал-Кашши. Китаб ар-риджал. Пер. с араб. яз. – Ан-Наджаф, 1964.
2. Аль-Багдади. Тарих Багдад. Пер. с араб. яз. Т. 4. – Миср, 1931.
3. Ан-Наши ал-Акбар. Масаил ал-имама. Пер. с араб. яз. – Бейрут, 1971.
4. Ахвердиев Э.Э. Специфика мусульманской теории государства: истоки и юридические параллели // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 129-134.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Работа по истории ислама и Арабского халифата. Т.6. – М., 1966.
6. Басова И.О. Государственно-правовая идеология ислама и практика строительства мусульманских государств: Дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000.
7. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Стратегия правового регулирования государственно-конфессиональных отношений (новый взгляд) // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 75-79.
8. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Религиозное право и личная жизнь человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индусских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 40-43.
9. Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97.
10. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников С.П. Образы теократии в мифологической и религиозной государственно-правовой мысли // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 194-200.
11. Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150.
12. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / Пер. с нем. яз. – М., 2004.
13. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. – М., 2003.
14. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р., Нахимов А.П. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 148-158.
15. Прозоров С.М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: Сб. ст. – М.: Наука, 1984.
16. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
17. Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Религиозно-правовая проблематика в учебном процессе: кому это нужно? // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 80-89.
18. Сафаров Б.А. Раннее исламское государство и формирование исламских представлений о власти: Дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2010
19. Тойнби А.Дж. Цивилизации перед судом истории / Пер. с англ. яз. – М., 2003.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

ЖИЛЬСКАЯ Людмила Валентиновна
профессор кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: zhilskaya2011@yandex.ru

ЖИЛЬСКИЙ Николай Николаевич,
профессор профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: zhilskaya2011@yandex.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. *Исследуется государственное регулирование СМИ в РФ, определены проблемы и представлены пути преодоления выявленных проблем.*

Ключевые слова: *демократическое государство; средства массовой информации; государственное регулирование.*

ZHILSKAYA L.V.
ZHILSKIY N.N.

STATE REGULATION OF MEDIA

The summary. *In this article it is told about essence democratic state, basis for regulating media, some problems and ways of identified problems overcoming are proposed.*

Key words: *democratic state; media; state regulating.*

Становление и развитие демократических начал в гражданском обществе любого государства, стремящегося к статусу правового, обусловлено существенной потребностью граждан в доступе к информации. С идеологической свободой тесно связана свобода мысли.

В гражданском обществе, основанном на свободе идеологий, никто не может навязывать человеку какие-либо мысли и убеждения помимо его воли [14; 18; 19; 39; 40; 60]. Мысль не может проявляться свободно, если невозможно ее свободно высказать. Свобода массовой информации является основным следствием свободы слова, т.е. возможности человека публично высказывать, предавать гласности, распространять любым способом свои мысли и убеждения. Доступ граждан к информации напрямую зависит от качества и уровня правового регулирования организации и деятельности средств массовой информации. Особое значение имеет информация, которая реализуется через информационные агентства и различные средства массовой информации – газеты, журналы, телевидение, радиовещание и т.д. [8; 9; 10; 15; 21; 30; 32; 62]. Ответственная роль и опасность злоупотреблений свободой информации заставляют демократические государства детально определять их правовое положение, порядок создания, деятельности и ликвидации [23; 43; 63]. Средства массовой информации часто досаждают правительствам, находятся на острие политической борьбы в обществе, но демократическое государство не может позволить себе избавиться от этого «досадного» фактора, оно ищет поддержки своей политики со стороны общественного мнения не путем запретов, а аргументируя свою позицию в средствах массовой информации и официальных изданиях, но никогда не пытается ликвидировать свободную оппозиционную печать, что ведет к гибели самой демократии. Именно средства массовой информации представляют собой определяющий вектор развития общественных отношений в государстве, поскольку в своем содержании несут информационную составляющую общения индивида с социумом, как через печатные средства массовой информации (газеты и журналы), так и через электронные (радио, телевидение и интернет). Государственно-правовое обеспечение деятельности средств массовой информации призвано упорядочить движение информационных потоков, создать условия для развития гражданского общества, цивилизованного диалога власти, общества, граждан, обеспечить нормальные условия деятельности журналистов и перевести социальные конфликты в плоскость конструктивных дискуссий [5; 31; 34].

Как известно, в условиях тоталитаризма в бывшем СССР нельзя было даже формально говорить о свободе средств массовой информации в силу признания марксистко-ленинской идеологии в качестве обязательной, государственной, существования монополии КПСС на информацию, на имущество средств массовой информации. В средствах массовой информации существовала цензура, т. е. требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций и учреждений, общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы. Статья 50 Конституции СССР и статья 48 Конституции РСФСР свободу слова и печати признавали лишь в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя. Средства массовой информации были рупорами господствующей партийно-государственной элиты, мощными средствами подавления инакомыслия и инакодействия, ограничения свободы личности и гражданского общества.

С переходом от тоталитаризма к демократии в России существенно меняется статус личности в обществе и государстве, в том числе в области свободы мнений и убеждений, слова, печати, информации, происходят существенные изменения в положении средств массовой информации. Развитие российского информационного права должно идти в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации и на основе ее положений [11; 12; 13; 35; 37]. Стоит подчеркнуть, что ряд статей Конституции содержат нормы, прямо и непосредственно регулирующие отношения в сфере информатизации (ст. 23, 24, 29, 44) [1]. Приняты федеральные законы, которые также нацелены на регулирование данной сферы, в том числе – Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» и Федеральный закон «О средствах массовой информации» [2; 4; 33]. Многие нормы информационного права содержатся в указах Президента РФ и постановлениях Правительства Российской Федерации.

В качестве составляющих предмета информационного права можно выделить следующие группы отношений, подлежащих правовому регулированию. Во-первых, – это реализация основных информационных прав и свобод человека и гражданина, законных интересов

общества и государства в информационной сфере. Во-вторых, – это развитие и модернизация информационно-телекоммуникационной инфраструктуры в тесной связи с глобальными информационными сетями. В-третьих, речь идет о создании и использовании информационных ресурсов, развитии рынка информационных средств, продуктов и услуг. В-четвертых, имеется в виду государственная политика в сфере информационной безопасности России. И, в-пятых, информационное право призвано регулировать международное сотрудничество в сфере информации. Совокупность названных групп отношений и составляет сегодня в основном и главном сферу регулирования, осуществляемого информационным правом. Помимо того, что свобода прессы – конституционное право гражданина по отношению к государству, она также гарантирует свободу слова и, таким образом, является составной частью системы обеспечения демократии. Такая трактовка конституционных гарантий влияет на размеры и границы свободы печати. Закон защищает плюрализм прессы, способствуя конкуренции и осуществляя поддержку при сборе и распространении информации, оставляя, впрочем, открытым вопрос о концентрации собственности на средства массовой информации.

Значительный объем правовых проблем стоит перед Российским государством в деле совершенствования организационно-правовых основ функционирования средств массовой информации. В этом деле своевременным представляется углубленное изучение правового статуса организаций, осуществляющих производство и выпуск средств массовой информации (редакций), правового регулирования их деятельности, совершенствования форм и методов управления ими. Реальная конкуренция между журналистами и их изданиями (компаниями) все больше подменяется состязанием сенсаций, скандалов и компроматов. Мало того, отсутствие финансовой независимости превращает средства массовой информации из информационных источников в политическое оружие групп, кланов, элит и т. д., где отсутствие самоокупаемости средств массовой информации компенсируется его владельцу, будь то банкир или администратор области, его послушностью, управляемостью, готовностью послужить или прислуживать.

Под независимой прессой в мире понимается такая пресса, которая свободна от правительственного, политического или экономического контроля, а также контроля, выражающегося в зависимости от материалов и инфраструктуры, необходимых для выпуска и распространения газет, журналов и периодических изданий. Плюрализм прессы предполагает ликвидацию всех форм монополии и существование как можно большего числа газет, журналов и периодических изданий, в которых находит свое выражение максимально широкий диапазон мнений членов общины.

Свобода прессы может быть ограничена лишь такими нормативными актами, как законы о защите общественной нравственности, репутации, национальной безопасности, уважении государственных институтов, и статьями Конституции о защите достоинства личности, свободного развития личности, свободы выбора профессии, права собственности. Запрещается использовать средства массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, содержащих государственную и другую, специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, для распространения сведений о изготовлении и распространении наркотических средств. Всякий, кто использует свободу прессы или другие свободы в целях борьбы с демократическим порядком, теряет свое право на свободу слова, но само лишение права и определение объема лишения должно быть прерогативой федерального Конституционного Суда.

Однако развитие российского информационного права не может идти в отрыве от международно-правовых стандартов, поскольку российское информационное пространство является составной частью мирового информационного пространства. Отсюда вытекает потребность в правовом регулировании сочетания, взаимодействия и полной интеграции российских информационных технологий с зарубежными технологиями. Необходимо осуществление обмена информацией в соответствии с нормами международного права, на основе признания суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела других государств, признания их права на самоопределение. Свобода без ответственности ведет к искажениям и злоупотреблениям, но

при отсутствии свободы невозможно реализовать ответственность. Имущая часть населения в результате развития информационных технологий получит возможность контролировать свою информационную среду, участвовать в сложных информационных взаимодействиях, иначе говоря, станет ко всему прочему информационно богатой. Для других широкомасштабное участие в информационных обменах вряд ли окажется возможным. Ни приватизация, ни либерализация не в состоянии противостоять множеству экономических и политических факторов, мешающих установлению равенства в сфере информации. Как результат, усиливается не только конкуренция, но и монополизация средств массовой информации, что может привести к возникновению информационного дефицита для определенных слоев населения.

Таким образом, можно отметить негативные тенденции, вызванные засильем транснациональных корпораций в сфере прессы, радио и телевидения. В частности, Соединенные Штаты Америки, чаще всего декларирующие свой приоритет в области достижения независимости прессы, на деле игнорируют собственные принципы свободы слова. Свобода доступа к информации в США подвержена значительным законодательным ограничениям. Американские исследователи печати вынуждены констатировать: опасаясь нарушений, могущих повлечь серьезные последствия, основные средства массовой информации шли на ужесточение самоцензуры и, в результате, предоставляют американской общественности только информацию определенной узкой направленности, не отражая всего спектра точек зрения на конфликт.

В расширяющихся коммуникационных системах предпочтение следует отдавать некоммерческим формам массовой коммуникации, признавая потребность масс-медиа в прибыли, следует рассмотреть вопрос о том, как способствовать уменьшению негативного влияния, которое оказывают чисто коммерческие соображения на организацию и содержание национального и международного потока информации. Российскую общественность все более беспокоит положение дел в средствах массовой информации, в том числе с точки зрения того, что они сообщают, какую информацию передают и как ее интерпретируют. Подчас в отдельных средствах массовой информации свобода информации превращается в анархию, произвол, беспредел. Распространяются ложные сведения, разжигается социальная, этническая, религиозная вражда, не применяются меры ответственности виновных в нарушении прав и свобод граждан, при злоупотреблении свободой средств массовой информации. Прокуратура в ряде случаев бездействует, не реагирует на нарушения Конституции и законов.

Абсолютное большинство специалистов в числе наиболее существенных характеристик информационного поля России называют также доминирование телевидения, которое стало не только основным, но для многих россиян и единственно доступным каналом массовой информации. Это во многом определяет тип и содержание той картины мира, которую формируют средства массовой информации в сознании граждан России: оно носит в основном событийно-жанровый характер, где тесно переплетается информация и развлечение, тематические материалы все больше вытесняются различного рода шоу, а их обсуждение концентрируется не на проблеме, а на персонаже. Телевидение не только замещает активную, массовую политическую жизнь пассивным просмотром теленовостей. Телевидение блокирует и многие другие несостоявшиеся формы гражданского участия, социальной солидарности (клубы по интересам, ассоциации и союзы разного рода, формы самоорганизации потребительского или досугового поведения, наконец, реальные политические партии), создавая целые сферы чисто визуальной чужой жизни, виртуально-телевизионной реальности, которая завораживает зрителей своей как бы доступностью, иллюзией присутствия. Разыгрывая различные ситуации, инсценируя сюжетные коллизии, ТВ воспроизводит весь круг представлений и ценностей, значимых сегодня для сообщества россиян в целом, выступает своего рода имитатором ритуалов социального единства и сопричастности. Кроме того, довольно часто российским гражданам телевидение навязывает чуждые им ценности, почерпнутые и пропагандируемые в США и Западной Европе [7; 16; 22; 38; 45; 46; 49; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 65]. Это серьезная проблема, которая требует специального обсуждения.

К перечисленным направлениям регламентации деятельности, на наш взгляд, нужно добавить еще одно: регламентацию деятельности

средств массовой информации, действующих в сети Internet. Сетевые издания законом не приравнены к средствам массовой информации, их статус остается неопределенным, они действуют в своем замкнутом мире, который обошло правовое регулирование. Меду тем, именно в сети Internet нормы об ограничении распространения определенных категорий информации нарушаются значительно чаще, чем в традидиционных средствах массовой информации.

Не вмешиваясь в деятельность независимых (частных) средств массовой информации, государство в то же время регламентирует государственные средства массовой информации. На них, разумеется, распространяются все гарантии свободы печати, но государство вправе требовать от них освещения деятельности органов государственной власти. В то же время, воспрепятствование в какой-либо форме деятельности средств массовой информации (например, незаконное запрещение или приостановление) влечет уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законом. Установлены порядок создания и регистрации средств массовой информации, а также основания для отказа в регистрации или для ликвидации. Предусмотрено, в частности, что деятельность средств массовой информации может быть прекращена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [3]. В последние годы был введен ряд ограничений деятельности средств массовой информации в целях противодействия терроризму [17; 36; 42; 44; 59; 61]. Введены ограничения, связанные с учреждением теле-, видеопрограмм и организаций (юридических лиц), осуществляющих телевещание, в частности, предусматривается, что иностранное юридическое лицо, а равно российское юридическое лицо с иностранным участием, доля (вклад) иностранного участия в уставном (складочном) капитале которого составляет 50% и более, гражданин РФ, имеющий двойное гражданство, не вправе выступать учредителями теле-, видеопрограмм.

Можно наблюдать, насколько в последнее время изменили мир информационные технологии, которые сделали его открытым, прозрачным, как сейчас говорят, транспарентным. Такое явление, как глобализация, теперь уже не экзотический термин, а окружающая реальность. И сегодня совершенно очевидно, что средства массовой информации являются мощнейшим рычагом воздействия на общественное мнение (не случайно журналистское сообщество называют «четвертой властью»). Без этого рычага не обходится ни одна сфера общественной деятельности, будь то политика, экономика, наука или культура. Средства массовой информации не только и не столько отражают определенные ожидания, мнения, вкусы и пристрастия читателей, телезрителей и радиослушателей, в гораздо большей степени масс-медиа формируют эти самые умонастроения и предпочтения. В связи с этим предлагаем внести поправку, в ст. 4 ФЗ РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [4] о запрете показывать по телевидению сцены убийства и насилия как в новостных передачах и документальных фильмах, так и в художественных фильмах в дневное время. Поскольку в дневное время несовершеннолетние дети совершенно доступно могут получить эту информацию, что может сказаться на неправильном их психологическом и физическом воспитании, что в общем итоге негативно отразится на общественной нравственности, и будет способствовать появлению преступности, повышению уровня агрессивности и жестокости в обществе.

Средства массовой информации – один из важнейших институтов современного общества, выполняющий многообразные функции, такие как информирование население о событиях, происходящих в стране и в мире; образование и социализация; реклама в различных ее проявлениях; развлечения и искусство и т.д. Средства массовой информации оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику, здравоохранение, образование, религию. Массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется с помощью средств массовой информации. Велика их роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом [29; 41; 50]. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире, осуществляются через и с помощью средств массовой информации. Без свободы печати нет ни гражданского общества, ни правового государства. Информированность общества и каждого человека – залог экономического,

культурного и правового прогресса [24; 25; 26; 27; 28; 47; 48; 58]. Газеты, журналы, радио и телевидение, печатные издания, свободно формируя общественное мнение, служат наилучшими гарантиями свободы народа и соблюдения конституционного строя.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
4. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 7. – Ст. 300.
5. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 109-116.
6. Алхутова Г. А. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности. Дис. . канд. юрид. наук. – М.: 2002.
7. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
8. Бакусева М.Б. Телевидение как фактор формирования социальных настроений в российском обществе: Дис. … канд. филолог. наук. – М., 2006.
9. Баранов В.М., Баранова М.В., Черячукин Ю.В. Рекламное право: Учебно-методический комплекс. 2-е изд., перераб. и доп. – Н. Новгород, 2003.
10. Баранова М.В. Право и реклама (общетеоретический аспект): Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 796 с.
11. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. – М., 1991.
12. Бачило И.Л. Информационное право: Учеб. пособие. – М., 2001.
13. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 789 с.
14. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
15. Бурдье П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.
16. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
17. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 128-134.
18. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
19. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
20. Давтян С. Л. Правовые основы функционирования редакции. – М.: 2002.
21. Ефимова Л.Л. Публично-правовые основы государственного регулирования телевидения и радиовещания в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000.
22. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики

и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2(44).
28. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
30. Зудин Д.И. Влияние телевидения на национальную безопасность России в информационной сфере: Дис. … канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2006.
31. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
32. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
33. Комментарий к Федеральному закону «Об информации, информатизации и защите информации» / Под ред. И.Л. Бачило, А.В. Волокитина, В.А. Копылова и др. – М.: ИГП РАН, 1996.
34. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.
35. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.
36. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
37. Рассолов М.М. Информационное право: Учеб. пособие. – М., 1999.
38. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
39. Романовская Л.Р. Актуальные проблемы развития концепции гражданского общества в России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 99-102.
40. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
41. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
42. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
43. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
44. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
45. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
46. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
47. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
48. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
49. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
50. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
51. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
52. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9.

– С. 58-68.
53. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
54. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
55. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
56. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
57. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
58. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
59. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
60. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
61. Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.
62. Федякин И.В. Государственное телевидение, как инструмент государственной информационной политики: политологический анализ российского и зарубежного опыта. – М.: МГУ, 2009.
63. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
64. Царик А.А. Международно-правовые основы реализации права на свободу массовой информации // Общество и право. – 2009. – № 1.
65. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
66. http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/
67. http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/98140/Конференции
68. http://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/

ГАДОЕВ Бурхонидин Саймудинович,
докторант кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: burhonidin@mail.ru.

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. *Существующая смешанная избирательная система (мажоритарная и пропорциональная) в нынешних условиях Таджикистана считается целесообразной, поскольку в стране только что формируется многопартийность, отсутствует практика и традиции многопартийности, у партий нет широкой социальной базы. В перспективе допускается переход к пропорциональной системе выборов парламента. С использованием специальной юридической литературы анализируются процесс совершенствование избирательной системы в Республике Таджикистан с учетом развитие и расширение права граждан в сфере непосредственной демократии.*

Ключевые слова: *избирательная система; мажоритарная; пропорциональная; демократия; выборы; Конституция; государственный орган; парламент; представительная демократия; референдум; конституционная реформа.*

GADOEV B.S.

IMPROVING THE ELECTORAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The summary. *The existing mixed electoral system (majority and proportional) in the current conditions of Tajikistan is considered appropriate, since the country has just formed multi-party system, no practice and tradition of multi-party system, parties have no broad social base. In the future, it permitted the transition to a proportional system of parliamentary elections. In this article, the author, using the special legal literature analyzes the process of improving the electoral system in the Republic of Tajikistan, taking into account the development and expansion of the rights of citizens in the field of direct democracy.*

Key words: *electoral system, majority, proportional, democracy, elections, constitution, state body, the Parliament, representative democracy, referendum, constitutional reform.*

Конституционная характеристика выборов как одной из форм непосредственного выражения власти народа предполагает активное участие граждан в выборах, избирательном процессе. Без такого участия трудно можно себе представить выборы как форму народовластия. Для того чтобы выборы действительно стали высшим непосредственным выражением власти народа, необходимо активное участие в них на всех стадиях избирательного процесса граждан любого государства, в том числе и Республики Таджикистан [6; 7; 15; 19; 22; 23].

После конституционного референдума 26 сентября 1999 года избирательная система

Республике Таджикистан претерпела существенное изменение. Это связано с переходом от старой «советской избирательной системы» к новой общепризнанной демократической системе выборов членов парламента. Такой переход, как известно, начался ещё со времен перестройки и демократизации советского общества и продолжается по сей день. Проблема демократизации избирательного процесса актуальна для постсоветских республик (в том числе и для Таджикистана), переживающих глубокую трансформацию всей системы общественных отношений [3; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 17; 18; 20]. Для этих стран выборы стали неотъемлемой частью демократизации общественной жизни, вносящей в нее свежую струю и динамизм [21, стр. 131].

Конституция Республики Таджикистан содержит статьи, посвященные выборам. Выборы рассматриваются как одна из форм осуществления власти народом (ст. 6), как конституционное право граждан участвовать в управлении делами государства (ст. 27) [1]. Это очень важные положения, связанные с реализацией избирательных прав гражданами Республики Таджикистан.

Исходя из анализа избирательного законодательства, можно сделать вывод о том, что избирательные права граждан Республики Таджикистан подразделяются на два вида, различающихся по юридической природе. Одни из них, например право избирать и быть избранными, относятся к основным, базовым конституционным правам. Наряду с другими конституционными правами они образуют конституционный статус гражданина. Другие права, независимо от того, установлены они Конституцией или иным актом избирательного законодательства, выполняют вспомогательные функции по отношению к праву избирать и быть избранными: без них вряд ли можно представить себе демократический избирательный процесс, без совершения избирательных действий, предусмотренных этими правами, маловероятна реализация права избирать и быть избранными.

В связи с этим избирательные права можно подразделить на две группы: закрепляемые Конституцией и предусмотренные текущим избирательным законодательством в форме конституционного закона. Причем конституционное регулирование избирательных отношений, в том числе избирательных прав, более стабильно, чем регулирование текущим законодательством, поскольку внести изменения в закон значительно проще, чем в Конституцию.

На наш взгляд, совершенствовать избирательное законодательство необходимо, однако принципы избирательного права, избирательные права граждан, другие важные вопросы, связанные с выборами, предпочтительно регулировать в Конституции, что сделает избирательное законодательство более стабильным и позволит гражданам эффективнее осуществлять избирательные права.

Существенные изменения в избирательном законодательстве в Республики Таджикистан произошли в связи с внесением первых поправок в Конституцию страны 1999 года и принятием нового закона о выборах в парламент республики. Закон установил порядок организации и проведения выборов исходя из двухпалатной структуры парламента страны, а также из того, что нижняя палата формируется непосредственно избирателями по смешанной системе выборов (мажоритарная и пропорциональная), а верхняя палата образуется местными представительными органами и президентом страны.

Следует отметить, что впервые в Республике Таджикистан была введена смешанная система выборов нижней, постоянно действующей палаты парламента. Число депутатов нижней палаты было определено в количестве 63 депутата, 41 из которых избирается от одномандатных избирательных округов, 22 из них избираются по партийным спискам от единого общереспубликанского избирательного округа [2]. Количество депутатов нижней палаты долго обсуждалось при подготовке проекта поправок в Конституцию и при подготовке законопроекта о выборах в парламент страны.

Имело место также мнение о том, чтобы вообще отказаться от избрания депутатов по партийным спискам. Так, политолог М. Гулджонов по этому поводу отмечал, что «такой порядок избрания в Республике Таджикистан неприемлем. В нашей Конституции не записано, что правительство после проведения выборов будет сформировано на основе набора большего количества голосов той или иной партией. Если так, то для Республики Таджикистан важнее всего является то, что выборы должны состояться на основе

кандидатур, которые выдвигаются избирательными округами. Это не говорит о том, что представители политических партий не примут участия в выборах. Представители политических партий могут и должны выдвигать кандидатуры своих представителей во всех регионах и вести агитацию в поддержку своего кандидата» [5, стр. 41-45]. Однако следует отметить, что конституционное закрепление формирование правительство после проведения выборов на основе набора большего количества голосов той или иной партией не имеет место в демократических государствах, а это в науке конституционного права называется конституционной обычай.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, смешанная избирательная система в настоящее время необходима для политической жизни Таджикистана. Это связано с тем, что такая система способствует, во-первых, укреплению многопартийности, во-вторых, становлению политической элиты, в-третьих, появлению политической оппозиции, в-четвертых, усиливает политическую борьбу, что приводит к политическому плюрализму, разным политическим взглядам и идеям, в-пятых, к политической активности людей, что необходимо для их политического самовыражения. Они являются важными предпосылками и основой построения демократического, правового и плюралистического общества, к чему стремится и Республика Таджикистан.

Имеется практика проведения выборов по мажоритарный или пропорциональной избирательной системы Республика Таджикистан, однако сказать, какая лучше, вряд ли возможно. Проблема эта широко обсуждается в средствах массовой информации, много внимания уделяется ей в научной литературе. Задаются вопросы: какая из избирательных систем предпочтительнее? При какой системе граждане имеют больше возможностей участвовать в избирательном процессе? За что критикуется мажоритарная система и в чем недостатки пропорциональной?

Как правило, называется два основных недостатка мажоритарной избирательной системы: во-первых, победу в избирательном округе можно одержать незначительным большинством голосов; во-вторых, пропадают голоса, поданные за кандидатов, не добившихся успеха. Есть и другие недостатки. У пропорциональной избирательной системы названных недостатков действительно нет, но есть иные.

Рассмотрим избирательные системы с позиций того, какая из них полнее обеспечивает реализацию гражданами избирательных прав. Конституция Республики Таджикистан устанавливает, что каждый гражданин государства, обладающий пассивным избирательным правом, может быть избран депутатом представительного органа либо выборным должностным лицом. Для этого прежде всего необходимо стать кандидатом. Граждане Республики Таджикистан обладающие пассивным избирательным правом, могут быть выдвинуты кандидатами непосредственно или в составе списка кандидатов. При этом непосредственное выдвижение может быть осуществлено путем самовыдвижения либо выдвижения политической партией. Из этого следует, что выдвижение в составе списка кандидатов возможно только при пропорциональной избирательной системе, а непосредственное выдвижение – при мажоритарной. В последнем случае фактически каждый гражданин Республики Таджикистан, если он обладает пассивным избирательным правом, может стать кандидатом по одному из избирательных округов. Решение зависит только от самого гражданина, от его желания стать кандидатом. Итак, для того, чтобы стать кандидатом при мажоритарной избирательной системе, препятствий не существует, граждане могут свободно осуществлять свои избирательные права, в том числе участвовать в выдвижении кандидатов.

При пропорциональной избирательной системе, чтобы быть избранным депутатом, нужно состоять в списке кандидатов политической партии. Порядок включения в список кандидатов определяется уставами партий. Различия между ними хотя и имеются, но незначительные. Решающую роль при составлении списка кандидатов играют руководящие органы политических партий, роль избирателей практически не просматривается. При этой системе избиратели не только не могут участвовать в составлении списков кандидатов, они даже не знают, кто включен в список кандидатов, за одного из которых им придется голосовать.

Таким образом, пропорциональная избирательная система не обеспечивает гражданам реализацию их избирательных прав на выдвижение кандидатов (списков кандидатов),

совершение других избирательных действий. При этой системе гражданам предоставляется лишь одно право: получить в день голосования избирательный бюллетень и опустить его в избирательный ящик.

Здесь хотим рассмотреть некоторые проблемы пропорциональной избирательной системы. При системе открытых списков и преференций личность кандидата имеет большое значение: тот, кого не поддерживают избиратели, не имеет шансов на избрание. При системе «жестких списков» личность кандидата не так важна. Причем значение личности кандидата уменьшается вместе с возрастанием номера его в списке, что дает возможность партиям формировать начальную часть списка из поддерживаемых населением лидеров, а остальную – из людей, по некоторым причинам нужным партии в роли депутатов. В таких случаях могут быть разные основания включения кандидата в список на «последние проходные номера»: внесение большого пожертвования в избирательный фонд партии, знакомство с руководством партии, нужные связи в политических или экономических кругах. Возможна обратная ситуация – когда не кандидат нужен партии, а партия нужна кандидату, чтоб стать депутатом. Это напоминает взаимовыгодную сделку, при которой кандидат получает место, а партия – некую выгоду. При жестких списках, в которых порядковый номер кандидата определяется не избирателем, а политической партией, складывается ситуация, когда избиратель наряду с кандидатом, которого он хочет избрать, способствует избранию кандидата, который ему неизвестен или несимпатичен, как бы «в довесок». Можно провести аналогию с существующим в США порядком голосования по пакету законопроектов, когда президент представляет парламенту одновременно с законопроектом, по которому достигнуто согласие, законопроект, который парламент принимать не хочет. Проголосовать же парламент может лишь за оба проекта либо против них. Избрание кандидатов по «жестким спискам» может служить фактором преломления или подмены действительной воли избирателей. Использование преференциального голосования и гибких списков в значительной мере помогает решить эти проблемы и способствует выявлению действительной воли избирателей в процессе выборов.

Пропорциональная избирательная система порождает главную теоретическую проблему, решение которой влияет и на практику осуществления законодательной власти в обществе – кто обладает пассивным избирательным правом: каждый кандидат, весь список или партия? Нужно отметить, что в избирательном праве нет такой категории субъектов, как «список кандидатов». Традиционно все конституционные права принадлежали физическим лицам, однако, согласно некоторым правовым позициям ими могут обладать юридические лица в той степени, в какой это не противоречит их правовой природе. Основным назначением политических партий является участие в политической жизни общества, в том числе в законодательных органах. В условиях «жестких списков» избиратели поддерживают скорее партию, чем ее кандидатов, а в законодательных органах партийных депутатов связывает партийная дисциплина. Можно говорить о том, что кандидаты, а затем и депутаты реализуют партийную волю. Некоторые исследователи именуют такую ситуацию «партийным цензом». Напротив, при открытых списках и менее жесткой партийной дисциплине можно заключить, что даже при пропорциональной избирательной системе основными субъектами пассивного избирательного права являются конкретные граждане. Законодательство Республики Таджикистан не предусматривает о том, что партии обладают пассивным избирательным правом. Однако данная проблема должна стать предметом специальных исследований.

Кроме того, в современной науке конституционного права нет единого мнения по поводу возможности существования коллективных избирательных прав. Представители одной точки зрения, например российские учений Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян, ссылаясь на то, что характеристика коллективности означает невозможность достижения результата в индивидуальном порядке, говорят о том, что и активное и пассивное избирательное право следует рассматривать в качестве индивидуальных прав, принадлежащих и реализуемых субъектом индивидуально [4, стр. 131]. Сторонники другого подхода, например учений М.С. Матейкович, утверждают, что конституционные права граждан избирать и быть избранными могут быть реализованы только коллективно, посредством выражения общей воли

избирательного корпуса, определяемой на основе волеизъявления большинства [16, стр. 131].

В настоящее время порядок составления списка кандидатов определяется каждой партией по-своему. Этот факт порождает некоторое неравенство кандидатов, которые зависят от внутрипартийных процедур, которые могут значительно отличаться. Интересно, что в уставах ныне действующих политических партий не прописано, каков порядок составления списка кандидатов, а лишь повторены нормы Закона о порядке одобрения уже составленного списка. Здесь следует сказать, что имеет место сознательный пробел, когда руководство политических партий не намерено делать процесс формирования списков прозрачным и открытым. По факту списки составляются в кулуарах путем неформальных переговоров руководителей партии с возможными кандидатами и предъявляются членам партии на утверждение целиком, без возможности корректировки.

Исходя из этого считаем, что система жестких списков должна быть изменена на систему гибких списков с преференциальным голосованием, когда избиратель, голосуя за список, имеет право отдать свой голос еще и за конкретного кандидата внутри этого списка (или нескольких), который ему доверяет. И порядок распределения мандатов между кандидатами списка должен предусматривать, что место в первую очередь получают те, за кого было подано больше голосов.

Требуется нормативное регулирование порядка выдвижения списка кандидатов внутри политической партии. Должно быть закреплено, что любой желающий может обратиться в политической партии с предложением включить его в список кандидатов. По всем кандидатурам вместе должно проводиться кумулятивное голосование, на основании которого и определяется состав и нумерация кандидатов в партийном списке. Также можно законодательно урегулировать порядок предоставления определенного количества мест в партийных списках для определенных категорий граждан, представительство которых в парламенте минимально (например, женщин, представительство которых в парламенте явно неадекватно количеству женщин-избирателей или молодежи). Закон, конечно, не должен предусматривать, сколько точно мест следует выделить тем или иным категориям граждан, однако имеет смысл закрепить минимальное количество кандидатов из определенных категорий граждан, которое должно быть в списке. А для партий, не выполняющих условия, следует предусмотреть ограничение в предоставлении бесплатного эфирного времени или государственного финансирования. Следует сказать, что внутри некоторых российских партий, например «Единой России», приобретает популярность идея «квотирования» мест в списках кандидатов. Например, официальный сайт партии содержит сообщение о том, что «Единая Россия» намерена ввести 20%-ю квоту для молодых политиков (до 28 лет) при формировании партийных списков. А самарское отделение партии выделяет 30% -ю квоту для женщин.

Высказанные предложения указывают на возможность дальнейшего изменения избирательного законодательства. Существующая смешанная избирательная система (мажоритарная и пропорциональная) в нынешних условиях страны считается целесообразной, поскольку в стране только что формируется многопартийность, отсутствует практика и традиции многопартийности, у партий нет широкой социальной базы. В перспективе допускается переход к пропорциональной системе выборов парламента.

Считаем целесообразным закрепить на Конституционном уровне отдельной главе основные принципы и нормы избирательной системы. Это обосновывается тем, что выборы является высшим непосредственным выражением власти народа, основой формирования органов государственной власти и легитимность прихода их к власти. С другой стороны, оно является целесообразным с учетом того, что ещё в стране не устоялись избирательное законодательство, необходимая практика и традиции выборов. В связи с этим, передача решения этого вопроса парламенту может привести к злоупотреблению со стороны последнего.

Список литературы

1. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016.
2. Конституционный закон о выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан.- 1999.- № 12. – Ст. 296.
3. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
4. Бондарь Н.С, Джагарян АЛ. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. – М., 2005..
5. Гулджонов М. Конституция и некоторые статьи Закона «О выборах в Маджлиси Оли Республики Таджикистан» // Конституция Республики Таджикистан и пути ее реализации. – Душанбе, 1995. – С.41-45
6. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России): Пособие / Под ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 352 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
7. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – 359 с.
8. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
9. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
10. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
11. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
12. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
13. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
14. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
15. Ихсанов Р.В. Судебная защита избирательного права в России: некоторые актуальные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 58-61.
16. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. – М., 2003.
17. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
18. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р., Нахимов А.П. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 148-158.
19. Роль и задачи политических партий в повышении электоральной активности молодежи: Мат. межвуз. нач.-практ. конф. Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 года / Под ред. Н.В. Шубиной, М.В. Боера, М.В. Сербина. – СПб.: ГУАП, 2010. – 118 с.
20. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 41-53.
21. Сафаров Л.Ш. Избирательная система в Таджикистане: проблема и перспективы её совершенствования // Таджикистан и современный мир. – 2012. – № 1.
22. Сербин М.В. Избирательная система Российской Федерации в условиях модернизации политической системы страны: Монография. – СПб.: ГУАП, 2012. – 176 с.
23. Сербин М.В., Малькевич А.А.. Островский Б.А. Основы избирательной системы и избирательного процесса в Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2008. – 168 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич,
доцент кафедры гражданского права Волжской государственной академии водного транспорта, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: Region52@inbox.ru

СЕРГУНИНА Полина Олеговна,
юрист ООО "Астерия" (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: polina.sergunina@mail.ru

ШЕЛЕПОВА Мэри Амирановна,
начальник кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат педагогических наук (г. Тюмень, Россия)
E-mail: chislov111@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАТЕНТНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Анализируются действующие правовые нормы, регулирующие патентные отношения. Уделяется внимание нововведениям в российском законодательстве относительно рассматриваемой темы, судебной практике и проблемам, существующим на современном этапе развития патентно-правовых отношений.*

Ключевые слова: *патентное право; регулирование отношений; судебная практика; проблемы; авторство; патентобладатель; изобретение; промышленный образец;, полезная модель.*

ANANSKIKH I.A.
FOMICHEV M. N.
SERGUNINA P. O.
SHELEPOVA M.A.

PECULIARITIES OF REGULATION OF PATENT LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *This article analyzes the existing legal rules governing patent relationship. Also attention is paid to innovations in the Russian legislation concerning the topic, case law and issues at the present stage of the patent law relations.*

Key words: *patent law; regulation of relations; litigation; the problems; the authorship; palentological; invention; industrial sample; useful model.*

Гражданское право, как одна из ведущих и распространенных отраслей российского права, включает в себя множество подотраслей и институтов, регулирующих различные сферы человеческих отношений. Патентное право – один из правовых институтов – входит в систему подотрасли «права интеллектуальной собственности». Патентными нормами урегулированы имущественные, а также связанные с ними личные неимущественные отношения, зарождающиеся в связи с созданием и использованием изобретений, полезных моделей и промышленных образцов – объектов промышленной собственности [11].

Следует заметить, что в Гражданском кодексе РФ отсутствует определение понятия изобретения, но присутствуют условия его патентоспособности для получения правовой охраны. К ним относятся: новизна, наличие изобретательского уровня и промышленная применимость.

В действующем ГК РФ говорится, что в качестве полезной модели охраняются технические решения, относящиеся к устройству [16]. К полезным моделям предъявляются наименее строгие требования, среди них – промышленное применение и новизна, не берется в счет изобретательский уровень.

Изобретение и полезную модель объединяет общая черта: техническое решение задачи. По мнению Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева, они все же имеют два основных различия. Во-первых, в качестве полезной модели охраняются те технические решения, которые относятся к конструктивному выполнению средств производства и предметов потребления. Во-вторых, для полезной модели не обязательно наличие изобретательского уровня [16].

Критерии промышленной применимости полезной модели и изобретений могут быть соответственно идентичными. Условия патентоспособности промышленного образца выявлены в ст. 1352 Гражданского кодекса РФ [1]. Согласно части 1 данной статьи в качестве промышленного образца охраняется художественно-конструкторское решение изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, определяющее его внешний вид. А также в данной правовой норме определены условия патентоспособности промышленного образца: абсолютная новизна, оригинальность.

Также стоит отметить, что представляет собой промышленный образец. В качестве него охраняется решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства [1, ст.1352].

Взаимодействуя друг с другом, объекты (изобретение, промышленный образец и полезная модель) и субъекты (автор, патентообладатель, физическое и юридическое лица, РФ и публично-правовые образования) патентного права образуют содержание данных отношений. К основным правам, и соответственно содержанию отношений можно отнести: право авторства, право на получение патента, имущественное право – на вознаграждение, исключительное право на использование объекта по своему усмотрению, не нарушая права других патентообладателей.

Регулируя патентно-правовые отношения глава 72, ч.4 ГК РФ указывает, что интеллектуальные права на полезные модели, изобретения и промышленные образцы определяются как патентные права.

Новеллой Гражданского кодекса Российской Федерации является ст.1355[1]. Она содержит в себе информацию по государственному стимулированию создания и использования изобретений,

промышленных образцов и полезных моделей. Государство обязано стимулировать создание и использование объектов патентного права, предоставлять их авторам, а также патентообладателям и лицензиатам, льготы в соответствии с законодательством РФ и данной нормой ГК РФ. Если говорить о применение данной статьи в гражданском судопроизводстве, то практика показывает не совсем удовлетворяющие примеры. Так, спор в 2009 году по поводу незаконного увольнения инженера-конструктора, создавшего промышленный образец, (имеется патент) привел к отказу в восстановлении на работе и оставлении судебного решения без изменения, а жалобы – без удовлетворения. А если говорить о недавнем времени, то в 2014 году, поданная апелляционная жалоба по признанию незаконным судебного решения об отзыве патентной заявки, привела лишь к частичному удовлетворению требований истца [3].

ГК РФ действующей редакции регламентирует в большей степени право авторства на полезную модель, изобретение или промышленный образец. На данный факт указывает нам ст. 1356 ГК РФ. Норма говорит, что право авторства неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права. Отказ от этого права ничтожен. Данная норма при вынесении решения по апелляционной жалобе о признании незаконным размещение в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет плана-панорамы Санкт-Петербурга, также оставила истца без удовлетворительных результатов [4].

Статья 1357 ГК РФ указывает на некоторые изменения порядка и правомочий на получение патента на промышленный образец, изобретение, полезную модель. Право на получение патента первоначально принадлежит автору изобретения, промышленного образца или полезной модели. Право получения патента на объекты промышленной собственности может переходить к другому лицу – правопреемнику или быть ему передано в случаях и по основаниям, которые установлены законом.

Кодекс более детально подходит к регламентации такого института патентного права, как принудительная лицензия на полезную модель, изобретение или промышленный образец. Статья 1362 ГК РФ посвящена именно данной теме. Если изобретение или промышленный образец не обременены использованием, либо используются в недостаточном количестве патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента, а полезная модель – в течение трех лет, что приводит к недостаточному предложению соответствующих товаров, работ или услуг на рынке, любое лицо, желающее и готовое использовать такие изобретение, промышленный образец или полезную модель, вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории РФ изобретения, полезной модели или промышленного образца. Также обязательным условием здесь является отказ патентообладателя от заключения с этим лицом лицензионного договора на условиях, соответствующих установившейся практике.

Более детально Кодекс подходит к вопросам распоряжения исключительным правом на промышленный образец, изобретение, полезную модель. Статья 1234 Гражданского Кодекса РФ содержит новый для Гражданского Кодекса вид договора – договор об отчуждении исключительного права. По данному договору (ст. 1365 ГК РФ) одна сторона (патентообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на соответствующий результат интеллектуальной деятельности в полном объеме другой стороне – приобретателю исключительного права (приобретателю патента). Например, по настоящему договору Патентообладатель обязуется передать принадлежащее ему (ей) исключительное право на результат интеллектуальной деятельности – устройство для мониторинга состояния букс колесных пар вагонов грузового поезда в полном объеме другой стороне договора – Приобретателю патента. Приобретатель патента обязуется уплатить Патентообладателю предусмотренное настоящим договором вознаграждение.

Потребность в оформление патентно-правовых отношений, юридическое закрепление возникает в связи с невозможностью поставить под охрану средствами авторского права результаты технической или художественной интеллектуальной деятельности. Поскольку объекты патентного права имеют свойство повторяться и могут быть созданы разными независимыми лицами. К примеру, радио в России было изобретено

А.С. Поповым, в США – это сделал Дэвид Хьюз, данное изобретение было одновременно представлено общественности, однако изобретатель итало-ирландского происхождения, Гульельмо Маркони, первый запатентовал свои авторские права на изобретение [18].

Главное отличие авторского права от патентного состоит в следующем. Первое охраняет все произведения с момента придания им объективной формы, а второе – охраняет дизайнерские и технические решения не иначе как после официального их признания. А это подразумевает под собой выполнение ряда формальностей: составление особой заявки на выдачу патента; рассмотрение данной заявки Патентным ведомством; выдача патента [10; 12; 13].

Развитие права, как и любой эволюционный или революционный процесс, протекает на фоне социальных перемен. Ученые полагают, что эти перемены в жизни народов происходят по пути прогрессивного развития, то есть от худшего к лучшему [17], затрагивая в том числе и правовой прогресс [5; 6; 7; 8; 9; 14; 15].

Стоит отметить, что решение технических и иных задач, стоящих перед обществом в период восстановления роста экономической активности требует создания новых и использования существующих технологий, основой которых являются объекты интеллектуальной собственности.

Конечно, многие проблемы возникновения, осуществления и защиты прав на интеллектуальную собственность на сегодняшний день требуют окончательного разрешения. Эти проблемы, порожденные предшествующим законодательством, дополнились новыми, возникшими уже в условиях действия части 4 ГК РФ.

Указом Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 был сформирован Совет по совершенствованию Гражданского кодекса, включая все его части [2].

На сегодняшний день работа Совета имеет положительную динамику. В связи с этим хотелось бы отметить, чтобы в рабочий процесс Совета входили вопросы, связанные с формированием и созданием современной, отлаженной системы патентования с прочной законодательной базой и современным режимом защиты интеллектуальной собственности и авторских прав, в чем и заключается, на наш взгляд, основная задача российского законодательства сегодня в сфере регулирования патентных отношений.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
2. Указ Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28.07.2014 № 539) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 29 (часть I). – Ст. 3482.
3. Решение Омского областного суда по делу 33-4917/2009 (07.10.2009 г; Решение суда первой инстанции (02.07.2014, Суд по интеллектуальным правам) // URL: https://rospravosudie.com/law /Статья_1355_ГК_РФ
4. Решение Санкт-Петербургского городского суда по делу 33-19188/2015 (11.11.2015, (г. Санкт-Петербург). URL: https:// rospravosudie.com/law.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: вчера, сегодня, завтра // Правовое государство: теория и практика. - 2015. - № 4(42). - С. 6-13.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
10. Исмагилов Р.Ф. Курзенин Э.Б., Числов А.И. Интеллектуальная собственность. Авторское право: произведения науки, литературы и искусства, программное обеспечение // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 70-77.
11. Исмагилов Р.Ф., Курзенин Э.Б., Числов А.И. Интеллектуальная собственность: смежные права; патентное

право; селекционные достижения; топология интегральных микросхем // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 20-25.
12. Моргунова Е.А., Рузакова О.А. Основы авторского права. Издание третье. – М.: ИНИЦ Патент, 2008.
13. Петухова С.В. Авторское право и легальный контент: взгляд со стороны пользователя. Исследование ФОМ. – М., 2011.
14. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
15. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
16. Толстой Ю.К., Сергеева А.П. Гражданское право: Часть 1: Учебник. – М. 2007.
17. Фомичев М.Н. Правовое развитие в век научно-технического прогресса // Евразийский юридический журнал – 2016. – № 4(95). – С.91-92.
18. URL: http://narecord.ru/izobreteniya/perviy-patent-na-radio.html

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ЕВДЕЕВА Наталия Владимировна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: Nevdeeva@yandex.ru

КИРЯНИН Андрей Алексеевич,
оперуполномоченный по особо важным делам отдела по противодействию коррупции Нижегородской таможни Приволжского таможенного управления (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: an.kaplan2012@yandex.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право», младший советник юстиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЗАКОННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Рассматривается принцип законности, подходы к его пониманию, место и роль в юридической практике. Получили освещение проблемы реализации принципа законности в юридической практике.*

Ключевые слова: *принципы права; законность; верховенство права; юридическая практика; законность в юридической практике*

EVDEEVA N.V.
KIRYANIN A.A.
PETROV P.A.

LEGALITY AS A PRINCIPLE OF LEGAL PRACTICE

The summary. *This article discusses the principle of legality, approaches to its understanding and its place and role in legal practice. Got lighting problems of implementation of the principle of legality in the practice of law.*

Key words: *principles of law; legality; rule of law; legal practice; law in legal practice*

Юридическая практика является объектом исследования всех юридических наук. До настоящего времени единого подхода к пониманию юридической практики не выработано [19; 32]. Наиболее общим является понятие, в соответствии с которым под юридической практикой понимается вся предметно-практическая деятельность людей в юридической сфере общества. При таком подходе, в понятие юридической практики включаются правотворчество, правоохрана, правоприменение, процессы формирования права, деятельность различных организаций. «Основные разновидности юридической практики (правотворческая, правоприменительная, судебная, следственная и т.п.) представляют собой специфическое производство, соответствующим образом организованное и спланированное, где есть необходимые производители и потребители, средства и методы, технология и пр.» [20, стр. 64].

В научной литературе высказана и обоснована идея о том, что в современном обществе ни одна социальная норма не функционирует отдельно от других. Право действует совместно с иными социальными регуляторами: моралью, обычаями, традициями, корпоративными и религиозными правилами. Такое состояние социальных норм доктор юридических наук Ф.Х. Галиев назвал синкретизмом современной правовой культуры [11; 12; 13; 14; 16], который, по его мнению, «заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения в единстве с другими социальными регуляторами…, синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [15, стр. 23].

«В современном мире, – *по мнению Ф.Х. Галиева,* – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [15, стр. 12].

Определяя понятие синкретизма правовой культуры современного общества, исследователь понимает под ним естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [15, стр. 12].

Проанализированное Ф.Х. Галиевым состояние социальных регуляторов в процессе функционирования общественных отношений игнорировать вряд ли будет правильным. Анализируя юридическую практику, данное обстоятельство необходимо, безусловно, учитывать.

Поскольку юридическая практика является разновидностью социальной практики, ей свойственны все черты, присущие социальной практике. Особенностью юридической практики является то, что действия субъектов подвергаются упорядочению правовыми нормами. Именно благодаря этому юридическая практика всегда носит правовой, юридический характер, хотя и обеспечивается, в конечном счете, всей совокупностью социальных правил. Она все-таки является составной частью правовой реальности общества [5; 6; 7; 24; 30; 36; 37].

В юридической практике находят отражение принципы права. Принципы права лежат в основе принятия тех или иных норм, являясь, по сути, основой правотворчества, выступают как основание отрасли права, они могут применяться при

аналогии права. Таким образом, принципы права служат ориентиром в правотворческой деятельности, в процессе применения права. На основе принципов права осуществляется правовое регулирование.

В отношении понимания принципов права также нет единой позиции. В настоящее время, большинство авторов, исследующих данную проблему, понимают принципы права как совокупность идей [22, стр. 13]. Хотя высказываются и другие позиции [17; 18; 23; 25; 31; 34].

Принципы права имеют существенное значение для юридической практики. По мнению С.Ю. Лаврусь, «принципы права образуют своеобразную знаковую систему координат для правотворческих органов, дисциплинируют их, позволяют избежать произвола и принятия волюнтаристских решений» [22, стр. 16].

Одним из наиболее важных в указанном отношении является принцип законности.

Термин «законность» является производным от термина «закон». Закон – это нормативно-правовой акт высшего представительного органа государственной законодательной власти или самого народа, регулирует наиболее важные общественные отношения, выражающие волю и интересы большинства населения, воплощает основные права человека и другие общечеловеческие ценности и имеет высшую юридическую силу по отношению к другим нормативно-правовым актам. Несмотря на то, что законность, по своей сути, есть соблюдение закона, в настоящее время не сложилось единого подхода к ее пониманию.

Так, В.Н. Кудрявцев отмечал, что законность – это определенный режим общественной жизни, метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и неуклонного осуществления законов и других правовых актов [21, стр. 4]. Н.В. Витрук определял законность как идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства, как в законотворчестве, так и в подзаконном нормотворчестве [10, стр. 15]. О.Ф. Скакун утверждает, что законность – это комплексное (принцип, метод, режим) социально-правовое явление, характеризующее организацию и функционирование общества и государства на принципах права [35, стр. 483]. В учебнике «Теория государства и права», подготовленном и изданном в Санкт-Петербурге под редакцией профессоров В.П. Сальникова и Р.А. Ромашова, говорится о том, «что «законность» является сложным системным понятием и в наиболее общем виде представляет собой адаптированную к практике регулятивной и охранительной деятельности права теоретическую модель социального поведения, урегулированного посредством законов и направленного на воплощение в реальной жизни законодательно закрепленных властных предписаний» [38, стр. 272]. Таким образом, как мы видим, законность понимается как режим, как идея или как комплексное социально-правовое явление. Отметим, что если принципы права следует понимать как идею, то и законность, как принцип права, должна, в первую очередь, представлять собой определенную идею.

В тоже время, в современной науке подход к законности как к многоаспектному явлению получил наибольшее распространение. Однако, мы полагаем, что при таком подходе происходит своего рода подмена понятий. Это связано с тем, что понятие принципа законности расширяется, и она понимается не только как принцип права, но и как основа функционирования всей юридической практики. Таким образом, давая понятие законности как принципа, авторы, по сути, понимают ее как основу правового регулирования, вкладывая в определение законности как принципа значительно больший смысл.

Так, под принципом законности понимается строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права правовых предписаний, содержащихся в нормах права, т.е. речь идет о различных формах реализации права, о заключительном этапе правового регулирования.

Законность как метод государственного руководства обществом означает ни что иное, как воздействие с помощью правовых предписаний – дозволений, позитивных обязываний и юридических запретов, на сознание и волю субъектов общественных отношений. Управляющее воздействие на общество в данном случае осуществляется с помощью способов правового регулирования.

Законность как режим общественной жизни представляет собой режим реального выражения права в законах государства, в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве и в повсеместном исполнении законов. Данное определение охватывает своим содержанием понятие

правового регулирования, все его этапы и стадии.

Законность – это принцип, установленный Конституцией, который, в свою очередь, является одним из принципов современной концепции правового государства [8; 9; 26; 27; 28; 29; 33]. Следует отметить, что многие ученые рассматривают законность и как метод осуществления государственной власти, и как необходимый элемент демократии. Основным критерием признания государственными органами прав и свобод человека, осознание требований социальной справедливости [39; 40; 41], обеспечение личной безопасности граждан, демократических по содержанию и форме способов узаконивания государственной власти является, в частности, соблюдение законности.

Как мы уже отметили ранее, к основным видам юридической практики относят правотворческую, правоприменительную и правоохранительную практику. Реализация законности в каждом из указанных видов предполагает, в первую очередь, последовательное применение норм закона в той или иной правовой ситуации.

В отношении применения принципов в юридической практике С.Ю. Лаврусь выделяет ряд проблем: 1. далеко не все принципы права получают надлежащее законодательное закрепление [22, стр. 25]. Следует отметить, что этот вопрос так же касается принципа законности. Так, в УК РФ ст.3 раскрывает понимание этого принципа в уголовном праве: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» [4]. Следует отметить, что понимание законности, содержащееся в УК РФ, является чуть ли не единственным определением этого понятия в российском законодательстве. Иные нормативно-правовые акты либо упоминают принцип законности и не дают его понятия, либо же дают его косвенное понимание. Так, например, говорит о законности приговора УПК РФ: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» [3]. Ст. 195 ГПК РФ [1] и ст.176 КАС РФ [2] абсолютно идентично говорят о законности и обоснованности приговора:

1. Решение суда должно быть законным и обоснованным.

2. Суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Как видим, законодатель считает необходимым пояснить понятие обоснованности приговора, но не поясняет понятие его законности.

Таких примеров в российском законодательстве существует много. То есть, как видим, надлежащего закрепления принципа законности, несмотря на то, что это один из основополагающих, базовых принципов права, нет.

Вторая проблема, которую выделяет С.Ю. Лаврусь, «связана с неясным либо противоречивым изложением одного и того же принципа права, с разночтениями между конституционными формулировками и отраслевым законодательством» [22, стр. 27]. Отметим, что в отношении принципа законности серьезных разночтений между отраслями права нет. В большинстве случаев, законность понимается как принцип, на основе которого должны реализовываться нормы соответствующей отрасли. Очень часто, как было показано ранее, законодатель не дает понятия законности в нормативно-правовом акте, хотя и упоминает этот принцип в тексте закона. Например, понятия законности нет в Гражданском кодексе РФ, Трудовом, Гражданско-процессуальном кодексах. В Семейном кодексе, например, принцип законности даже не упоминается, что не означает его неприменение в данной отрасли права. Мы полагаем, что отсутствие закрепления самого термина «принцип законности» ведет к множественности трактовок этого понятия и расхождениям в его понимании в разных отраслях права. Например, законность в науке уголовного права, как правило, понимается как четкое следование закону, его предписаниям. В тоже время, в диспозитивных отраслях права можно встретить более широкое понимание законности, как части принципа верховенства права. Принцип верховенства права предполагает не только соблюдение предписаний закона, но и оценку этого закона с точки зрения соответствия закона праву, то есть, высшим идеалам и ценностям, имеющим правовое значение.

Таким образом, законность как принцип права реализуется в юридической практике, однако не имеет четкого законодательного закрепления, что ведет к возможным разночтениям в его понимании в рамках тех или иных отраслей права.

Список литературы

1. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. – М., 2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
8. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
9. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
10. Витрук Н.В. Законность, понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // Общая теория государства и права. Академический курс. Т.2 / Под ред. М.Н. Марченко. – М.,1998.
11. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
12. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
13. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
14. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
15. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
16. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
17. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. – Самара: Самар. отд. Литфонда, 2004. – 238 с.
18. Карташов В.Н. Принципы права // Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / Отв. ред. М.П. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. Том 2. Право. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 95-107.
19. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
20. Коробова А.П., Сорокин А.Г. К вопросу о понятии юридической практики // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 1.
21. Кудрявцев В.Н. Законность содержание и современное состояние // Законность в Российской Федерации / Ю.А. Тихомиров, А.Я. Сухарев, И.Ф. Демидов. – М.: Спарк, 1998.
22. Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005.
23. Леушин В.И. Принципы права // Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 2001.
24. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
25. Муромцев Г.И. Принципы права // Теория государства и права / Под ред. Г.Н. Манова. – М., 1996.
26. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
27. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.
28. Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. – Уфа: Академия наук р. Башкортостан, Гилем, 2013. – 300 с.
29. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
30. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
31. Ромашов Р.А. Принципы права. § 4 гл. 11 // Теория государства и права: Учебник/ Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.

32. Ромашов Р.А. Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия: Сб. изб. ст. – СПб., 2004.
33. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
34. Синюков В.Н. Понятие и принципы права // Курс лекций по теории государства и права: В 2-х ч. Ч. 1. / Под ред. Н.Т. Разгельдеева, А.В. Малько.– Саратов, 1993.
35. Скакун О.Ф. Теория государства и права. Учебник. – Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000.
36. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
37. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
38. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
39. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
40. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
41. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Анализируется уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики Российской Федерации. Отмечается, что в уголовно-исполнительной политике важное значение имеет не только понимание и трактовка наказания, но сам порядок, процесс и процедура его исполнения. Подробно рассматривается история развития системы исполнения уголовных наказаний в России. Делается вывод об объективной необходимости реформирования пенитенциарной системы, анализируются основные направления данной реформы.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная политика; уголовная политика; пенитенциарная система; уголовное наказание; Концепция уголовной политики Российской Федерации.*

SAL'NIKOV V.P.
ZAKHARTZEV S.I.
SAL'NIKOV M.V.

PENITENTIARY POLICY AS AN ELEMENT OF THE CRIMINAL POLICY OF MODERN RUSSIA

The summary. *The criminally-executive policy as an element of a criminal policy of the Russian Federation is analyzed. It is noticed, that in the criminally-executive policy the great value has not only understanding and treatment of punishment, but a order, process and procedure of its execution. The history of development of system of execution of criminal punishments in Russia is in detail considered. The conclusion about objective necessity of reforming penitentiary systems becomes, the basic directions of the given reform are analyzed.*

Key words: *criminally-executive policy; the criminal policy; penitentiary system; criminal punishment; the Concept of a criminal policy of the Russian Federation.*

Анализируя уголовно-исполнительную политику как элемент уголовной политики современной России, мы исходим из позиции профессора А.И. Александрова, сформулированной им в своей книге «Философия зла и философия преступности» и в предыдущих работах [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Исследователь обосновывает наличие в современной уголовной политике России шести составляющих ее элементов:

- уголовно-правовая политика;
- уголовно-процессуальная политика;
- уголовно-розыскная политика (мы ее называем оперативно-розыскной политикой);
- уголовно-исполнительная политика;
- уголовно-превентивная политика;
- уголовно-организационная политика.

Некоторые из элементов уголовной политики мы исследовали в своих работах [36; 37; 80; 81; 82; 83]. Здесь предлагаем свою позицию по поводу уголовно-исполнительной политики.

Уголовно-исполнительная политика может быть представлена как отношение власти к исполнению уголовного наказания, назначенного судом за совершенное преступление. «Без всякого сомнения, - *пишет И.М. Рагимов,* - вопрос о наказании всегда был и остается основным вопросом уголовного права, ибо от определенности или неопределенности одного этого понятия зависит истинность или ложность, последовательность или непоследовательность всей теории, устойчивость или шаткость практики. Именно *наказание* определяет уголовную политику (выделено нами – В.С, С.З., М.С.) любого государства в борьбе с преступностью» [71, стр. 15].

К такому выводу пришел профессор И.М. Рагимов, предприняв исторический экскурс в проблему, изучив труды российских и зарубежных философов и юристов. Не случайно он уточняет: «Однако нельзя забывать, что учение о наказании всегда было в определенной зависимости от понятия преступления и причин преступности. Социальное значение, цели и функции наказания не могут быть глубоко и всесторонне исследованы без уяснения и определения сущности и причин преступного поведения человека. Не только потому, что наказание является следствием преступления, что оно как бы вторично по отношению к этому явлению, но и потому, что наказание определено именно с целью борьбы с этой болезнью, причину которой на сегодняшний день точно мы определить не в состоянии. Иначе говоря, наказание, как средство борьбы, появилось только благодаря преступлению. Поэтому виды, система и содержание наказания всегда изменялись в зависимости от изменений характера преступности и условий, способствующих их появлению» [71, стр. 15-16]. Вот почему уголовно-исполнительную политику нельзя отрывать от уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, уголовно-превентивной и уголовно-организационной проявлений уголовной политики, а следовательно, от соответствующих материальных и процессуальных отраслей права, криминологии, ОРД и криминалистики.

Уголовное наказание, полагает И.М. Рагимов, является феноменом, охватывающим различные сферы нормативного регулирования. «Именно

благодаря этому своему качеству, - *указывает он*, - проблема наказания всегда будоражила общество, и особенно ярко это было заметно в XX веке. Поэтому ведущие социологи и философы не могли не откликнуться на потребность осмысления наказания. Наиболее серьезной задачей не только уголовного права, философии, психологии, социологии, педагогики, но и других наук, на сегодняшний момент, является не попытка оправдать или очернить наказание как сложное явление, а стремление найти более эффективные, научно обоснованные возможности его использования в социально полезных целях. Ведь именно наказание служит средством восстановления нормального порядка в обществе, устранения конфликтов между обществом, государством и личностью, возникшего в связи с совершением противоправных действий. Надо полагать, что благоприятная правовая и нравственная обстановка в обществе и государстве зависит от глубины понимания социальной природы наказания и от верного его практического применения. Изучение возникновения и эволюции теорий о наказании будет способствовать правильному пониманию его роли и значения в обществе» [71, стр. 8].

Понимание наказания зависит от уровня культурного развития общества и от господствующих в нем идеологических приоритетов. Оно (наказание) выступает ценностно окрашенной реакцией на нарушение норм права. И такое уникальное положение делает уголовное наказание, по мнению И.М. Рагимову, одним из ценных свидетельств истории и важных факторов оценки общественных процессов настоящего [71, стр. 9].

В другой своей работе профессор И.М. Рагимов, рассмотрев сущность, содержание и свойства наказания, дает ему следующее философское определение: «*Наказание – особое специфическое средство в руках государства для удержания людей от совершения преступления, сущность которого – возмездие, содержание – кара, а свойство – предупреждение и устранение*» [72, стр. 211].

Интересное понимание наказания находим в книге Р.А. Ромашова и Е.В. Пеньковского «Философия права и преступления», где авторы обосновывают наказание как элемент системы юридической ответственности и определяют его как санкционированное ограничение (ущемление) субъективного права лица, признанного виновным в совершении преступления, при этом они подчеркивают, что наказание и юридическая ответственность являются тесно связанными, но не тождественными категориями. Не существует наказания без ответственности, в то же время не все виды ответственности имеют своим конечным результатом наказание.

К основным целям наказания исследователи относят:

- кару, представляющую собой исходящее от государства принудительное ограничение правового статуса субъекта;
- искупление вины, означающее примирение общества с лицом, в отношении которого наказание исполнено.

Кроме того, наказание в отношении лиц с «перерожденным правосознанием», деятельность которых всегда носит асоциальный характер, неспособных к ресоциализации, используется в качестве средства временной изоляции от общества, для которого они представляют реальную угрозу [78, стр. 265, 266, 267, 270, 292]

Для граждан, совершивших преступления небольшой общественной опасности, не угрожающих нормальной жизнедеятельности государства, основной целью наказания является исправительное и правовосстановительное воздействие, обеспечивающее возвращение человека к нормальной социальной жизни.

Другими словами, цели наказания необходимо дифференцировать с учетом личности субъекта и характера совершенного им преступления. Важно учитывать, с одной стороны – повышенную степень общественной опасности и перерожденное правосознание одних субъектов, и с другой стороны – совершенное преступление небольшой общественной тяжести и не утратившие социальные связи, способность вернуться к нормальной социальной жизни иных субъектов. Данную категорию лиц Р.А. Ромашов и Е.В. Пеньковский предлагают условно называть «социально безопасной» [78, стр. 292].

Можно обратить внимание на то обстоятельство, что у И.М. Рагимова, Р.А. Ромашова и Е.В. Пеньковского в философском подходе к наказанию много общего. Есть, конечно, и различия, но нас в контексте настоящей статьи последнее не интересует. Для понимания уголовно-исполнительной политики нам именно важны те факторы, которые отмечают

вышеприведенные авторы, характеризуя наказание. Исходя из предлагаемых выше подходов, мы и будем строить характеристику уголовно-исполнительной политики.

В уголовно-исполнительной политике важное значение имеет не только понимание и трактовка наказания, но сам порядок, процесс и процедура его исполнения. Пожалуй, в нашем обществе сегодня это больной, если не сказать самый больной вопрос, вызывающий огромное беспокойство как у власти, так и у самого общества. В сфере практического применения уголовного наказания у нас много нерешенных проблем. «В этой области, - *пишет А.И. Александров,* - мы также нуждаемся сегодня в беспристрастном анализк сложившегося положения и поиска путей к его улучшению. Особую обеспокоенность вызывает состояние дел в части исполнения такого сурового наказания, как лишение свободы. К сожалению, современные российские колонии и тюрьмы зачастую выступают не местом для перевоспитания и духовного очищения оступившегося человека, а, напротив, настоящей преступной школой». Сославшись на публикацию Я.С. Турбовского [89], ученый продолжает: «Из такой школы отбывший наказание осужденный выходит со сложившимся криминальным сознанием, новыми навыками совершения преступлений и широкими связями с другими представителями преступного мира. Конечно, подобная реализация уголовно-исполнительной политики не может устраивать ни власть, ни общество» [13, стр. 278].

Наша страна имеет богатую историю практического исполнения уголовного наказания. Прошло более двухсот с лишним лет с момента образования в России Министерства внутренних дел и Министерства юстиции [33; 58; 59]. История этих двух министерств давно уже стало неотъемлемой часть не только общей истории нашего Отечества, но и истории исполнения уголовных наказаний. Теме не менее, пожалуй, одним из самых малоисследованных и актуальных ее разделов продолжает оставаться именно уголовно-исполнительная политика государства, ее история.

Система исполнения уголовных наказаний переживала различные времена, как и система МВД России и Минюста, менялись концепции и реформы, но оставалось главное – она была направлена на борьбу с преступностью, как этого требует уголовная политика в целом [22; 23].

За прошедшие годы тюремная система трижды включалась в состав МВД и столько же раз выводилась из него [39; 57].

Российское государство не всегда одинаково относилось к исполнению уголовного наказания. В литературе, посвященной истории российской пенитенциарной системе, принято считать, что усиление внимания государства к вопросам исполнения уголовного наказания приходится на начало XIX века. В 1819 году было сформировано Попечительское общество, стремящееся содействовать нравственному исправлению преступников и улучшению содержания заключенных. Покровительствовал обществу сам Александр I.

Известный историк царской тюрьмы М.Н. Гернет обращает внимание на то, что 26 мая 1831 года Министерство внутренних дел ввело в действие Тюремную инструкцию, регламентирующую исполнение наказаний в виде лишения свободы [24, стр. 108]. На следующий год был издан Свод учреждений и уставов о содержании под стражей ссыльных. Данный документ стал первым систематизированным законодательным актом, регламентирующим уголовно-исполнительную политику Российского государства. В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Закрепленные вышеуказанными нормативно-правовыми актами средства исправления преступников и предусмотренные ими уголовные и исправительные наказания достаточно тщательно уже проанализированы в научной литературе [57, стр. 575-576; 23; 57; 75], кроме того, этот анализ выходит за пределы настоящей публикации. Отметим лишь, что перечень, пожалуй, как основных средств исправления, так и самих уголовно-исправительных наказаний в те годы был, думается, более избирательным, чем те меры и виды наказаний, которые предусмотрены в действующем УК РФ, не говоря уже о том, какие из них практикуются.

Часть предусмотренных наказаний отменяется в ходе реформы 1860-х годов. В результате Судебной реформы 1864 года [15; 19; 41; 44; 47; 48; 49; 54; 60; 61; 63; 66; 67; 68; 84; 91; 96] принимаются Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (был введен этот институт). Стали широко использоваться штрафы, кратковременный арест или заключение.

Во второй половине XIX века, наряду с Судебной реформой 1864 года, которая, безусловно, оказала существенное воздействие на уголовно-исполнительную политику России, значимыми были и реформаторские шаги, касающиеся непосредственно и конкретно тюремной системы. Так, в 1877 году Величайшим указом императора была учреждена Комиссия о тюремном преобразовании. В состав Комиссии были включены известные российские судебные реформаторы 1864 года Д. Оболенский, К. Победоносцев, Н. Стоянов. Комиссии было предложено изучить опыт европейских стран и США, подготовить реформу тюремной системы Российской империи.

Не прошло и двух лет, как Государственная комиссия под руководством Грота обобщила многочистенные наработанные материалы, в результате чего были сделаны реальные шаги в направлении тюремной реформы. 27 февраля 1879 года в составе МВД России было образовано Главное тюремное управление (ГТУ). 11 декабря 1879 года был принят Закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях». Именно этот закон и стал юридической основой для реорганизации всей системы мест лишения свободы.

По мнению А.Ф. Марукова и Ю.А. Рента, успеху «прошедшей реорганизации в значительной мере способствовало укрепление нормативной и материальной базы ГТУ. Так, еще в марте 1890 года на местах учреждаются губернские тюремные инспекции. Для решения наиболее сложных вопросов был учрежден межведомственный Совет по тюремным делам. Отказ в 80-х годах от дальнейшего использования смирительных и работных домов, арестантских рот и долговых тюрем также был вызван выработкой новой концепции осуществления исполнения уголовных наказаний. В дальнейшем был взят курс на расширение сети крупных пересыльных тюрем и централов» [57, стр. 577].

За совсем небольшой период времени с 1886 по 1892 год в России было возведено 56 тюрем, приобретено под них 19, переоборудовано 28 огромных зданий. В конце XIX века Государственное тюремное управление насчитывало на балансе 895 тюрем, с более чем 90 000 заключенных [53, стр. 18].

Мы не призываем покрывать территорию современной Росси сетью тюрем, у нас колоний хватает, и их не меньше, чем было тюрем в Империи а конце XIX века, да и заключенных, как известно, у нас сейчас не меньше, а значительно больше. И привели мы эти фактические данные лишь для того, чтобы показать необходимость значительно более быстрого решения имеющихся в стане пенитенциарных проблем. Мы проводим реформу пенитенциарной системы уже не один год, и не два…, завершения ее еще не видно.

Уже много лет строится новая тюрьма под Санкт-Петербургом, как ее называют – «Новые Кресты». Предполагается следственный изолятор № 1 с улицы Арсенальной в Санкт-Петербурге перевести в Колпино. Внимание к этому строительству самое пристальное, в том числе со стороны самого высокого руководства страны. Меняются министры юстиции, директора ФСИН, а следственного изолятора в Колпино до сих пор не построено. Завершение его строительства переносится из года в год из-за недостатка средств, а ведь это пенитенциарное учреждение предполагается, будет соответствовать всем международно-правовым стандартам.

Современная реформа судебной системы Российского государства продолжается с 90-х годов прошлого века, и конца и края ее не видно [6; 14; 16; 17; 18; 29; 35; 42; 43; 45; 50; 51; 56; 69; 87].

Мы в своих публикациях уже обращали внимание на то, что для успешной уголовной политики необходимым отправным, исходным, ключевым моментом должна быть разработка, принятие и закрепление в соответствующем нормативном документе концептуальных основ политики современного Российского государства в области борьбы с преступностью [36; 37; 80; 81; 82; 83]. На данное обстоятельство еще ранее указывал профессор А.И. Коробеев [46, стр. 154-156].

Такая Концепция должна быть разработана в отношении уголовной политики в целом, а также в отношении ее всех шести элементов (уголовно-правовой политики, уголовно-процессуальной политики, оперативно-розыскной политики, уголовно-исполнительной политики, уголовно-превентивной политики, уголовно-организационной политики). На сегодняшний день имеется проект Концепции уголовно-правовой политики, разработанный по

инициативе Общественной палаты Российской Федерации группой экспертов Комиссии по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов. К разработке проекта были привлечены видные ученые, представители уголовного права. Проект выдержал широкое обсуждение научной общественности, ученых-криминалистов, политологов, политиков и государственных деятелей. Он всесторонне обсуждался на VII Российском конгрессе уголовного права «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Москва, 31 мая – 1 июня 2012 года), получил высокую положительную оценку со стороны участников конгресса и его рекомендацию к принятию данного проекта в качестве Федерального закона [20].

Проект Концепции уже давно представлен в Государственную Думу. Очередной созыв депутатов Государственной Думы сложил полномочия. Проект Концепции пролежал там уже несколько лет.

Остается надежда на то, что новый состав депутатов Государственной Думы найдет возможность рассмотреть проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации и принять ее в качестве Федерального закона.

Многие важные, нужные просто необходимые проекты, подготовленные качественно и давно, никак не могут дождаться своей очереди, где-то пылятся на полках и не попадают почему-то на глаза депутатов Государственной Думы. От этого страдают дело, интересы государства и российские граждане.

Вернемся же к истории нашей проблемы. В 1895 году Государственное тюремное управление из состава МВД было передано в Министерство юстиции. Основными формами уголовного наказания, кроме лишения свободы, оставались ссылка и каторга. Ссылка продолжала осуществляться полицейскими и жандармами из МВД, а не тюремными служащими Министерства юстиции. Каторга оставалась наиболее тяжелой формой уголовного наказания, но ее карательная сущность значительно ослабевала.

По общему сложившемуся мнению в пенитенциарной науке, «вся тюремная политика Российского государства в конце XIX – начале XX века характеризуется постепенным отходом от репрессивно-карательных функций и начинает ориентироваться на исправительно-воспитательную направленность. В декабре 1915 года была утверждена «Общая тюремная инструкция», приведшая нормативную базу российской системы исполнения уголовных наказаний к мировым стандартам. Вводились правовые различия для подследственных и осужденных, был внедрен в практику принцип презумпции невиновности, отменялись и запрещались телесные наказания» [57, стр. 578].

Революционные бури 1917 года уничтожили не только Российскую Империю, но и разрушили пенитенциарную систему России, на создание же новой системы не было ни средств, ни времени, ни сил, а возможно и ума. Новое Советское государство обойтись без тюрем не могло, в то же время оно не способно было разработать и свою уголовно-исполнительную политику. Пользовались тем, что было. При Наркомате юстиции (НКЮ) создается тюремный отдел. Чуть позже он превращается в Центральный карательный отдел (такое название больше отражало сущность его предназначения). С начала 1918 года под его эгидой образуется Тюремная коллегия, на которую возлагаются контрольно-наблюдательные цели и задачи, связанные с местами лишения свободы.

В 1919 году (15 апреля) в системе НКВД создаются лагеря принудительных работ. Они начинают действовать параллельно с учреждениями, функционирующими в Наркомюсте. Начинается процедура передачи элементов пенитенциарной системы в ведение органов внутренних дел. Этот процесс затянулся и продолжался до середины 1922 г. До этого времени наблюдалась удивительная картина, места заключения (до 25 июля 1922 г.) находились в системах Наркомата юстиции, НКВД, ВЧК-ГПУ, Красной Армии, при исполкомах Советов.

Осенью 1923 г. была предпринята попытка создания Соловецких лагерей особоно назначения (СЛОН). Соловецкие острова использовались и ранее для тюремного заключения в Российской империи, с 1920 года туда ссылают также пленных белогвардейцев. «Опыт создания Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН) – *пишут А.Ф. Маруков и Ю.А. Реент,* - заинтересовал многих крупных партийных и хозяйственных функционеров. Средств в это начинание не было вложено почти никаких, а экономическая отдача представлялась весьма ощутимой» [57, стр. 579].

Вот эта экономическая отдача и играла значимую роль при решении судьбы пенитенциарной системы и определяла уголовно-исполнительную политику тогдашней России на многие годы. Она осуществлялась через исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) органов внутренних дел.

В соответствии с Положением СНК от 7 апреля 1930 г. вся система ИТЛ передается ОГПУ. Вскоре (через полтора месяца) образуется Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. Но уже в июне 1934 г. все исправительно-трудовые учреждения передаются во вновь образованный НКВД СССР. Чуть позже они объединяются в Главное управление лагерей, трудопоселений и мест заключений. С 1936 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «О дополнении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» для содержания наиболее опасных преступников воссоздаются тюрьмы. После Октябрьской революции 1917 г. тюрьмы в нашей стране появились в 1936 году.

ГУЛАГ и отраслевые управления НКВД СССР, - *подчеркивают А.Ф. Маруков и Ю.А. Реент,* - играли заметную роль в экономической жизни страны. Ими были построены Беломорско-Балтийский, Волго-Донской и другие каналы, первый вариант Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, дороги, аэродромы, заводы… В 1937 году НКВД освоил 6% всех средств, отпущенных на строительство, 13% капитальных вложений по всему народному хозяйству. Так, из 80 гидроэлектростанций, строившихся перед войной, 10 наиболее мощных возводили заключенные. Кроме того, НКВД был крупнейшим лесозаготовительным, транспортным, золотодобывающим ведомством. В 30-е годы так появились даже научно-исследовательские институты» [57, стр. 580].

В этот же период в системе ГУЛАГа НКВД СССР образуются следственные тюрьмы. В июле 1939 г. принимается Положение о следственных тюрьмах НКВД, которым определяются права и обязанности лиц, находящихся под следствием, дисциплинарные меры воздействия на нарушителей режима [21, стр. 80].

После победы советского народа в Великой Отечественной войне потребовались значительные трудовые ресурсы на восстановление народного хозяйства. Вспомнили 20-30-е годы и роль уголовно-исполнительной политики в подъеме промышленности и сельского хозяйства. Сначала использовали для этой цели труд военнопленных, их в 1944-1945 гг. было более двух миллионов человек. Однако их число постоянно снижалось, и требовались так называемые «внутренние резервы». Учитывая данную необходимость, еще ранее Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. была возобновлена каторга. Она могла быть назначена от 15 до 20 лет за пособничество немецко-фашистским захватчикам.

В пенитенциарной систем нашего Отечества сосредотачивались миллионные трудовые ресурсы. В начале 1950 года в системе ГУЛАГа отбывали уголовное наказание свыше 2,5 миллиона осужденных, в ссылке и высылке трудилось еще столько же человек, даже на 100 000 человек больше. А если учитывать содержащихся в тюрьмах и камерах предварительного заключения, то в системе исполнения уголовного наказания в контексте уголовно-исполнительной политики находилось более шести миллионов человек [62, стр. 82].

В этот же период, в марте 1953 года многие ИТЛ и колонии были переведены в подчинение Министерства юстиции, но менее чем через год, 21 января 1954 года, вновь возвращены в МВД СССР Постановлением Совета Министров СССР.

Конец 50-х годов XX века характеризуется «хрущевской оттепелью» в области уголовно-исполнительной политики. В завершении 1958 года было разработано и утверждено «Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР». Проблемы данной политики стали предметом научных исследований в Высшей школе МВД СССР, где была организована и открыта специальная кафедра исправительно-трудового права. Аналогичные кафедры стали функционировать в Саратовском юридическом институте и на юридических факультетах Ленинградского и Томского университетов.

А.Ф. Маруков и Ю.А. Реент обращают внимание на то обстоятельство, что крупный вклад в исследование проблем советской исправительно-трудовой политики внесли профессоры Е.Г. Ширвиндт и Б.С. Утевский. Именно они организовали выпуск в 1957 году учебника «Советское исправительно-трудовое право» [92]. В 1964 г. началось изучение этого курса во всех юридических вузах страны. Требование обязательного изучения указанной

дисциплины вызвало необходимость соответствующей специализации педагогов и ученых. Первыми докторами юридических наук и профессорами в области исправительно-трудовой политики и права стали Н.А. Стручков, Н.А. Беляев и А.Л. Ременсон [57, стр. 582].

Судьба распорядилась так, что одному из авторов данных строк посчастливилось не только быть знакомым с этими великими учеными, талантливыми педагогами и прекрасными людьми, но даже дружить, общаясь не только на официальных научных форумах, а и в домашней, неслужебной обстановке. Величие этих выдающихся исследователей открывает нам, всем остальным, их последователям путь для дальнейших размышлений и совершенствования соответствующей политики.

В конце 50-х годов (1958 г.) принимаются новые «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [2] и Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах [5]. Принятые нормативно-правовые акты существенно повлияли на уголовно-исполнительную политику. Максимальный срок уголовного наказания ограничился 15 годами. Практиковалось условно досрочное освобождение из мест лишения свободы по отбытию половины или трети определенного судом срока. Значительно снизилось количество осужденных и заключенных. Были ликвидированы исправительно-трудовые лагеря, их заменили исправительно-трудовые колонии. Экспериментально создавались колонии-поселения, спецкомендатуры на стройках народного хозяйства. Тюрьмы использовались лишь для особо опасных осужденных.

В 1969 году были приняты обновленные «Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» [1]. Они воплотили в себя достижения уголовно-исполнительной политики 50-60-х годов и развивали эту политику в 70-80-е годы. Базировалась эта политика на исправительно-трудовых колониях (ИТК) четырех разновидностей:

- колониях-поселениях;
- воспитательно-трудовых колониях общего и усиленного режима;
- следственных изоляторах;
- межобластных специальных больницах.

Использовалась также сеть ЛТП (лечебно-трудовых профилакториев), предназначенных для принудительного лечения нарушителей общественного порядка, страдающих алкогольной зависимостью.

В этот период был издан Указ Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 года «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» [3]. Власть продолжала искать пути насыщения строек народного хозяйства бесплатной рабочей силой.

В середине 70-х годов (1973-1976 гг.) провели эксперимент о возможности предоставления краткосрочных отпусков осужденным из ИТК, в феврале 1977 г. принимаются указы об условном осуждении и условном освобождении по некоторым отдельным видам преступлений. Практиковались различные меры, связанные с сокращением количества осужденных в местах заключения. Однако их количество не сокращалось, а росло. Другими словами, уголовно-исполнительная политика в корне изменилась. Места заключения оказались переполненными, стали возникать проблемы обеспечения осужденных трудовой деятельностью.

Проблемы уголовно-исполнительной политики еще более усугубляются после развала Советского Союза. Объективно встает необходимость реформирования пенитенциарной системы. На начало 1995 года система исполнения уголовного наказания была сосредоточена в МВД и включала в себя 731 колонию и 180 следственных изоляторов и тюрем. Количество заключенных превышало 930 тысяч человек.

К 2000 году исправительных колоний стало 732, к ними добавились воспитательные колонии – 63, тюрем и следственных изоляторов стало 193. Во всех этих пенитенциарных учреждениях содержалось уже 1 006 тысяч человек [38, стр. 4-5; 57, стр. 584]. Нетрудно увидеть, что количество пенитенциарных учреждений увеличилось незначительно, число же заключенных возросло существенно. Кроме того, резко сократился рынок предприятий, где возможно было использовать труд осужденных, в стране появилась и стала нарастать безработица.

В середине 90-х годов (1994 г.) объединили две существующие ранее самостоятельные структуры пенитенциарной системы – Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ) и Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений (ГУЛИТУ) в единое Главное управление по исполнению

наказаний (ГУИН) МВД Российской Федерации.

Осенью 1995 года произошло очень значимое событие, связанное с охраной учреждений пенитенциарной системы. До него эти учреждения охранялись внутренними войсками МВД, то есть военнослужащими срочной службы. В научной литературе на протяжении многих лет шла дискуссия о недопустимости такого положения дел. Это доказывали в том числе и некоторые из авторов этих строк. Обосновывалась необходимость такой охраны не военнослужащими срочной службы, а гражданскими лицами, становившимися сотрудниками органов внутренних дел по контракту. Началась эта дискуссия, как это не удивительно, в стенах Высшего политического училища МВД СССР задолго до решения этой проблемы, и особенно ярко была отражена в диссертации военнослужащего ВВ МВД СССР, полковника А.Б. Федорова. ВПУ МВД СССР в те годы готовило офицерские кадры для милиции, пенитенциарной системы и внутренних войск МВД СССР. А.Б. Федоров, рассматривая проблему с политической точки зрения, доказывал необходимость охраны пенитенциарных учреждений силами не внутренних войск, а сотрудниками органов внутренних дел по контракту [93]. В те годы его понять не могли, хотя диссертацию он успешно защитил, в том числе и благодаря поддержке со стороны авторов данных строк, которые тогда разделяли его позицию. Дискуссия завершилась в пользу кандидата исторических наук А.Б. Федорова, но только 29 сентября 1995 года, когда Правительством Российской Федерации было принято Постановление «О передаче внутренними войсками МВД РФ учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы функций по охране учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и их объектов»

Новый Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) РФ был принят 18 декабря 1996 года и вступил в действие с 1 июля 1997 года. 8 октября 1997 г. был издан указ Президента России «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД РФ». В соответствии с этим Указом пенитенциарная система была передана из МВД России в Министерство юстиции РФ. Начался новый этап истории пенитенциарной системы, новое проявление уголовно-исполнительной политики и новая реорганизация как системы, так и политики. Она, как и многие другие наши реорганизации, продолжается и по сей день.

О необходимости реформирования уголовно-исполнительной системы в России говорят не только ученые, но и сами руководители государства и данной системы. Так, министр юстиции России А.В. Коновалов в лекции, прочитанной в Государственной Думе 25 марта 2013 г. отметил: «Я не стану перечислять все направления реформы пенитенциарной системы, которая сегодня идет. Скажу лишь о том, что реформа является *исключительно актуальной* (выделено нами – В.С, С.З., М.С.). И, если бы мы ее не начали, последствия могли бы быть тяжелыми. Кстати, последствия неадекватной, неэффективной работы системы исполнения наказаний являются отложенными, как, впрочем, и последствия реформы. Мы их не увидим прямо сейчас, не увидим их завтра. Но, если мы будем пытаться консервировать ситуацию, не вынося на повестку дня те проблемы, которые спрятаны за колючей проволокой, то эти проблемы проявят себя через несколько лет. Они чреваты колоссальной деградацией общества» [52, стр. 51].

В России в настоящее время проводится реформа пенитенциарной системы. Цель ее – повысить эффективность уголовно-исполнительной политики. Проводимая сегодня в стране уголовно-исполнительная политика не устраивает общество и государство, она не устраивает никого – ни государственную власть, ни администрацию пенитенциарной системы, ни лиц, отбывающих уголовное наказание. Уголовно-исполнительная политика не достигает поставленных перед ней целей, и сами эти цели – в частности, *исправление осужденного* – вызывают серьезные, небеспочвенные сомнения. В этом плане более приемлемой представляется позиция министра юстиции А.В. Коновалова, в соответствии с которой в отечественной пенитенциарной системе «должны быть созданы и приведены в действие: а) очень четкие, прозрачные, эффективные стимулы для человека, лишенного свободы, к законопослушному поведению, и б) четкая система санкций за поведение незаконопослушное. Это значит, что в структуре, в системе учреждений, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы, должна быть предусмотрена в том числе вариантность, которая предполагает движение лица,

которое склонно к ресоциализации и соблюдает закон и порядки, установленные в местах лишения свободы, в сторону смягчения его судьбы, вплоть до его условно-досрочного освобождения либо помилования. И, наоборот, те, кто демонстрирует стойкую готовность нарушать закон дальше, должны двигаться в соответствующем направлении в тюрьму особого режима» [97].

Другими словами, министр юстиции не допускает невозможность исправления всех отбывающих уголовное наказание. Возможна ресоциализация лишь тех осужденных, кто стал к этому стремиться. Надеяться на исправление всех отбывающих уголовное наказание в принципе невозможно. Так зачем же ставить такую задачу, заранее невыполнимую для пенитенциарной системы?

А.В. Коновалов ратует за развитие системы альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, за сокращение сроков пребывания в изоляции. Не только в советской, но и в сегодняшней недавней российской истории нашего Отечества этого не было. Так, выступая на заседании Президиума Государственного Совета России, Председатель Верховного Суда В.М. Лебедев привел статистические данные: в течение последних на то время где-то 15 лет суды Российской Федерации общей юрисдикции применяли лишь две меры наказания. А если отметить точнее, то одну – лишение свободы: или реальное наказание, или условное. Как известно, в действующем тогда УК РФ было предусмотрено 13 видов (мер) наказания. А применяется всего лишь одна. Вот почему министр юстиции полагает необходимым развитие системы альтернативных наказаний.

Кроме того, он считает не всегда желаемой практикой и негуманной мерой направление людей в места лишения свободы. В результате реформы расширена линейка обеспечения возможностей применения уголовных наказаний, заложенных еще ранее в УК РФ. Добавились принудительные работы, существенно расширено понятие исправительных работ. По мнению А.В. Коновалова, именно данные подходы являются важнейшими элементами содержания пенитенциарной реформы.

К результатам реформы можно отнести и тенденцию сокращения числа лиц, осужденных к лишению свободы. За крайние 20 лет их число сократилось до 700 тысяч в год. Ранее осуждалось к лишению свободы более одного миллиона преступников. И что очень важно, сокращение количества осужденных к лишению свободы не привело к скачку преступности, то есть, отсутствует негативное влияние данной тенденции на криминогенную ситуацию в стане. При таком положении дел активное культивирование альтернативных наказаний следует практиковать и дальше, расширяя и укрепляя их линейку, как правильное направление совершенствования пенитенциарной системы и всей уголовно-исполнительной политики.

Министр юстиции подчеркивает: «необходимо сделать так, чтобы альтернативное наказание не проходило бесследно для виновного, чтобы он понимал, что его наказали, что он обязан сделать какие–то выводы. Но сразу же бросать человека в места лишения свободы не всегда правильно» [52, стр. 58].

Реформа пенитенциарной системы предполагает и изменение действующего законодательства, и не только уголовно-исполнительного, но и УК РФ, например, в направлении повышения вариантности уголовного наказания. Внесенные недавно изменения в действующий УК РФ в данном направлении предоставляют суду возможность конкретнее и избирательнее реагировать на обстоятельства, связанные с совершением преступления.

Этому же способствуют и изменения в уголовном законе, связанные с отказом от «нижних порогов» наказания в законодательных санкциях. У суда появилась возможность сохранения перспективы возвращения в общество не закоренелых преступников, и наказания матерого, опасного рецидивиста «по-полной».

Суд должен иметь законодательную основу для того, чтобы по-разному подходить к различным людям, совершившим одинаковые преступления. Такая же возможность должна быть и у сотрудников пенитенциарной системы. В этом и проявляется, в том числе, уголовно-исполнительная политика. Нельзя с одним аршином подходить к разным субъектам, хотя они и совершили преступление. В этом и проявляется альтернативность наказания. Альтернативность наказаний – это не всегда их ослабление, а в то же время и некоторый акцент на еще большую интенсивность. То есть с одной стороны – сокращения сроков изоляции от общества для лиц, совершивших

неопасные преступления, и самих не представляющих опасность для общества, способных к реабилитации; с другой же стороны – жесточайшее усиление режима для тех, кто совершил опасное преступление и сам представляет опасность для общества, не способен к социальной реабилитации.

Важной стороной реформы пенитенциарной системы министр юстиции А.В. Коновалов считает отказ от принципа деперсонализации человека, помещенного в места лишения свободы. Этот принцип действует в пенитенциарной системе России всю ее историю, целые века, когда человек, оказавшись в местах лишения свободы, лишается всего, даже собственной личности, там его всегда стремились превратить в какой-то бессловесный материал, которым можно и нужно управлять, пытаться из него слепить что-то устраивающее персонал пенитенциарного учреждения [22; 24; 25; 26; 27; 28; 30; 31; 32; 34; 40; 55; 64; 65; 73; 74; 76; 77; 79; 85; 86; 88; 90; 94; 95].

«Мы прекрасно понимаем, - *говорит А.В. Коновалов*, - что преступники – подчас довольно опасные люди. Я абсолютно убежден, что общество имеет право и даже обязано строго изолировать, обезопасить себя и своих членов от по-настоящему угрожающих им людей. Но в отношении основной массы тех, кто оступился, нарушил закон, такой подход уже не является актуальным. Он исключает перспективы ресоциализации этих людей и возвращения их в нормальное социальное состояние. И, по сути, таит в себе угрозу для нас же самих, для законопослушных граждан. Альтернативу такому отношению найти отнюдь не просто, хотя есть для этого определенные подходы. Это повышение роли гражданского персонала в местах лишения свободы, в иных пенитенциарных учреждениях. Это повышение общественного и судебного контроля над тем, что там происходит. Это отказ от неоправданных ограничений, которые установлены для осужденных. Это социальная реабилитация, как я уже сказал, и широкомасштабные гуманитарные проекты, которые реализуются в местах лишения свободы» [52, стр. 52]. Данную ситуацию учитывает, безусловно, Концепция развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 года [4].

Данная Концепция предполагает такую реформу пенитенциарной системы, которая должна обеспечить «дифференциацию содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы), расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой стороны). Система, в рамках которой в зависимости от поведения осужденного происходит смягчение либо ужесточение условий исполнения наказания, а также изменение вида исправительного учреждения, получила название «социального лифта». Осужденный своими поступками сигнализирует администрации учреждения и другим вовлеченным в пенитенциарные отношения лицам о том, в каком направлении будет двигаться несущий его «лифт». Одной из задач, решаемых в ходе пенитенциарной реформы, является создание справедливой и контролируемой системы мотивации осужденных к законопослушному поведению, влекущему смягчение режима содержания в исправительном учреждении, условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [78, стр. 290].

Внутри самой пенитенциарной системы должна быть создана обстановка, позволяющая находящемуся там осужденному социально реабилитироваться и иметь возможность вернуться в общество. Именно там должны существовать, по мнению А.В. Коновалова, социальные лифты – возможности для реабилитации, которыми осужденные могут воспользоваться. Хотя, по его мнению, многие осужденные представляют собой «контингент, который никогда не захочет жить честной, порядочной, законопослушной жизнью, вновь интегрироваться в общество. В отношении этих людей государство обязано обеспечить соблюдение их гражданских прав с учетом тех ограничений, которые на них наложены, а также их изоляцию от тех, кто еще не потерял желание вернуться к нормальной жизни в обществе» [70].

В этой ситуации, к данной категории лиц должен быть и особый подход. Нужна особая система, исключающая риски влияния рецидивистов, неспособных к социальной реабилитации лиц, на других граждан. Наверное, здесь «одна

из систем, которая нам кажется правильной и востребованной, это переход к тюремному содержанию тех, кто наиболее опасен для общества и кто действительно должен быть изолирован и при этом в отношении кого благодаря тюремному режиму может быть обеспечен гораздо более жесткий и прозрачный контроль.

Я думаю, что к этому мы рано или поздно придем, ибо это есть во всех цивилизованных правовых системах. Хотя, в общем, сошлюсь на мнение британцев, которые не самые последние люди в праве и в правоприменении. Они говорят так: «Тюрьма – это очень дорогой способ сделать плохого человека хуже».

Поэтому нужно понимать, что политика эта очень непростая, очень многогранная и реализовывать ее нужно с умом» [52, стр. 61].

Вот такую характеристику дает А.В. Коновалов уголовно-исполнительной политике нашего Отечества. Он же считает, что об этой политике должны знать в стране, и идея реформы пенитенциарной системы обязательно должна быть услышана судами, самой пенитенциарной системой и гражданским обществом. Если мы консолидируем усилия, полагает он, от этого выиграют все [52, стр. 53].

Список литературы

1. Закон СССР от 11.07.1969 n 4074-VII «Об утверждении Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) // https://www.lawmix.ru/sssr/4469.
2. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1958. - № 1. - Ст. 6.
3. Указ Президиума ВС СССР от 12.06.1970 n 5253-VII «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» // https://www.lawmix.ru/sssr/12749.
4. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 43. - Ст. 5544.
5. Приказ МВД СССР № 990 от 15.12.1958 с объявлением «Положения об ИТК и тюрьмах МВД СССР» // http: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009165.
6. Александров А.И. Проблемы организация предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. – 2001. - № 1. – С. 33-40.
7. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. - № 3(302). – С. 173-188.
8. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
9. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
10. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
11. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
12. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – №2(36). – С. 10-19.
13. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
14. Александров Р.А., Горленко В.А., Кондрат И.Н., Третьяков И.Л. Россия на рубеже XX – XXI веков: реформа судебной системы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 97-101.
15. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции

В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. - 2015. - № 8. - С. 37-43.
16. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Децентрализация как условие модернизации судебной системы Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 67-71.
17. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
18. Антонов И.А., Горленко В.А., Михайлов Н.Н. Третьяков И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 192 с.
19. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
20. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. - № 4. - С. 4-12.
21. Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрьмы НКВД – МВД СССР в карательной системе Советского государства. – М.. 2000.
22. Брылева Е.А. Совершенствование пенитенциарной системы России как продолжение реформ 60-70-х годов XIX века // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 62-66.
23. Брылёва Е.А. Особенности исправительных учреждений России и Западной Европы в конце XIX - начале XX века: сравнительный анализ // Ученые записки юридического факультета. - 2015. - № 39(49). - С. 154-157.
24. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3. В пяти томах. Т 1 (1762-1825) - М.: Госюриздат, 1960. - 384 с.
25. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3. В пяти томах. Т 2 (1825-1870) - М.: Госюриздат, 1961. - 582 с.
26. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3. В пяти томах. Т 3 (1870-1900) - М.: Госюриздат, 1961. - 430 с.
27. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3. В пяти томах. Т 4. Петропавловская крепость (1900 - 1917). - М.: Госюриздат, 1962. - 302 с.
28. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Изд. 3. В пяти томах. Т 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ (1907-1917). - М.: Госюриздат, 1963. - 340 с.
29. Горленко В.А. Реформа уголовного суда и судопроизводства на современном этапе развития российского государства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. - 176 с.
30. Детков М.Г., Зубков А.И., Кузьмин С.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика XX века. – М., 1997. – 420 с.
31. Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В., Ященко П.В., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. – М.: Юриспруденция, 2009. – 303 с.
32. Довлатов С. Зона (записки надзирателя). – СПб.: Азбука классика, 2009.
33. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской Империи 1802-1917 гг. – М., 1983.
34. Железная Ю.Ю. Историко-правовые основы становления общественного контроля пенитенциарных учреждений в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 8. - С. 57-67.
35. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 4. - С. 95-110.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 12. - С. 11-15.
38. Зубков А.И. Карательная политика политика России на рубеже тысячелетий. – М.. 2000.
39. Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. – М., 1998.
40. Исаков В.М. Правовое регулирование и организация трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917–1990): Дис. … докт. юрид. наук. – М., 2000.
41. К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 264 с.
42. Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномене в логосе: Монография. – М.: Юрист, 2005. – 560 с.
43. Колоколов Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: Проблемы осуществления в условиях судебной реформы: Дис. …канд. юрид. наук. – М., 1998.
44. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
45. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. – М.: Республика, 1992.

46. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
47. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989.
48. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
49. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994.
50. Ларин А.М. Что будет с судебной реформой? // Государство и право. – 1994. – № 10.
51. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
52. Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 47-65.
53. Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX века. – М., 1996.
54. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
55. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. – М., 1995.
56. Марогулова И.Л. Некоторые вопросы судебной реформы // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001 г. – М., 2001.
57. Маруков А.Ф., Реент Ю.А. Уголовно-исполнительная система в структуре МВД России (хронология развития) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «МВД России 200 лет). – С. 575-585. – в кн. 608 с.
58. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. - (Серия: «МВД России 200 лет»).
59. Министерство внутреннихъ делъ. 1802-1902. Историческiй очеркъ. С.-Петербургъ: Типографiя министерства внутреннихъ делъ, 1901. Репринтное переиздание / Отв. за выпуск А.Л. Фишков. – СПб.: КОСТА, 2014. – 240 + XXXII с.
60. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
61. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
62. Оганесян С.М. Пенитенциарная система России и международное сотрудничество в области прав заключенных: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1996.
63. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
64. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России // Под научной редакцией доктора юрид. наук, профессора С.И. Кузьмина: Монография. – Москва, 2011.
65. Пертли Л.Ф., Кузьмин С.И., Яковлева О.Н., Макарчук О.И., Железная Ю.Ю. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: Учебное пособие. – Москва, 2010.
66. Победоносцев К.П. Материалы для истории приказного судопроизводства в России, собр. Г.П. Победоносцевым. – М., 1890.
67. Победоносцев К.П. Судебное руководство. Сборник правил, положений и примеров, извлеченных из теории и практики гражданского судопроизводства с полным указателем к судебным и распорядительным решениям по всему предмету кассацион. Дел., Сената. – СПб., 1872.
68. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
69. Полудняков В.И. О ходе судебной реформы в России: Актовая лекция, прочитанная Председателем Санкт-Петербургского городского суда, Заслуженным юристом Российской Федерации, судьей высшего квалификационного класса, членом Союза писателей России, профессором. 15 октября 1997 года. – СПб., 1998.
70. Прощание с ГУЛАГом (интервью с А. Коноваловым). http://www.rg.ru/2010/12/03/prison.html.

71. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
72. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
73. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917- 1941 гг.): Монография. – М.: Академия МВД РФ, 1994.
74. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. – Краснодар: Краснодарский юридический ин-т МВД России, 1999.
75. Реуф В.М. Правовая политика Российского государства по применению мер исправления осужденных в начале XX века // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 151-156.
76. Романовская В.Б. Репрессивные органы в России XX века: Монография / Научный редактор и автор вступительной статьи В.П. Сальников. – Н. Новгород: Арника, 1996. – 278 с.
77. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века (опыт философско-правового исследования): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1997.
78. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
79. Ромашов Р.А., Тонков Е.Н. Тюрьма как «Град земной». – СПб.: Алетейя, 2014. – 656 с.
80. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. - 2016. - № 3. - С. 90-97.
81. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 6. - С. 96-108.
82. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
83. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. - № 5. – С. 94-107.
84. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
85. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России. – Екатеринбург: УрГЮА, 1997.
86. Структура тюремной индустрии / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2012.
87. Судебная реформа в прошлом и настоящем / Авт. вступ. ст. В.М. Жуйков. – М.: Статут; РАП, 2007.
88. Тонков Е.Н. История одной тюрьмы. – СПб.: Лема, 2006. – 760 с.: с илл.
89. Турбовский Я.С. Преступность. Необходимые извлечения из прошлого // Философские науки. – 2008. - № 5. – С. 25.
90. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XIX вв.: Историко-правовой анализ тенденции развития. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 610 с.
91. «Утвердить в России суд скорый, правый, милостливый и равный для всех…». К 150-летию Судебной реформы 1864 года: Экспозиция, развернутая в выставочных залах Президентской библиотеки, 20 ноября 2014 – 26 января 2015 гг. – СПб.: Президент. биб-ка, 2014. – 6 с.
92. Утевский Б.С., Ширвиндт Е.Г. Советское исправительно-трудовое право. - М.: Госюриздат, 1957. - 244 с.
93. Федоров А.Б. Внурненние войска МВД ССР: опыт формирования профессионально-нравственных качеств личного состава вторая половина 60-х – 80-е годы): Автореф. дис. … канд. истор. наук. – СПб., 1992.
94. Фумм А.М. Из истории развития трудоиспользования заключённых в российском государстве XVI–XVIII вв. // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 8. - С. 122-126.
95. Фумм А.М. К вопросу о ведении учета арестантов в Российской империи (XIX – начало XX вв.) // История государства и права. – 2015. – № 11.
96. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
97. http://echo.msk.ru/programs/lex/630088/echo.phtml.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России; доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Анализируются проблемы формирования концепции уголовной политики современной России. Приводятся основные принципы, на которых должна базироваться концепция борьбы с преступностью. Важнейшим из данных принципов является обеспечение соответствия отечественного уголовного законодательства и практики его применения международным стандартам прав человека, которое в то же время не означает безоговорочное исполнение всех решений органов международной юстиции, касающихся российских граждан. Отмечается необходимость преодоления карательных тенденций, определявших в последние годы общую направленность уголовной политики нашего государства. Перечисляются основные положения, которые должны быть закреплены в качестве организационных мер обеспечения уголовной политики.*

Ключевые слова: *уголовная политика; Концепция уголовной политики Российской Федерации; борьба с преступностью; криминология; права человека; карательные тенденции.*

KONDRAT I.N.

THE CONCEPT OF RUSSIA'S CRIMINAL POLICY: SOME REFLECTIONS ON THE IMPROVEMENT OF CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW

The summary. *Problems of formation of the concept of a criminal policy of modern Russia are analyzed. Main principles on which the concept of struggle against criminality should be based are resulted. Major of the given principles is maintenance of conformity of the domestic criminal legislation and practice of its application to the international standards of human rights which at the same time does not mean unconditional execution of all decisions of bodies of the international justice, concerning Russian citizens. Necessity of overcoming of the retaliatory tendencies defining last years the general orientation of the criminal policy of our state is marked. Substantive provisions which should be fixed as organizational measures of maintenance of a criminal policy are listed.*

Key words: *criminal policy; the Concept of a criminal policy of the Russian Federation; struggle against criminality; criminology; human rights; retaliatory tendencies.*

Концепция уголовной политики нам представляется как система официально принятых в государстве нормативных положений, определяющих цель, задачи, приоритеты, содержание

и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств [44; 47; 72; 76].

Мы имеем основания утверждать, что такая концепция должна являться основой для разработки перспективных и ежегодных планов законопроектной деятельности Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, проектов нормативных правовых актов в области совершенствования законодательства и практики его применения, а также основой для оценки и последующей корректировки уголовной политики.

В п. 38 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [4] определено: «Главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности... должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере». На необходимость обеспечения безопасности человека и гражданина, в первую очередь детей и подростков, важность усиления борьбы с преступностью ориентирует и вновь принятая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5],

Формируя концепцию уголовной политики, публичная власть в первую очередь отвечает на вопросы: какие деяния в государстве признаются преступлением и каковы меры борьбы с ними допустимы. Вопрос о наиболее правильной организации уголовного процесса возникает позднее. Юридическое содержание понятий преступления и наказания, нормативное закрепление института процессуального принуждения, а также меры защиты прав и свобод человека в ходе уголовно-процессуального судопроизводства характеризуют цели, которые публичная власть ставит перед собой и перед обществом в конкретный исторический период.

Современная криминология исходит из положения о том, что поскольку причины и условия преступности искоренить невозможным, то задача государства и общества в борьбе с таким явлением состоит в том, чтобы не допустить расширения сферы влияния преступности и стремиться к уменьшению ее негативных последствий [38, стр. 380-415]. Поэтому формирование концепции уголовной политики возможно на основе выбора одной из следующих принципиальных позиций.

1. Уголовная политика на основе концепции контроля над преступностью. Теория контроля над преступностью основана на взгляде на преступность как на социальное явление, вечно существующее в обществе, с которым невозможно и нецелесообразно бороться и которое надо лишь контролировать в определенных рамках.

2. Уголовная политика на основе концепции компромисса с преступностью. Данное воззрение предполагает поиск равновесия между интересами общества и интересами криминала в целях уменьшения вреда, причиненного обществу преступлением.

3. Уголовная политика на основе концепции противодействия преступности и воздействия на преступность. Термин «противодействие» отражает активную роль государства и общества в сопротивлении влиянию преступности на институты публичной власти, а также на права личности. «Воздействие» предполагает однонаправленность действий государства и общества по влиянию на рост преступности.

4. Уголовная политика на основе концепции войны с преступностью, что предполагает преобладание карательных и полицейских мер, направленных на подавление и уничтожение как самих негативных явлений, так и их субъектов.

Говоря о концепциях борьбы с преступностью, А.И. Долгова указывает, что, формулируя их, государство не должно относиться к своим гражданам, совершившим преступление, как к внешним врагам. Воздействие на преступность должно быть направлено не на уничтожение преступников, а на их возвращение к нормальной общественной жизни [26, стр. 381-387].

Но мы не можем не замечать, как в последние годы в нашей стране участились призывы к пересмотру обязательств, принятых на себя Россией по Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3]. Широко известно, что значительная часть жалоб наших граждан в

Европейский Суд по правам человека подана по поводу нарушений, допущенных в ходе уголовного преследования [75].

На государственном уровне нередко высказывается недовольство решениями, выносимыми ЕСПЧ по искам против России, которые якобы наносят ущерб суверенитету страны. В качестве меры по сокращению числа решений, выносимых ЕСПЧ в пользу заявителей по жалобам против России, предлагается, в частности, создание особой процедуры оперативного пересмотра уголовных дел с участием граждан, чьи жалобы были приняты к рассмотрению [33].

Но мы понимаем, что каждое решение, которым Россия признается виновной в нарушении положений Конвенции, служит не подрыву независимости нашей страны или умалению ее достоинства, а шагом к укреплению законности и защите прав личности в нашей стране. Очевидно, что в современном виде судебный и прокурорский надзор не может достаточно эффективно препятствовать массовым нарушениям при осуществлении уголовного преследования. В области соблюдения международно-правовых стандартов уголовного судопроизводства достигнуто немногое, процент оправдательных приговоров по уголовным делам очень низок, принятие судами решений о заключении граждан под стражу и иных ограничениях их прав осуществляется без соблюдения предусмотренных Конвенцией гарантий, имеет место «круговая порука» оперативно-розыскного, следственного и судебного аппаратов, изменения в уголовное законодательство зачастую не системны и не обусловлены реальной опасностью общественным отношениям, но затрагивают законные интересы широкого круга граждан [24].

По нашему убеждению, если все эти проблемы, в конечном счете, и должны быть решены внутригосударственными средствами, то без решений ЕСПЧ, подкрепленного действительными санкциями, стремление к законности в борьбе с преступностью может принять обратный ход.

Концепция уголовной политики в Российской Федерации должна соответствовать международным правовым стандартам. В связи с этим она нуждается в коррекции с учетом многочисленных решений ЕСПЧ в адрес России и других европейских стран. Необходимо проводить специальную независимую экспертизу всех ситуаций, которые повлекли вынесение решений ЕСПЧ не в пользу нашей страны. Вынесения многих из них можно было бы избежать, если бы наши следственные и судебные органы не повторяли ошибок прошлого.

Поэтому основные задачи уголовной политики России на ближайшую и среднесрочную перспективу должны состоять в том, чтобы обеспечить соответствие отечественного уголовного законодательства и практики его применения международным стандартам прав человека и безопасности, оптимизировать и привести в соответствие с криминологической ситуацией систему принципов и содержание механизма уголовно-процессуального регулирования.

Это не значит, что мы должны безоговорочно исполнять все без исключения решения Европейского Суда по правам человека, касающиеся российских граждан. В 2015 году был выработан правовой механизм игнорирования тех решений ЕСПЧ, которые противоречат российским конституционным ценностям, смыслу, тексту и духу нашей Конституции [1; 6]. Как известно, принятию решения и выработке правового механизма по данной проблеме предшествовала где-то как минимум двухлетняя дискуссия, поднятая Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным в его лекции 22 марта 2013 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, посвященной 20-летию российской Конституции [40], и развернувшаяся на страницах научной печати. Позицию профессора В.Д. Зорькина поддержали Н.В. Бондарь, Б.С. Эбзеев, В.П. Сальников, В.Б. Романовская, С.И. Захарцев, Е.А. Брылева и другие [16; 17; 29; 36; 39; 49; 55; 57; 82]. Были и те исследователи, которые категорически выступали против этой позиции. Жизнь внесла свои коррективы, и позиция В.Д. Зорькина была реализована путем принятия соответствующих нормативно-правовых актов.

За десятилетие действия УПК РФ в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения сложилась достаточно сложная ситуация. Поскольку новые уголовные и уголовно-процессуальные нормы, по замыслу законодателя, должны были способствовать, помимо иных задач, снижению уровня преступности, то произошедший вместо этого ее явный рост как раз и говорит, по мнению В.В. Лунеева, о кризисных явлениях в уголовной политике

(В.В. Лунеев подробно обосновал в своих трудах эту закономерность [42]). Ее состояние Э.Ф. Побегайло назвал кризисом современной российской уголовной политики [10].

Очевидный крен законодательных инициатив в сторону так называемого совершенствования, а в действительности простого усиления карательной составляющей наказания, без криминологического анализа окружающей действительности и адекватной оценки общественной опасности деяния, не только наносит вред нормальному развитию общества, но и приводит к снижению эффективности борьбы с преступностью на наиболее важных направлениях. Так, например, достаточно длительно время не переставали удивлять общественность попытки ФСКН России, вплоть до ликвидации этого органа, привлечь к ответственности ветеринарных врачей за незаконный сбыт психотропных веществ в форме инъекции обезболивающего препарата животному [48], поиск тысячных долей содержания опия в десятках тонн пищевого мака, официально ввозимого из европейских стран [22] или борьба с «пропагандой потребления наркотиков» в виде украшений молодежной одежде [18]. Усилия и ресурсы, затраченные ведомством и прокуратурой на то, чтобы добиться обвинительного приговора по этим делам, могли бы быть направлены на расследование действительного незаконного оборота наркотических средств!

Если проанализировать законодательные инициативы, исходящие от правоохранительных органов, то значительную их долю составляют предложения, направленные на: усиление ответственности за преступления (простое увеличение предусмотренных УК РФ максимальных сроков лишения свободы); расширение процессуальных полномочий правоохранительных органов на превентивное ограничение гарантированных прав и свобод граждан. Целью таких законодательных инициатив провозглашается защита тех же прав и свобод от «всесильного криминала». При этом ужесточение уголовного и уголовно-процессуального законодательства обычно рассматривается как самодостаточная мера, а ее положительное влияние на снижение преступности рассматривается безусловным (примером ограничения прав граждан в пользу полномочий следствия является продление до 30 суток срока содержания под стражей без предъявления обвинения по преступлениям, предусмотренным ст. 205, 205.1, 206, 208, 209, 210, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ (ч. 2 ст. 100 УПК РФ). Подобные предложения, по мнению А.Э. Жалинского, нередко представляют ничем не обоснованное мнение их авторов [27]. Наиболее часто они касаются ужесточения наказания за незаконный оборот наркотических средств, за преступления террористической направленности, за хищения отдельных видов имущества и т. д.

Одна из причин внесения таких законодательных предложений, по мнению Б.Я. Гаврилова, в том, что «...уголовно-правовая наука, к сожалению, не располагает реальными сведениями об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а в ряде случаев – определенного вида преступного поведения. Другая причина обоснования необходимости усиления карательных мер со стороны государства заключается в том, что при реализации уголовной политики отсутствуют зачастую какие-либо конкретные сведения о социальных последствиях предстоящих изменений уголовной репрессии, а также о ресурсной стоимости такого законопроекта и согласно ли общество его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное наказание за преступное поведение» [21, стр. 8].

Карательные тенденции, определявшие в последние годы общую направленность уголовной политики нашего государства, одномоментно не изменятся. По этой причине у нас есть основания полагать, что указание Президента Российской Федерации на необходимость применять наказание в виде лишения свободы только за совершение преступлений «высокой степени общественной опасности» не приведет к реальному изменению правоприменительной практики. В то же время у нас нет оснований считать, что руководство правоохранительных органов, как на высшем уровне, так и на местах, разделяет такой подход. Поскольку понятие «степень общественной опасности», в отличие от понятия «степень тяжести преступления», не определена в УК РФ, то оно может наполняться правоприменителем произвольным содержанием по отношению к наиболее распространенным составам преступления.

Поэтому мы согласны с оценкой, данной Федеральной палатой адвокатов Российской

Федерации, перспективам отдельных президентских инициатив: «...приходится опасаться, что заявленная в виде широкой декларации линия на сокращение репрессивности правоприменения, даже подкрепленная законодательными новеллами, натолкнется, как это бывало и прежде, на негласное противодействие заинтересованных в сохранении «высокого статуса» органов, профессиональных сообществ и отдельных должностных лиц. Исходя из опыта, можно предсказать, что такое противодействие будет осуществляться двумя путями: на низовом уровне – саботированием действия либеральных норм, а на более высоком – внесением предложений и законопроектов, направленных на контрреформу» [25].

Но права человека нарушались и нарушаются не только диктатом публичной власти, но, в значительной мере, и властью криминала. По оценке В.В. Лунеева, этот фактор не был главенствующим во времена самодержавия и авторитаризма, но сейчас он стал главенствующим. Поэтому современная уголовная политика должна быть соотнесена с сегодняшними реалиями. «Права и свободы сегодняшних жертв системного криминала, которые в связи с его огромной латентностью в условиях России не получают никакой правовой помощи и защиты, остаются забытыми» [42, стр. V].

С.К. Гогель в основу мер по борьбе с преступностью положил принцип целесообразности: уголовная политика должна оценивать те меры, которые принимаются для борьбы с явлениями, признанными уголовным правом и криминологией преступлениями и причинами современной преступности. Последний аспект он исследовал в рамках рационального соотношения репрессии и превенции: «Надо признать не только более целесообразным, но совершенно необходимым ... бороться с теми явлениями, которые признаются непосредственными источниками преступности [23, стр. 6-10].

Причины, по которым часть фактически совершенных преступлений не удается выявить и раскрыть, разнообразны, и одна из них – ограниченность сил и средств правоохранительных органов. Это вынуждает их ранжировать свои задачи в деле выявления и раскрытия преступлений и использовать ограниченные силы и средства, прежде всего для борьбы с тяжкими преступлениям [23, стр. 21]. Выявление приоритетов уголовно-правовой борьбы с преступностью в этих условиях – перспективная задача уголовной политики.

Ограничение применения уголовной репрессии некоторые представители правоохранительных органов считают утопической либеральной идеей. На самом деле ни одно современное общество не может позволить себе выделять на тотальное уголовное преследование за все совершенные преступления необходимого количества ресурсов. Нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства традиционно сформулированы исходя из понимания, что интерес общества исчерпывающим образом выражен в уголовном запрете. По каждому выявленному преступлению правоохранительные органы стремятся добиваться вынесения обвинительного приговора, невзирая на соотношение материального и социального ущерба, причиненного самим преступлением, действиями по его раскрытию и последующему наказанию [73].

Осознание ограниченности ресурсов, которые государство может выделить на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, должно подвигать исполнительную и законодательную власть к идее создания правовых механизмов избирательного отказа от преследования конкретных правонарушений. Примером могут служить уголовно-правовые институты малозначительности деяния ч. 2 ст. 14 УК РФ и об освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Положение ч. 2 ст. 14 УК РФ, допускающее отказ от преследования по широкому кругу малозначительных случаев нарушения уголовного закона, применяется органами предварительного расследования крайне редко. Так, Верховный Суд Российской Федерации оставил без удовлетворения надзорные представления Генеральной прокуроры Российской Федерации по делам жителей Сахалинской области граждан И., Г. и П., каждый из которых был изобличен в незаконном вылове шести (!) штук рыбы для употребления в пищу и оправдан судом по ч. 1 ст. 256 УК РФ ввиду малозначительности деяния [45].

Еще один пример можно привести по интервью Н.А. Колоколова. «14-летний мальчик в магазине самообслуживания тайно положил в карман пакетик с изюмом стоимостью 14 руб.,

после чего направился к выходу. Продавщица у кассы спросила, не украл ли он чего? Мальчик признался, что украл изюм, после чего убежал. Вскоре на след «грабителя» вышли сотрудники милиции. Мальчик честно признался и добровольно выдал то, что осталось от изюма. Далее дело техники: за раскрытие, расследование, прокурорский надзор и рассмотрение уголовного дела о тяжком преступлении полетели «палочки» в отчеты уголовному розыску, следователю, прокуратуре и суду. Содеянное виновным квалифицировали как открытое хищение чужого имущества. Положение «преступника» отягощалось еще и тем, что он, несмотря на свой возраст, уже был судим за другое «тяжкое» преступление. За тайное хищение флакона с дезодорантом с проникновением в помещение, да еще группой лиц по предварительному сговору (двое подростков разбили стекло киоска, просунули руку внутрь) суд назначил мальчику наказание – два года лишения свободы (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), правда, с применением ст. 73 УК РФ – условно с испытательным сроком в два года. В кассационной инстанции приговор был оставлен без изменения. На вопрос о разумности их действий они ответили: в действиях мальчика кража переросла в грабеж, а в данном случае согласно закону стоимость похищенного значения не имеет! Председатель суда уровня субъекта Федерации инициировал надзорное производство, в рамках которого вообще усомнился в наличии в действиях осужденного состава преступления и прекратил уголовное дело по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 14 УК РФ [74].

Каждая из приведенных ситуаций по-своему поучительна.

Во-первых, большие сомнения относительно степени общественной опасности содеянного лицами, которых суды назвали виновными в совершении преступлений.

Во-вторых, по всем делам не было потерпевших.

В-третьих, отсутствовали и основания утверждать, что в результате осуждений за решетку были упрятаны социально опасные лица.

В-четвертых, если бы для перечисленных «преступлений» органами предварительного расследования было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то этим проверка по ним и закончилась бы.

Сам факт подачи прокуратурой надзорных представлений по делам такого рода свидетельствует о неверном определении целей правоохранительной деятельности. Это характерный пример избыточной репрессивности правоохранительной системы. Преобладающее в российской юриспруденции представление прошлого века о том, что неосужденный преступник подрывает основы всей системы правоотношений, не побуждает создавать механизмы оптимального распределения ресурсов. Такой подход не учитывает ограниченности людских ресурсов, рабочего времени сотрудников, бюджета правоохранительных органов и всей страны.

Ведомства, образующие правоохранительную систему России, регулярно демонстрируют стремление довести до обвинительного приговора даже такие дела, преследование по которым может быть прекращено на основании действующего законодательства. Кроме того, такой традиционный количественный показатель в оценке деятельности следственных органов, как число переданных дел в суд, приводит к продолжению процессуального преследования в условиях, когда основания отпадают. Совершенно очевидно, что примирительные процедуры должны быть в полной мере реализованы на досудебной стадии [20]. В соответствии с резолюцией VII Всероссийского съезда судей принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [2].

Современный зарубежный опыт предлагает различные варианты решения задачи оптимизации уголовного преследования. Важнейшим в этом отношении может быть механизм возможности отказа от дальнейшего уголовного преследования лица по мотивам его нецелесообразности, т. е. когда общество ничего не выигрывает от осуждения конкретного виновного. Так, в Кодексе Королевской службы преследований для Англии и Уэльса определяется, что «исходя из соображений публичного интереса преследование может быть прекращено при наличии доказательств виновности, в том числе, если:

a) суд, вероятно, назначит номинальное наказание;
b) виновный уже отбывает наказание за другое преступление, так что новый приговор не изменит существенно его положение;
c) преступление совершено по неосторожности;

d) преступление имеет характер единичного эпизода, совершено по недоразумению;
e) с момента совершения преступления прошел значительный срок;
f) преследование негативно отразится на физическом и душевном здоровье подсудимого;
g) речь идет о престарелом или больном лице;
h) виновный компенсировал причиненный им ущерб;
i) в ходе судебного разбирательства могут стать достоянием гласности сведения, вредящие источнику информации, международным отношениям или национальной безопасности [83].

Разумеется, ни один из этих факторов не может быть напрямую включен в российское законодательство в качестве основания к прекращению уголовного дела, и при оценке целесообразности преследования всегда принимается во внимание тяжесть преступления. Но сама по себе готовность правоохранительных органов подчинять свою активность при формировании концепции уголовной политики криминологическим реалиям, а не формальным интересам заслуживает, на наш взгляд, всестороннего одобрения.

Считаем особенно необходимым отметить роль правовой идеологии государства при формировании концепции уголовной политики [7; 14; 35; 79]. Значение идеологии не стоит недооценивать. Она должна присутствовать как при законодательном формулировании принципов уголовного права и уголовного процесса, так и при их реализации [8; 34; 46; 52; 56; 77; 80].

Правы те авторы, которые утверждают: «Во все исторические эпохи и во всех цивилизациях идеология во многом детерминировала происходящие в обществе процессы, предопределяла политику государства, поведение масс, социальных групп и отдельных индивидов в различных ситуациях, в равной степени и в периоды революций и социальных потрясений, и во времена спокойного и относительно бесконфликтного развития общества. Внутренняя и внешняя политика всякого государства, политический режим, форма правления и государственного устройства, характер социальных отношений в нем всегда испытывали на себе существенное влияние доминирующих в данном обществе идеологических доктрин» [64, стр. 3-4].

Следствием недостатка правовой идеологии в правоохранительной сфере стал не только комплекс социальных, экономических, психологических и иных причин, способствовавших существенному росту преступности, но и изменение системы морально-нравственных критериев, размывание в массовом сознании грани между правомерным и преступным поведением, навязывание россиянам чуждых западных ценностей [11; 19; 28; 50; 53; 54; 63; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 81].

В такой ситуации необходима ясность ключевых идей, определяющих цели проводимой уголовной политики, а также методы и средства ее осуществления. Не менее важным является включение в сферу правовых политик таких принципов, как общественное согласие, защита прав человека и гражданина; соблюдение законности; минимизация репрессий и др. Все это, по нашему мнению, должно охватываться государственной идеологией уголовной политики современной России, точнее, ее государственно-правовой идеологией [51; 78].

Уместно будет отметить, что общественное правосознание в период последних двадцати лет получило крен, связанный с присущим большинству членов общества мещанством. По мнению В.Д. Зорькина: «Поскольку в этот период была сведена на нет пропаганда преобладания духовных ценностей над материальными, для понимания большинства населения и, что самое опасное – должностных лиц, стала главенствующей истина о приобретении богатства ««любой ценой». Переоценка ценностей и «торжество» личности бездуховной, малообразованной, но предприимчивой привели к снятию нравственных запретов на средства достижения материального благополучия. Ради него стало приемлемым пренебречь такими категориями, как совесть, нравственность, благородство» [31].

В настоящее время мы наблюдаем смешение понятий прав личности и желаний личности. Последние далеко не всегда могут согласовываться с общественными интересами.

Очевидно, что государство отдало на откуп членам общества защиту собственных прав и удовлетворение собственных интересов. Оно ограничилось декриминализацией некоторых деяний в сфере прав собственности и экономической деятельности, но не создало, на основе новой уголовной политики, механизмов защиты таких прав.

Например, в настоящее время общая

тенденция в сфере выявления налоговых преступлений такова, что все показатели, характеризующие налоговую преступность, начиная с 2010 г. ежегодно сокращались в среднем на треть. Наибольшее падение было зафиксировано в 2011–2012 гг., когда общее количество зарегистрированных и расследованных налоговых преступлений сократилось в среднем на 46%, т.е. практически наполовину. А в чем причины такого положения дел? По оценке И.Н. Соловьева, это результат действия Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым в шесть раз были подняты пороги крупного и особо крупного размера сумм уклонения, введен специальный случай освобождения от уголовной ответственности. Также с 1 января 2011 г. была разорвана единая правоохранительная цепочка – от выявления налогового преступления до его расследования и направления в суд, ведь с этого момента подследственность перешла к Следственному комитету РФ [32]. Но единичную декриминализацию нельзя назвать мерой по фактическому снижению уровня преступности. Ведь реально причиненный вред общественным отношениям не исчезает, если мы с определенного часа перестаем обращать внимание на объективно «вредное» событие.

А между тем сложившуюся ситуацию государство могло бы использовать во благо, если бы учло необходимость затронуть вопрос о такой характеристике уголовной политики, как справедливость**.

Помимо конкретно-исторического характера, с точки зрения законопослушного лица, справедливость представляет интерес в плане ее нравственного начала (гуманность, равенство, беспристрастность). Совершенно иное восприятие справедливости у правонарушителя: его интерес состоит в том, как и каким образом назначенное наказание будет соответствовать степени его виновности в совершенном преступлении и в иных наступивших последствиях.

Справедливость составляет одну из сущностных характеристик права, придавая ему «окончательный и существенный признак». В правоведении справедливость имеет непосредственное отношение ко всем сферам действия правовой системы: к законотворческой и правоприменительной деятельности, к правовому сознанию, правовой культуре и т. д. Как писал Ю.И. Ляпунов: «...право становится таковым, лишь впитав в себя идеи подлинной справедливости. Закон становится правом, если он истинно справедлив» [43, стр. 62].

Следует отметить, что принцип справедливости в правовой политике предполагает системность, т. е. одновременную реализацию ее ценностей во всех сферах: законотворческой, правоприменительной и сфере индивидуального правосознания. Нарушение такой системности может привести к негативным социально-правовым последствиям. Важное значение такой подход имеет для содержательного понимания концепции уголовной политики. В самом деле, без справедливости уголовная политика превращается в формальное исполнение законов и иных правовых актов, лишенное социального и гуманистического содержания и перспективы.

Также принципиальное значение принцип справедливости имеет для различных отраслей права и правовых институтов. К примеру, УК РФ закрепляет в качестве своих принципов принцип справедливости, т. е. соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6). Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание (ч. 1 ст. 60). В УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297).

Мы видим, что толкование справедливости применительно к специфике уголовного права и уголовного процесса не противоречит философской концепции справедливости. В приведенном примере обнаруживается ее двойственный характер. Степень общественной опасности преступления отражает справедливость с точки зрения интересов всего общества, а обстоятельства совершения преступления и личность преступника – это индивидуальная сторона справедливости.

Целостность обеих сторон, составляющих справедливость, находит свое выражение в

индивидуализации наказания и правилах постановления приговора.

Законы, отражающие сущность уголовной политики, должны в максимальной степени отражать объективный ход социального развития и уровень развития общества. В противном случае их создание на основе интересов только господствующей публичной власти приводит к игнорированию таких законов и их нарушению. Еще в Древней Греции был известен принцип: «Законы настолько совершенны, насколько люди готовы их соблюдать [12]

Обобщая сказанное, возможно сделать вывод, что целями современной уголовной политики должны являться:

1) обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью;
2) минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе справедливого и законного урегулирования конфликта общественных отношений, вызванного преступлением;
3) содействие достижению социального благополучия на основе реализации идей социальной реабилитации лиц, вовлеченных в общественные отношения, вызванные преступлением.

Достижение этих целей предполагает решение ряда взаимосвязанных задач уголовной политики, которые на современном этапе общественного развития состоят в том, чтобы:

- обеспечить адекватность уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности;
- достичь качественного улучшения реального состояния преступности, в первую очередь путем снижения объема и уровня организованной, рецидивной, террористической и насильственной преступности, а также преступности несовершеннолетних;
- добиться полного соответствия уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам прав человека;
- гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечив их безопасность и создав условия для полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда;
- преобразовать систему уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социальных и иных задач.

В качестве перечня организационных мер обеспечения уголовной политики нормативно должны быть закреплены следующие положения.

1. Основные проблемы в сфере противодействия преступности и прогноз развития криминогенной обстановки в стране.
2. Приоритеты государственной политики в сфере противодействия преступности.
3. Цели государственной уголовной политики.
4. Задачи государственной уголовной политики.
5. Показатели (индикаторы) достижения целей и решения задач противодействия преступности.
6. Описание основных ожидаемых конечных результатов государственной политики противодействия преступности.
7. Определение сроков и этапов реализации государственной уголовной политики.
8. Основные мероприятия государственной уголовной политики.
9. Меры государственного регулирования уголовной политики.
10. Прогноз сводных показателей государственных заданий по этапам реализации уголовной политики.
11. Основные меры уголовной политики, реализуемые субъектами Российской Федерации.
12. Участие государственных корпораций, акционерных обществ с государственным участием, общественных, научных и иных организаций, а также государственных внебюджетных фондов в реализации государственной политики противодействия преступности.
13. Обоснования выделения подпрограмм и включения федеральных целевых программ в состав государственной уголовной политики.
14. Обоснование объема финансовых ресурсов, необходимых для реализации государственной уголовной политики и

достижения ее задач.

15. Анализ рисков реализации государственной уголовной политики и описание мер управления такими рисками.
16. Методика оценки эффективности государственной уголовной политики.

Задача совершенствования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рамках современной уголовной политики требует:

1) детализировать критерии отграничения преступлений от иных правонарушений, в первую очередь от административных правонарушений. Минимизировать объемы усмотрения правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непреступных деяний;
2) конкретизировать содержание и укрепить юридическое значение нормативной категоризации преступлений, посредством которой установить особые правила расследования и судопроизводства для преступлений, не представляющих большой общественной опасности, неосторожных преступлений, особо тяжких преступлений, преступлений террористического и международного характера;
3) в соответствии с принципом обеспечения права человека на безопасность совершенствовать систему обстоятельств, исключающих преступность деяний, с целью активизации антикриминальной активности граждан;
4) на основе согласованной, теоретически выверенной и непротиворечивой концепции уголовной политики нормативно упорядочить соотношение смежных категорий «уголовная ответственность», «меры уголовно-процессуального характера», «уголовное наказание»;
5) обеспечить оптимальный баланс карательных, восстановительных и предупредительных средств уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, комплексное применение которых будет способствовать достижению целей уголовной политики;
6) согласовать предусмотренную законодательством систему мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера с системой правоограничений и запретов, установленных для лиц, совершивших преступления, в законодательстве иной отраслевой принадлежности;
7) оптимизировать объемы и пределы усмотрения суда при назначении мер уголовно-процессуального характера и уголовного наказания;
8) внедрить уголовно-процессуальные конструкции, создающие основу для решения задач обязательной компенсации вреда и оказания иной помощи потерпевшим от преступлений.

Уголовная политика в ее прикладном аспекте реализуется посредством деятельности институтов гражданского общества, правоохранительных органов, а также других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Что касается правоприменительной практики борьбы с преступностью, ее основных направлений, приемов и способов, то к ним следует отнести:

а) выявление и регистрацию преступлений;
б) возбуждение уголовного дела или отказа в его возбуждении;
в) раскрытие преступлений;
г) правильную квалификацию совершенного деяния;
д) возмещение вреда, причиненного преступлением;
е) применение мер пресечения к подозреваемым и обвиняемым;
ж) индивидуализацию наказаний осужденным;
з) исполнение наказаний;
и) постпенитенциарный контроль.

Но следует иметь в виду, что возможности уголовного и уголовно-процессуального права в борьбе с преступностью объективно ограниченны. Это объясняется тем, что применение уголовного наказания само по себе не устраняет причин и условий, порождающих правонарушения. Поэтому в борьбе с преступностью особое внимание должно уделяться предупреждению правонарушений, устранению причин и условий, их порождающих, а также осуществлению мер социально-экономического, нравственно-правового и культурно-воспитательного характера. Важную роль при этом играет повышение материального благополучия людей, рост их культурного уровня, повышение нравственного и духовного потенциала общества.

Значение предупреждения преступлений было понятно еще мыслителям средних веков. Ч. Беккариа писал: «Лучше предупреждать преступления, чем карать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства, которое, в сущности, является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно меньшему несчастью, если рассуждать с точки зрения соотношения добра и зла в нашей жизни» [15, стр. 230].

По убеждению Г.Ю. Лесникова, «в перспективе «репрессивность» мер пресечения должна снижаться. Эта общая тенденция должна быть переломлена согласованным действием ряда факторов: убыванием силы уголовной репрессии и приданием особого значения воспитательной цели уголовного наказания; возрастанием степени включенности личности в социальные связи; большим доверием граждан к суду; большей технической оснащенностью оперативно-розыскных и следственных органов; наличием международных договоров о правовой помощи и др. [41, стр. 170].

Профилактика и предупреждение преступлений и иных правонарушений – наиболее гуманный, а следовательно, и самый целесообразный способ борьбы с ними. Они не позволяют допустить того вреда, который мог бы быть нанесен личности, обществу и государству совершением преступления, обеспечивают возможность с наименьшими издержками положительно влиять на людей, склонных к совершению правонарушений. Поэтому концепция современной уголовной политики должна определять условия, содержание и порядок действий органов публичной власти по обеспечению социальной обоснованного и эффективного законодательства по предупреждению преступности и практики его применения. Корректировка концепции отечественной уголовной политики должна осуществляться с учетом следующих положений.

1. Правовой характер законодательства и результатов его применения не может оцениваться в отрыве от общих начал уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, общих принципов российского права, конституционно-правовых основ взаимоотношения личности и государства, общепризнанных принципов и норм международного права.

2. Не допускается расширительное толкование норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части, определяющей основания и порядок реализации уголовной ответственности.

3. Законность не должна исключать возможности усмотрения правоприменителя в регулировании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, равно как наличие, объемы и пределы усмотрения не должны входить в противоречие с идеями законности.

4. Равенство граждан перед законом должно с необходимостью исключать неоправданно широкую систему иммунитетов от уголовного преследования.

5. Гуманизм уголовного и уголовно-процессуального права не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовной политики. Принцип гуманизма в уголовной политике не означает необоснованного смягчения применяемых к лицу, совершившему преступление, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер.

В ситуации формирования новой концепции уголовной политики необходима ясность политической программы, определяющей цели проводимой уголовной политики, а также методы и средства ее осуществления. Не менее важным является учет в уголовной политике таких позиций, как общественное и национальное согласие; защита прав человека и гражданина; государственно-правовая идеология; социальная защита потерпевшего; господство права и закона, разделение властей. Все это, по нашему мнению, должно быть учтено при разработке концепции уголовной политики современной России. Поэтому, рассматривая вопрос концепции уголовной политики, не стоит забывать рекомендацию, данную одним из основоположников классической школы криминологии и уголовной политики, Ч. Беккариа: «Хотите вы предупреждать преступления? Сделайте так, чтобы свобода шла рука об руку со знанием» [15].

Подводя логический итог рассуждениям о содержании концепции российской уголовной политики и принципах совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, подчеркнем, что государственная уголовная политика не всегда выражается в официальных документах, тем более если

обособленно рассматривать только нормы уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Уголовная политика формируется в борьбе объективных и субъективных сил. Низкое качество законопроектной деятельности и отсутствие четкой концепции уголовной политики напрямую ведут к ухудшению криминогенной обстановки в стране.

Но все направления уголовной политики не должны идти вразрез с требованиями демократичности, уважения к правам личности и гуманизации практики применения уголовно-процессуального законодательства. Такая гуманизация должна соседствовать с реальным утверждением судебной власти, повышением авторитета следственных органов и органов надзора за законностью. А уголовная политика, определяющая все вышеназванные качества уголовного процесса в правовом государстве, ни в коей мере не должна абстрагироваться от системы общечеловеческих ценностей.

Необходимость обеспечения более качественной защиты общечеловеческих ценностей в нашем Отечестве предполагает и существенные изменения самой политики борьбы с преступностью. Известный российский специалист в области уголовной политики профессор А.И. Коробеев, например, пишет: «В настоящее время в России назрела настоятельная необходимость в срочном изменении сложившейся ситуации. Представляется, что отправными, исходными, ключевыми моментами здесь должны быть разработка, принятие и закрепление в соответствующем нормативном документе концептуальных основ политики современного российского государства в сфере борьбы с преступностью. Без создания такой концепции уголовно-правовую политику России не вывести из анабиоза, не преодолеть застойности в ее развитии. Отсутствие концептуальных основ стратегии и тактики борьбы с преступностью будет по-прежнему обрекать нас наблюдать законодательную клоунаду по превращению Уголовного кодекса России в абсолютно бессистемный конгломерат облеченных в закон, о оторванных от науки и жизни идей и фантазий его проектантов [37, стр. 154].

Исследователь обращает внимание на то, определенные шаги в этом направлении сделаны. В частности, по инициативе Общественной палаты РФ эксперты Комиссии по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов совместно с ведущими специалистами в области уголовного права подготовили проект Концепции уголовно-правовой политики РФ. На данное обстоятельство обращают внимание и другие ученые.

Изучающие этот проект специалисты единодушны в том что данный нормативно-правовой акт отвечает предъявляемым требованиям [13].

Всесторонне Проект данной Концепции анализировался на VII Российской Конгрессе уголовного права «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Москва, 31 мая – 1 июня 2012 г.). О Проекте говорили в докладах и сообщениях, как на пленарном заседании Конгресса, так и в выступлениях. Концепция получила положительную оценку, в том числе и в резолюции Конгресса, где рекомендовалось принять рассматриваемый проект в виде Федерального закона.

Прошло более четырех лет. К сожалению, надежды, связанные с Концепцией уголовно-правовой политики, не реализованы. А ведь это всего лишь один из составляющих элементов уголовной политики как таковой. Профессор А.И. Коробеев ведет речь как минимум о четырех элементах уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминологическая, пенитенциарная политика) [37, стр. 125-156], а профессоры А.И. Александров, В.П. Сальников, С.И. Захарцев и М.В. Сальников пишут о шести элементах уголовной политики (уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, оперативно-розыскная политика, уголовно-исполнительная политика, уголовно-превентивная политика и уголовно-организационная политика) [9, стр. 262-282; 30; 58; 59; 60; 61; 62]. Кроме того, и объединяющая эти шесть элементов уголовная политика также нуждается в своей обобщающей самостоятельной концепции. Другими словами, необходимость в срочном изменении сложившейся ситуации в сфере борьбы с преступностью требует немедленной работы по подготовке и принятию в качестве Федеральных законов Концепции уголовной политики Российской Федерации и Концепций шести составляющих ее элементов.

Примечания

* На начало 2012 г. в Европейском Суде по правам человека было зарегистрировано 40 тыс. 250 жалоб против России, что составляло 26,6% общего числа поступивших жалоб. Иски наших граждан составляют самую многочисленную категорию среди поступающих на рассмотрение ЕСПЧ [75].

** С одной стороны, идея справедливости пронизывает человеческие потребности и интересы, придавая им нравственный и правовой ракурс, с другой – именно идея справедливости подвергается сегодня критике и сомнению.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
3. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Ст. 1 // Собрание законодательства Российской . – 1998. – № 14. – Ст. 1514.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
7. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
8. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006.
11. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
12. Афины. Законодательство Солона. Всемирная история. URL: http://www.world-history.ru/countries_about/1853.html.
13. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
14. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.
15. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004.
16. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
17. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и

социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
18. В Богородицке суд приостановил работу двух магазинов, где продавали товары с изображением конопли. URL: http://newstula.ru/fullnews_64161.html
19. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
20. Выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на VIII Всероссийском съезде судей (18–19.12.2012 г.). URL: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=8351.
21. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М.: Проспект, 2008.
22. Главный научный журнал мира поддержал подсудимого российского эксперта. URL: http://news.rambler.ru/15628592.
23. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. – М.: ИНФРА-М, 2010.
24. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 19.02.2013 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2012 год» // Российская газета. – 2013. – № 68.
25. Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации» (2010 г.). URL: http://www.fparf.ru/doklad/ug_pr_polit/ug2.htm.
26. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011.
27. Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 21-24.
28. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
31. Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2012/12/10/zorkin-site.html.
32. Интервью доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста России, профессора кафедры налогового права Финансового университета при Правительстве РФ, профессора кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России И.Н. Соловьева журналу «Российский налоговый курьер» // Российский налоговый курьер. – 2013. – № 4.
33. Интернет-конференция с Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным на тему: «Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан» (ИА «ГАРАНТ». 18.06.2012). URL: http://www.garant.ru/action/conference/403248.
34. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
35. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
36. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
37. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
38. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд. – М., 2007.
39. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
40. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
41. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики): Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.
42. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Волтерс

Клувер, 2005.
43. Ляпунов Ю.И. Социалистическая законность и уголовный закон // Сов. государство и право. – 1989. – № 2. – С 59-65.
44. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. – М.: Юристъ, 2010
45. Надзорные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делам от 3 августа 2006 г. № 64-Дп06-13, от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-14 // ГАРАНТ ЭКСПЕРТ: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ».
46. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
47. Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики. – М., 1992.
48. Преследования ветеринаров и врачей продолжаются. URL: http://www.infolegal.ru/doc/2005/02/3020512.doc
49. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
50. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
51. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
52. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
53. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
54. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
55. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
56. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
57. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
58. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников В.П. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4.
59. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
60. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
61. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
62. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
64. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
65. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
66. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
67. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
68. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
69. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое

государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
70. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
71. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
72. Саркисов Р.С. Российская правовая политика как концепция и реальность: Дис. ... канд. юрид. наук / ГОУ ВПО «Пятигорский государственный технологический университет». – Пятигорск, 2008.
73. Социально-экономические последствия уголовной политики государства в отношении бизнеса // Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – С. 4-21.
74. Уголовная политика на «ручном управлении». Интервью с Н.А. Колоколовым, доктором юридических наук, судьей Верховного Суда РФ (в отставке), профессором Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // Юридическая газета. – 2011. – № 15.
75. ФГУП РАМИ «РИА Новости». URL: http://ria.ru/world/20120126/549514271.html.
76. Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. – Екатеринбург, 1999.
77. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
78. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
79. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
80. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
81. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
82. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.
83. Code for Crown Prosecutors Introduction. The Crown Prosecution Service. URL: http://www.cps.gov.uk/publications/code_for_crown_prosecutors/introduction. html.

АБЕЗГИЛЬДИН Руслан Ринатович,
аспирант кафедры политологии Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: arr1989@yandex.ru

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. *Рассматривается деятельность политических сетей, в которых активно используются технологии, несущие угрозу государственному суверенитету, и сетевые способы противодействия им на примере борьбы с коррупцией. Отмечается, что коррупция в России носит сетевой характер, в коррупционных процессах задействованы все виды ресурсов: властные, информационные, материальные и интеллектуальные. Обосновывается положение о необходимости повышения общественно политической активности и правосознания населения, консолидации институтов гражданского общества путем использования информационно-коммуникационных технологий.*

Ключевые слова: *политические сети; коррупция; суверенитет; лоббизм; информационные технологии.*

ABEZGILDIN R.R.
KLIMENKO O.A.
MIRZOEV A.K.

GOVERNMENT AND POLITICAL NETWORKS: MODERN PROBLEMS OF MAINTENANCE OF NATIONAL SOVEREIGNTY AND THE FIGHT AGAINST CRIME

The summary. *Activity of political networks in which the technologies bearing threat to the state sovereignty are actively used, and network ways of counteraction by it on an example of struggle against corruption is considered. It is noticed, that corruption in Russia has network character, all kinds of resources are involved in corruption processes: imperious, information, material and*

intellectual. Position about necessity of increase of socially political activity and sense of justice of the population, consolidation of institutes of a civil society by use of information-communication technologies is proved.

Key words: *political networks; corruption; the sovereignty; lobbyism; information technologies.*

Эпохе глобализации присущи многие негативные явления, которые либо уже существовали ранее и значительно усилились благодаря мировым интеграционным процессам, либо за сравнительно короткий период приобрели характер институциональных структур, входящих в противоречие (а иногда и в открытое противоборство) с деятельностью органов государственной власти [35; 36; 37; 38; 66]. К первой группе явлений следует отнести расширение масштабов организованной преступности (особенно в сфере экономики и наркобизнеса [6; 7; 41; 47; 50; 88; 89]), «элитарной» коррупции [55; 56; 57; 61; 63; 82; 83; 91], возросшую активность экстремистских течений, международного терроризма [17; 18; 19] и т.д. Ко второй группе следует отнести современные информационные технологии, которые используются не во благо, а во вред государственным интересам, препятствуют становлению Российской Федерации на путь подлинно демократического, правового государства. Эти технологии (прежде всего Интернет-ресурсы) «настраивают» пользователей сетей не на сотрудничество, а на негативное отношение к государственным структурам и их должностным лицам, на пренебрежительное отношение к законодательству, подрывают авторитет публичной власти и уверенность граждан в защищенности их гражданских прав [27; 62; 92], насаждаются чуждые нам западные ценности [9; 15; 26; 30; 31; 53; 64; 65; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 80; 98].

Деятельность политических сетей, в которых активно используются технологии, несущие угрозу государственному суверенитету [3; 4; 16; 100] и сетевые способы противодействия им, могут быть изучены на примере такого феномена, как коррупция.

В современном мире коррупция представляет собой чрезвычайно распространенное явление, в той или иной мере затрагивающее все сферы жизнедеятельности государственных институтов и приводящее к криминализации и деградации властных структур, экономики, сращиванию правоохранительных органов с организованной преступностью.

Когда речь идет о противодействии коррупции в отдельно взятой стране, необходимо учитывать различные специфические факторы: политические, социально-экономические, этнические, культурные, демографические, уровень распространенности СМИ и новейших средств массовых коммуникаций и т.д. Многочисленные исследования показывают, что национальные морально-этические и правовые обычаи и традиции оказывают существенное влияние на характер и динамику антикоррупционного законодательства [10; 74; 75; 76; 77; 78; 79]. В соответствии с этими обычаями и традициями существуют следующие модели отражения коррупционных проявлений в общественном сознании, в национальной правовой психологии: западная модель, азиатская, африканская и латиноамериканская модель [14; 25; 58].

В западной модели коррупция однозначно рассматривается в качестве реальной угрозы национальной безопасности стран Европы, США, Канады, Австралии и т.д., демократическим институтам. Азиатская модель (в данном случае мы говорим не о государственной политике Китая, Сингапура и т.д., а об «обыденном сознании» значительной части населения азиатских стран) рассматривает коррупцию, как привычное культурное и экономическое явление, неразрывно связанное с функционированием чиновников, с жизнью простых людей. В рамках африканской модели происходит насильственный захват власти этническими или экономическими кланами (например, в ходе военного переворота). Образно говоря, особый статус «освобождает» африканских диктаторов, коррумпированных чиновников от любых моральных обязательств перед своим народом. Латиноамериканская модель представляет широкие возможности для разрастания теневой экономики, проникновения мафиозных структур в государственные органы.

Нередко за «борьбу с коррупцией» в Латинской Америке местные политические деятели пытаются выдать криминальные разборки бизнес-структур, наркокартелей [20; 45; 54, стр. 148-164; 87; 93]. Российская коррупционная модель не обладает какими-то особыми признаками – в определенной мере она объединяет некоторые черты азиатской и латиноамериканской моделей.

Осуществление государственной политики противодействия коррупции предполагает и обусловливает наличие особых отношений между государственным управлением и современным обществом. Эти отношения «укладываются» в концептуальное направление в основе которого лежит понятие «политическая сеть».

М. Стрежнева абсолютно правильно указывает, что «демократические институты всегда определяют фон, конкретный контекст, в условиях которого функционируют политические сети. Однако специалисты, изучающие сети, зачастую неправомерно игнорируют демократические аспекты их существования. Вероятно, в какой-то степени, это можно объяснить традицией, восходящей к М. Веберу, согласно которой проводится различие между политикой (в ходе ее проведения отдается предпочтение социальным идеалам и ценностям) и администрированием (подразумевающим узкую реализацию уже принятых решений)» [84, стр. 2].

Как мы уже указывали, роль политических сетей в структуре политического процесса крайне неоднозначна. Политические сети как вид общественных отношений могут представлять собой альтернативу традиционным политико-правовым практикам, вступать в противоречие с институциональными и не институциональными регулятивными структурами [39, стр. 111-112]. В связи с указанной спецификой условно назовем такие сети девиантными. Распространение и легализация девиантных политических сетей, в основе которых лежат незаконные интересы должностных лиц, связанные с использованием властных полномочий и доверенных им прав в целях личной выгоды, является мощным «подспорьем» для развития коррупционных процессов.

Коррупция является сложным социально-политическим явлением, имеющим различные проявления, которые не всегда очевидны, в то же время сетевой характер коррупции в Российской Федерации не вызывает сомнений. Этого же мнения придерживаются и отечественные авторы, Так, рассматривая сетевой характер российской коррупции, политологи указывают на ее системность. В свою очередь понятие системности в значительной мере соответствует самой природе сетевой активности [13; 39, стр. 114; 42; 94].

По мнению М.А. Петрова, «масштабы коррупции в полной мере проявились в формировании коррупционных сетей, в рамках которых коррупционеры переходят от единичных разрозненных сделок к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в сложные сетевые структуры. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между акторами как по вертикали всей системы управления, так и по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами» [48, стр. 98].

В любом обществе существует множество разного рода проблем, следовательно, наблюдается не только консолидация, но и размежевание коллективов, общественных организаций, политических партий; при решении конкретных задач обязательно возникают не только общие, но и отдельные цели за реализацию которых гражданам приходится конкурировать на индивидуальном, коллективном, государственном уровнях, как в рамках правового поля, так и вне этих рамок.

Понятие коррупции включает в себя коррупционную преступность, административные коррупционные правонарушения, дисциплинарные коррупционные проступки и гражданско-правовые коррупционные деликты. В зависимости от занимаемой коррупционером должности коррупция может быть элитарной или низовой, административной или бытовой. Учитывая социальную сферу, где имеют место проявления коррупции, выделяют коррупцию государственных и муниципальных служащих, парламентскую коррупцию, коррупцию правоохранителей, корпоративную, экономическую, политическую, партийную, электоральную, международную, транснациональную, а также коррупцию в сферах образования, здравоохранения, государственных закупок и т.д. Кроме того различают «светлую» коррупцию (не наказуемую действующим законодательством), «серую» (за которую установлена административная или

дисциплинарная ответственность) и «темную» (уголовно наказуемую). Отечественные ученые считают, что большинство форм коррупции можно отнести к двум видам – к взяточничеству и к протекционизму; некоторые авторы выделяют особый вид коррупции – автокоррупцию, разновидностями которой служат такие деяния как хищение или контрабанда с использованием служебного положения [8; 24, стр. 9-10; 33; 81; 86].

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 1999) и Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 2003) говорят о получении неправомерного преимущества публичным должностным лицом [5, стр. 362-368; 46]. При этом понятие преимущества может включать не только имущественные, как это предусмотрено российским законом, но и неимущественные блага, что допускает как корыстную, так и любую иную личностную мотивацию. Последнее положение приобретает особую значимость в связи с тем, что коррумпированный чиновник может злоупотреблять должностными полномочиями, представляя интересы финансового или этнического плана, организованной преступной группировки.

По мнению Н.С. Бабурина, «проблема коррупционизма не в том, что чиновники злоупотребляют должностными полномочиями и воруют казенные деньги – это его проявления. Проблема состоит в том, что иногда государственный аппарат может служить не обществу в целом, а находится под властью или на содержании у его отдельной части. В этом случае не общество, а именно эта часть имеет все возможности для реализации своего корпоративного интереса за счет остальных членов общества и с государственной гарантией» [22, стр. 6].

В настоящее время существуют серьезные основания считать коррупцию важнейшим элементом современной российской общественной системы. Следует согласиться с позицией Я.И. Гилинского, что коррупция в нашей стране это уже сложившийся социальный институт, который выполняет множество важных социальных функций [21].

Коррупция в России настолько «вросла» в систему общественных отношений, что если чисто гипотетически предположить её уничтожение, то «разрушится» вся система этих отношений. Акторы утратят способность понимать, как им действовать в сложившихся ситуациях [49, стр. 96; 52].

Об институционализации (процессе становления социальных практик регулярными и долговременными) коррупции свидетельствует, прежде всего, то, что она выполняет ряд социальных функций. В частности, коррупция способствует упрощению административных связей, ускорению и упрощению принятия управленческих решений, консолидации и реструктуризации отношений между социальными группами, содействию экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизации экономики в условиях дефицита ресурсов и др. [59; 60].

Помимо сказанного, на институционализацию коррупции в стране указывают:

1) наличие вполне определенных субъектов коррупционных взаимоотношений (патрон – клиент), распределение социальных ролей (взяткодатель, взяткополучатель, посредник);
2) наличие определенных правил игры, норм, известных субъектам коррупционной деятельности;
3) сложившийся сленг и символика (например, хорошо известный и всеми понимаемый жест потирания большим пальцем руки указательного и среднего пальцев) коррупционных действий;
4) установившаяся и известная заинтересованным лицам величин оплаты коррупционных услуг [43, стр. 22-23; 49, стр. 96].

Несомненный интерес в контексте нашего исследования заслуживает рассмотрение лоббизма, явления, которое не обязательно связано с коррупцией, хотя в ряде случаев стремление различных структур использовать политическую власть для укрепления своих позиций, обогащения, борьбы с конкурентами и т.д. имеет коррупционную направленность [12; 28; 29; 44; 85].

История лоббизма насчитывает более полутора веков. Феномен лоббирования занимает особое место в англосаксонской рационалистической школе, представители которой считают, что при принятии кардинальных решений, непосредственно влияющих на политические процессы, качество жизни людей и т.д. всегда существовали и будут существовать профессиональные группы давления (политики, юристы,

представители бизнес-сообществ, активисты общественных организаций и т.д.) оказывающие самое активное влияние на государственных должностных лиц с различными целями в интересах своих клиентов [34; 40]. По мнению Е.С. Громогласовой, «отправной точкой рационалистических подходов, соответственно, является гипотеза, что каждый актор преследует во взаимодействии собственный интерес» [23, стр. 22].

В большинстве стран деятельность лоббистов носит достаточно открытый характер и закреплена законодательно. В частности, в США первая поправка к Конституции гарантирует право на свободу слова и возможность обращения к конгрессу любого гражданина США по любому вопросу (поправка была принята в 1787 году и стала основанием для фактической «интервенции» деловых кругов в политические процессы).

В научной литературе сохраняется неоднозначный подход к определению лоббизма и анализу лоббистской деятельности, тем не менее, К.Х. Хутов предпринял удачную попытку выделения наиболее характерных особенностей данного явления:

1. Объектом лоббирования являются практически все политические институты власти.
2. Лоббизм – это форма посредничества между влиятельными заинтересованными группами, общественными объединениями, различного рода организациями и государственными структурами.
3. Лоббизм представляет интересы как физических, так и юридических лиц.
4. Лоббизм проявляется на всех уровнях власти [95].

В России, начиная с 90-х годов, сложилось однозначное мнение, что лоббизм и коррупция являются если не синонимами, то сторонами одной медали [34]. Сложившийся механизм распределительных отношений в сфере экономики, фактически построенный на принципах социальной несправедливости, «ударил» по жизненно важным социально-экономическим интересам населения, что особенно болезненно сказалось в период мирового финансового кризиса и введения санкций против нашей страны. В свою очередь все это породило у большей части населения проблемы выживания. Разрешение указанных проблем, с учетом существующей правовой регламентации условий хозяйствования, в реальных условиях оказалось возможным лишь при активном включении предпринимателей в процессы теневой экономики. Одним из способов достижения поставленных целей стало сокрытие любых доходов от налогообложения, что, в свою очередь, предполагает «оплату услуг» должностных лиц.

Так, в качестве взяткодателей выступают следующие элементы коррупционных сетей (которые в зависимости от поставленных задач могут в т.ч. и лоббировать чьи-то интересы):

1) субъекты неформальной экономики (физические, юридические лица, которые занимаются вторичной нерегистрируемой деятельностью, в основном физическим, интеллектуальным трудом, работают в сфере шоу бизнеса, индустрии развлечений);
2) субъекты скрытой экономики (легальные представители бизнес сообщества, которые систематически, используя коррупционные схемы выходят за пределы правового поля);
3) субъекты криминальной («черной», «подпольной») экономики (представители организованной преступности, занимающиеся преимущественно наркобизнесом, торговлей оружия, черной трансплантологией, работорговлей, незаконной миграцией, секс-индустрией, рейдерскими захватами и т.д.).

В качестве взяткополучателей, которые также являются элементами коррупционных сетей, как правило, выступают лица, осуществляющие законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работники государственных, правоохранительных, надзорных или контрольных органов. К этой же группе граждан следует отнести должностных лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, в вооруженных силах Российской Федерации, и в других воинских формированиях РФ.

Рассматривая политические сети, в основе которых лежат демократические принципы их функционирования, а также девиантные сети коррупционной направленности, отметим, что для тех и других важен внутрисетевой обмен

ресурсами (а это ключевой признак любой политической сети). «Именно ресурсный обмен порождает данную форму политического управления в условиях, когда сети «распылены» между акторами разной природы. Для каждого из подобных акторов привлекателен ресурс другого, на который он готов обменять собственный, а сеть – своеобразная площадка для совершения такого обмена» [23, стр. 21].

В коррупционных процессах задействованы все виды ресурсов: властные, информационные, материальные, интеллектуальные (рассматриваемые в рамках социального капитала) и т.д.

Однако с нашей точки зрения (с учетом теории политических сетей), при анализе вопросов, касающихся распространения коррупции, а также при выработке антикоррупционных стратегий первостепенная роль должна отводиться информационному ресурсу, поскольку его применение характеризуется принципиальными изменениями модели информационного взаимодействия общества и власти, которая стала в последние годы именно моделью своеобразного социально-политического диалога.

В тоже время, как мы уже указывали, противодействовать технологиям и ресурсам, которыми обладают коррупционеры крайне сложно. Кроме того, отдельные представители государственных структур, групп влияния (лоббисты) стремятся соблюдать корпоративные интересы, «прикрывают» действия вышестоящих коррупционеров, опасаясь мести с их стороны или потери работы. Некоторые представители бюрократии могут умышленно допускать некорректное использование политической сети, распространение искаженных сведений для манипулирования общественным сознанием. Понять истинную природу такого манипулирования можно лишь в том случае, если рассматривать его в политическом, правовом, экономическом, идеологическом и социальном контексте с позиций интересов представителей власти, бизнес-сообщества и т.д.

Развитие новых рынков «коррупционных услуг» в немалой степени связано с революцией в области коммуникаций, которые способствуют развитию системы обмена информации на глобальном уровне. Современные системы коммуникаций обеспечивают передачу информации в киберпространстве, практически не оставляя следов, что позволяет сделать ее полностью закрытой и поступающей по назначению из любой страны за кротчайший отрезок времени. Помимо этого, современные технологии и глобальные информационные системы формируют реальные перспективы для транснациональной преступной деятельности и оснащают аналитиков, работающих на мафиозные структуры новыми способами более совершенного и рационального проведения незаконных операций. Компьютерные технологии и сопровождающее их усложнение методов и масштабов глобальных финансовых операций сделали возможным увеличение объемов, скорости и закрытости международных финансовых расчетов, что повысило возможности организованной преступности и уменьшило вероятность ее выявления и пресечения. Это позволяет без проблем легализовать доходы от различных коррупционных сделок [51; 99; 101].

Рассмотрим следующий аспект проблемы, который касается активности политических сетей в правовом поле, применительно к консолидации институтов власти и общества с целью противодействия коррупции.

Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016 № 4-ФЗ) «О противодействии коррупции» под данным социально негативным явлением следует понимать:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [1].

Системный (сетевой характер) этого закона раскрывается в ряде статей. Так в ст. 6 говорится о необходимости «формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению», об обязательном проведении «антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов»; о дальнейшем «развитии институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о

противодействии коррупции».

Следует отметить, что еще раньше в 2006-2008 гг. проект рассматриваемого закона вызвал широкий общественный резонанс: его активно обсуждали в специализированных Интернет-ресурсах (на различных форумах, интернет конференциях, вебинарах, скайп-сессиях, в блогах и т.д.). Дискуссии с множеством независимых участников, территориально отдаленных друг от друга в прямом смысле «объединило» рядовых граждан, государственных и политических деятелей, чиновников, выступающих против коррупции, представителей правозащитных и молодежных организаций, причем многие из них в дальнейшем приняли непосредственное участие в деятельности проекта «Электронная демократия» [90; 96].

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 21.11.2011. № 329-ФЗ, от 21.10.2013 № 279-ФЗ) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2] устанавливает правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизе. При этом важно отметить, что институты гражданского общества и граждане также могут в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу. Заключение по результатам данной экспертизы носит рекомендательный характер, но подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено в тридцатидневный срок со дня его получения. Как правило, эксперты акцентируют внимание на трех главных дефектах текста правового акта:

1) на отсутствие нормы (т.е. имеет место неурегулированность отношений);
2) неопределенность нормы (недоурегулированность);
3) избыточность нормы (переурегулированность) [11; 97].

В настоящее время документы, не содержащие государственную тайну или сведения конфиденциального характера размещаются на официальном Интернет-сайте Минюста России и направляются в Департамент конституционного законодательства для проведения экспертизы на коррупциогенность.

П.А. Кабанов указывает, что федеральное и региональное антикоррупционное законодательство в качестве средства противодействия коррупции выделяет антикоррупционную экспертизу, а законодательство об общественном контроле общественную экспертизу решений, документов, материалов, действий должностных лиц, а также нормативных правовых актов и их проектов [32]. К субъектам общественного контроля за органами публичной власти при производстве общественной экспертизы относятся:

- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;
- Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка;
- Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей;
- уполномоченные по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации.
- Общественная палата Российской Федерации;
- общественные палаты субъектов Российской Федерации;
- общественные палаты (советы) муниципальных образований;
- общественные советы при федеральных органах исполнительной власти;
- общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации;
- общественные наблюдательные комиссии;
- общественные инспекции;
- группы общественного контроля;
- иные организационные структуры общественного контроля.

Вновь, возвращаясь к Федеральному закону «О противодействии коррупции», акцентируем внимание на ряде важных моментов. Так, положение о том, что политические сети непосредственно формируют сферу взаимодействия между государством и обществом в условиях, когда государственным структурам становится весьма затруднительно (практически невозможно) управлять общественными процессами прежними методами жесткого вмешательства («по вертикали») не прибегая

к взаимодействию с общественностью, нашло наглядное подтверждение в статье 7 «Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции». В частности, в п.2 данной статьи идет речь о создании механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества. В п.3 указывается на необходимость принятия законодательных, административных и иных мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии коррупции, на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению. Согласно п.3 предусматривается совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью. Особого внимания заслуживают: п.7 обязывающий обеспечить доступ граждан к информации о деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и п.8 гарантирующий обеспечение независимости средств массовой информации в сфере борьбы с коррупцией. На необходимость передачи части функций государственных органов саморегулируемым организациям, а также иным негосударственным организациям указывается в п. 18 [1].

Из сказанного следует, что Закон способствовал и продолжает способствовать созданию эффективных способов и методов воздействия на все уровни коррупции, в том числе и путем повышения общественно политической активности населения, уровня его правосознания, консолидации институтов гражданского общества и ознакомления рядовых граждан с различными антикоррупционными практиками, путем использования информационно-коммуникационных технологий.Это. в свою очередь, работает на обеспечение эффективности борьбы с преступностью в целом и укрепление государственного суверенитета.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 17.07 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
3. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
4. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
5. Акопджанова М.О. Борьба с коррупцией: международные антикоррупционные стандарты и российское законодательство // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2014.
6. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
7. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
8. Алмаева Ю.О. Коррупция в сфере трудовых отношений как проблема современного российского общества и государства // Политика, государство и право. – 2015. – № 3.
9. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
10. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир

политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
11. Бахтина М.С. К вопросу о понятии антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Административное право и процесс. – 2015. – № 2. – С. 78-81.
12. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004.
13. Богунов С.С. Коррупция в современной России: политологический анализ: Дис ... канд. политич. наук. – М., 2012.
14. Болонина Л.В., Пчелкин Е.В. Исследование опыта зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией // Права и свободы человека и эффективные механизмы их реализации в мире, России и Татарстане: Материалы междунар. науч. практич. конф. 28-29 ноября 2013 г. – Казань, 2013. – С. 614-618
15. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
16. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
17. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 2. – С. 3-6.
18. Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 150-160.
19. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134.
20. Гилевская М.А. Передовые национальные антикоррупционные стратегии: уроки для России. Источник: http://www.crime.vl.ru.
21. Гилинский Я.И. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль. Центр социально-консервативной политики. Источник: http://pda.cskp.ru.
22. Голик Ю.В., Карасев И.В. Коррупция как механизм социальной деградации. – СПб., 2005.
23. Громогласова Е.С. Теория и практика политического управления в Европейском союзе. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
24. Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию коррупции / Под общ. ред. А.В. Кудашкина. – М., 2011.
25. Дунаевский И. Почему коррупция в политической системе США стала легальной. Источник: http://www.rg.ru.
26. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
28. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000.
29. Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. – М.: Экономика, 2002.
30. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
31. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
32. Кабанов П.А. Общественная экспертиза как форма общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовой анализ // Политика и общество. – 2014. – № 10(118). – С. 1168-1169.
33. Качкин А.В., Качкина Т.Б. Подходы к определению понятия «коррупция». Классификация коррупции // Следователь. – 2013. – № 7(183). – С. 39-47.
34. Колосова Н.М. Лоббизм и коррупция // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 53-59.
35. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
36. Кондрат Е.Н. Международная финансовая безопасность и правоохранительное сотрудничество в эпоху глобализации: Монография. – М.: ФОРУМ, 2010. – 224 с.
37. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в XXI веке: подход к проблеме // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 117-122.
38. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.

39. Костюченко О.В. Политические сети в государственном управлении: институционально правовой анализ: Дис. … канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2009.
40. Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в США и Канаде // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 161-167.
41. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
42. Кульянов Е.Г. Проблемы и перспективы применения интернет-технологий в борьбе с коррупцией // Следователь. – 2013. – № 3(179). – С. 38-44.
43. Кушниренко С.П., Пристансков В.Д. Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования. – СПб., 2004.
44. Лазарев В.В. Лоббизм в конституционном судопроизводстве // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 24-34.
45. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах. Источник: http://dorogisk.ru.
46. Остапец Н.Е., Горбунова И.В. Система международных актов по борьбе с коррупцией // Политика, государство и право. – 2014. – № 11.
47. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
48. Петров М.А. Институционализация коррупции как главная проблема российского общества // Противодействие коррупции в России: проблемы и перспективы. Материалы межвуз. науч. практич. конф. (Санкт-Петербург, 26-27 ноября 2010). – СПб., 2011.
49. Петров М.А. Институционализация коррупции как главная проблема российского общества // Противодействие коррупции в России: проблемы и перспективы. Материалы межвуз. науч. практич. конф. (Санкт-Петербург, 26-27 ноября 2010). – СПб., 2011.
50. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
51. Пономарев Д.А. Информационные технологии как криминогенный фактор организованной преступности в условиях глобализации // Доклад на VI Международной конференции «Право и Интернет». Источник: http://www.ifap.ru.
52. Пустовалова И.Н. Институционализация коррупции: параллели истории // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 37. Апрель. 2013 г. Источник: http://e-journal.spa.msu.ru.
53. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
54. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия и реформы / Пер. с англ. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2003.
55. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2012. – № 10. – С. 14.
56. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
57. Савенков А.Н. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Парламентские слушания, 22 июня 2012 года / Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации; под общ. ред. А..Н. Савенкова. – М., 2012.
58. Савинов Л.В. Коррупция как ментальность нации и этноса. Источник: http://www.justicemaker.ru.
59. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
60. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
61. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
62. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита

и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27
63. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
64. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
65. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
66. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
67. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
68. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
69. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
70. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
71. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
72. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
73. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
74. Сальников М.В. Общецивилизационная правовая культура и наднациональная политико-правовая традиция // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 179-194.
75. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
76. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
77. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
78. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
79. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
80. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
81. Сапронов С.В. Исследование особенностей и классификации видов коррупции в органах государственной власти // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 118-121.
82. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
83. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.
84. Стрежнева М. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2015. – Т. 13. – №1(40).
85. Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): Монография / Под ред. С.А. Комаров. – СПб.: Юридический институт, 2015. – 384 с.
86. Тороков Д.А. К вопросу о причинах коррупции в государственном управлении Российской Федерации // Политика, государство и право. – 2015. – № 10.

87. Усова Е.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции // Следователь. – 2014. – № 5 (193). – С. 62-64.
88. Федоров А.В. Борьба с наркобизнесом невозможна без международного взаимодействия // Право и безопасность. – 2005. – № 1(14). – С. 54-58.
89. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. – 2011. – № 4. – С. 5-14.
90. Федоровцева О.Ф. Федеральный закон «О противодействии коррупции»: иллюзия, панацея или оптимальное решение проблемы // Современные проблемы в области экономики, менеджмента, социологии, бизнес-информатики и юриспруденции. Материалы 5-й научно-практической конференции студентов и преподавателей / Отв. за вып.: Царьков А.С., Асланян Е.А. – Нижний Новгород: Высшая школа экономики, 2007. – С. 207-209.
91. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
92. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
93. Хайрутдинова Л.Р. Антикоррупционное консультирование: понятие, виды и содержание // Политика, государство и право. – 2015. – № 6.
94. Хайрутдинова Л.Р. Роль информационного гражданского общества в борьбе с коррупцией // Политика, государство и право. – 2014. – № 5.
95. Хутов К.М. Лоббирование, коррупция, монополизм: исследование криминогенного взаимовлияния. Источник: http://www.sartraccc.ru.
96. Чаплыгина А.Ю. Закон о противодействии коррупции: все ли учтено? // Кулагинские чтения: IX Всероссийская научно-практическая конференция. Ч. IV – Чита: ЧитГУ, 2009. – С. 138-141.
97. Чаплыгина А.Ю. Правовые основы проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 1. – С. 51-53.
98. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
99. Шашкова А.В. Коррупция как проблема политической теории и практики // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6(45). – С. 64-72.
100. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
101. Kroeze, R., T. Kerkhoff and S. Corni (eds.), Corruption and the Rise of Modern Politics. Special issue, Journal of Modern European History (JMEH) 11, 2013, Munchen. C.H. Beck. Ss.31-35.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *Рассматриваются существующие международные стандарты оценки риска отмывания доходов от коррупции, которые могут обеспечить безупречность и повысить прозрачность финансовой системы и укрепить сотрудничество в сфере мер противодействия отмыванию данных преступных доходов. Анализируются основные международно признанные индексы оценки уровня коррупционного риска в правительстве или учреждениях конкретной страны.*

Ключевые слова: *коррупция; легализация (отмывание) преступных доходов; индексы коррупции; качество государственного управления; оценка коррупционных рисков.*

KONDRAT E.N.

INTERNATIONALLY RECOGNIZED STANDARDS FOR COMBATING MONEY LAUNDERING: GENERAL APPROACHES

The summary. *Existing international standards of an estimation of risk of washing up of incomes of corruption which can provide faultlessness are considered and raise a transparency of a financial system and strengthen cooperation in sphere of measures of counteraction to washing up of the given criminal incomes. The cores are analyzed is international recognised indexes of an estimation of level of corruption risk in the government or establishments of the concrete country.*

Key words: *corruption; legalisation (washing up) of criminal incomes; corruption indexes; quality of the government; an estimation of corruption risks.*

Как отмечено в отчете «Легализация (отмывание) доходов от коррупции», похищенные активы являются бесполезными, если их нельзя конвертировать во что-то, что можно использовать. Жесткие меры контроля в области противодействия отмыванию денег могут выявлять движение незаконно полученных активов в рамках финансовой системы и, что еще луче, удерживать чиновников от коррупционной деятельности. Выполнение 40 Рекомендаций ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF) должно являться существенным фактором для

рассмотрения при оценке риска отмывания доходов от коррупции. Стандарты ФАТФ были разработаны в целях снижения риска путем повышения эффективности всех аспектов государственного управления – выявление и профилактика, расследование и судебное преследование, а также обмен информацией на национальном и международном уровнях. Юрисдикция, выполняющая Рекомендации ФАТФ, представляет гораздо меньший риск в плане отмывания денег в целом и в плане отмывания коррупционных доходов в частности, нежели юрисдикция, которая не выполняет Рекомендации [1; 7; 8; 11; 12; 26; 27; 28].

За счет эффективного выполнения Рекомендаций ФАТФ страны могут обеспечить безупречность и повысить прозрачность финансовой системы и укрепить международное сотрудничество в сфере мер ПОД/ФТ. В Стандартах ФАТФ содержатся такие элементы, как сотрудничество политиков на национальном уровне, ПФР, правоохранительные и надзорные органы (Рекомендации 1 и 2), профилактические меры для финансового сектора и других определенных секторов (Рекомендации 9-23), а также меры для развития международного сотрудничества (Рекомендации 36-40). Все эти меры направлены на содействие в выявлении, расследовании и судебном преследовании случаев отмывания коррупционных доходов коррумпированными чиновниками, а также на содействие в замораживании, конфискации и возвращении незаконных доходов.

Помимо этого, у ФАТФ имеются два механизма для оценки выполнения Рекомендаций. Первый механизм – это процесс проведения взаимных оценок, в рамках которого члены ФАТФ и страны – члены Региональных групп по типу ФАТФ (РГТФ) согласовали проведение своей оценки другими членами и опубликование результатов такой оценки. Вторым механизмом является процедура, осуществляемая Рабочей группой ФАТФ по обзору международного сотрудничества. В рамках этой процедуры публично объявляются страны, представляющие высокой риск и/или не участвующие в сотрудничестве, с которыми указанная Рабочая группа разрабатывает рабочие планы, которые подлежат усиленному мониторингу и должны выполняться соответствующими странами с целью гарантированного обеспечения полноценного режима ПОД/ФТ. Оба механизма являются ценными источниками информации о качестве режима ПОД/ФТ, которая, в свою очередь, указывает на риск отмывания доходов от коррупции [30].

Помимо этого, по мере того как ФАТФ переходит к четвертому раунду взаимных оценок с целью анализа и оценки эффективности и технического соответствия, у подотчетных учреждений появляется возможность осуществлять оценку риска не только с точки зрения технического соответствия, но и в плане понимания видов и уровней риска, присущих конкретным юрисдикциям [13; 15; 17; 18; 22; 23; 24; 29].

Индексы коррупции

Различные правительства, неправительственные организации и многосторонние группы заинтересованы в определении уровня коррупционного риска в правительстве или учреждениях конкретной страны. К примеру, страны-доноры и неправительственные организации могут попытаться определить риск, связанный с коррупцией, при принятии решений о распределении гуманитарной помощи. По этой причине было разработано множество индексов для определения коррупционного риска. Некоторые из этих индексов определяют уровень восприятия коррупции в конкретной юрисдикции, тогда как другие определяют конкретные факторы, которые должны присутствовать (или отсутствовать) в стране с низким уровнем коррупции.

Индекс восприятия коррупции «Траспаренси Интернэшнл»

Среди всех проблем, связанных с борьбой с преступностью, особняком стоит использование антикоррупционными органами и организациями «индексов восприятия» для определения серьезности угрозы. Логика их использования заключается в том, что изначально коррупцию очень сложно выявить. Если только речь не идет о прямом вымогательстве, коррупционеры кровно заинтересованы в том, чтобы держать в тайне своих коррупционные схемы, а жертвы коррупции (обычно население юрисдикции, в которой действует коррумпированный чиновник) не знают о том, что их обманывают. Об ограблениях банков сообщают в средствах массовой информации независимо от того, пойманы грабители или нет, так что общественность знает о совершенном преступлении. В результате коррупционной деятельности общество теряет гораздо больше денег, нежели при

ограблении банка, причем в этом случае не только грабитель остается безнаказанным, но и нередко сами жертвы не подозревают о том, что оказались ограбленными.

Как указано в отчете «Легализация (отмывание) доходов от коррупции», организация «Транспаренси Интернэшнл» публикует список стран, ранжированных в соответствии с оценкой уровня восприятия коррупции в этих странах, известный как Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index) (ИВК). Охватывая более 180 стран, Индекс восприятия коррупции основывается на опросах профессиональных кругов относительно административной и политической коррупции, в частности относительно взяточничества государственных должностных лиц, «откатов» при осуществлении государственных закупок, незаконного присвоения государственных средств и эффективности антикоррупционных мер, принимаемых в государственном секторе. Индекс восприятия коррупции направлен на исключение предвзятости восприятия, поскольку основан на различных оценках и опросах профессионального мнения независимых и уважаемых учреждений и экспертов. Помимо этого, «Транспаренси Интернэшнл» периодически публикует Индекс взяткодателей (Bribe Payers Index) – список, в котором развитые страны и секторы экономики ранжированы в соответствии с предполагаемой вероятностью того, что они (компании из этих стран и секторов) будут давать взятки (за границей). ОЭСР, ГРЕКО, Всемирный банк и многие подотчетные учреждения используют индексы «Транспаренси Интернэшнл» в своей работе, и, кроме того, на них имеются прямые ссылки во многих отчетах о взаимных оценках, проводимых ФАТФ. Вольфсбергская группа охарактеризовала «Транспаренси Интернэшнл» как пример заслуживающего доверия источника информации при определении наличия высокого уровня коррупции в стране [30].

Однако, как признают сами их сторонники, эти индексы имеют свои ограничения. Они оценивают восприятие административной и политической коррупции, а не сами преступления и не могут дать точную оценку желания и усилий, предпринимаемых правительством для борьбы с коррупцией, а также не оценивают вероятность связи отдельной деловой операции или клиента с коррупционной деятельностью. Их также нельзя использовать для сравнения прогресса в антикоррупционной сфере в годовом исчислении, и они являются недостаточно точными для избежания выводов о том, что одна страна является «более коррумпированной», нежели другая. В этой связи лучше рассматривать Индекс восприятия коррупции и другие индексы восприятия в качестве инструмента для оценки риска коррупции, который должен дополняться другими свидетельствами/доказательствами и анализом.

Другие индексы восприятия коррупции

Существует ряд других индексов восприятия, основанных на оценке восприятия более широкого спектра факторов, нежели чисто коррупция. Одним из таких индексов является «Показатели качества государственного управления в странах мира» (Worldwide Governance Indicators), которые оценивают качество государственного управления в юрисдикции. Согласно этому показателю государственное управление представляет собой «традиции и учреждения, с помощью которых в стране осуществляется власть», включая методы выбора и мониторинга правительства, его возможностей формулировать и реализовывать ясную политику и уровень уважения к определенным учреждениям в стране.

Было установлено, что качество государственного управления в юрисдикции положительно влияет на снижение риска коррупции. Правительства со слабым управлением более уязвимы в плане коррупции. И наоборот, страны с высоким качеством государственного управления способны в большей степени пресекать, выявлять и осуществлять судебное преследование коррупционных проявлений, нежели другие страны. ОЭСР определяет «зоны слабого государственного управления» как регионы, в которых «правительства не способны или не желают брать на себя ответственность. Такая «несостоятельность правительства» ведет к еще большей несостоятельности политических, экономических и гражданских структур, что, в свою очередь, создает условия для разгула насилия, преступности и коррупции и препятствует экономическому и социальному развитию». Кроме того, в контексте проблемы дачи взяток коммерческими организациями ОЭСР составила список контрольных вопросов, на которые компании должны дать себе ответ в отношении «зон со слабым государственным

управлением». Эти вопросы включают осознание потенциальных рисков, меры, которые необходимо принять при ведении дел с местными политическими деятелями, и системы управления, которые нужно иметь при осуществлении коммерческой деятельности в «зонах со слабым государственным управлением».

При оценке качества государственного управления в системе «Показателей качества государственного управления в странах мира» используются шесть показателей восприятия:

1) учет мнения населения и подотчетность государственных органов;
2) политическая стабильность и отсутствие насилия;
3) эффективность работы правительства;
4) качество законодательства;
5) верховенство закона; и
6) сдерживание коррупции.

При их совокупном использовании и присвоении баллов эти взаимосвязанные показатели могут позволить получить картину качества государственного управления в стране [30]. В данной системе предпринимаются попытки использовать возможности развитого гражданского общества [2; 3; 9; 10; 14; 16; 19; 20; 21; 25].

Многие из шести факторов, используемых в системе «Показателей качества государственного управления в странах мира», могут применяться при проведении риск-ориентированного анализа для определения риска отмывания коррупционных доходов. Например, такой показатель, как «Учет мнения населения и подотчетность государственных органов», примерно соответствует наличию или отсутствию «контроля над государством». Показатель «Контроль над государством» отмечен в отчете «Легализация (отмывание) доходов от коррупции» в качестве существенного фактора риска, указывающего на отмывание доходов от коррупции, поскольку позволяет правительственным элитам «вмешиваться и препятствовать» эффективной работе органов, занимающихся противодействием отмыванию денег и борьбой с коррупцией. Кроме того, наличие свободных средств массовой информации и право на свободу слова и собраний является мощным инструментом сдерживания и борьбы с коррупцией. Некоторые исследования показывают, что широкий доступ общественности к информации через средства массовой информации может снизить уровень коррупции. В случае американского конгрессмена Рэндалла Каннингема и перуанского деятеля Владимиро Монтесиноса именно пресса первая пролила свет на коррупционную деятельность, что обеспечило доказательства и стимулировало уголовное расследование этой деятельности.

Кроме того, наличие «эффективности работы правительства», определенной, в частности, как «качество государственных услуг, качество работы государственных служащих и степень их независимости от политического давления... и уровень доверия к проводимой правительством политике» является важным показателем для определения возможности и мотивов коррупционной деятельности в правительстве. Другой показатель – «верховенство закона», определенный, в частности, как «уверенность различных субъектов в установленных законодательных нормах, а также соблюдение ими этих норм, в частности, отношение к исполнению контрактных обязательств, уважение прав собственности и эффективность работы полиции и судов» имеет прямое отношение к определению уровня практического применения имеющегося антикоррупционного законодательства в юрисдикции. И последний показатель – «сдерживание коррупции», который непосредственно определяет восприятие коррупции, имеет отношение к любой оценке, которую подотчетное учреждение может провести в целях определения странового или географического риска [30].

Кроме того, Базельский институт государственного управления разработал Индекс риска отмывания денег (AML Risk Index), который аналогичен «Показателям качества государственного управления в странах мира» и служит для оценки уровня странового риска, связанного с отмыванием денег и финансированием терроризма. Он представляет собой комплексный индекс, определяющий общий рейтинг на основании 15 независимых индексов. При использовании данного индекса учитываются выполнение стандартов в сфере ПОД/ФТ, уровень восприятия коррупции, финансовая прозрачность, политическое финансирование, эффективность и независимость судебной системы, а также другие показатели [4; 5; 6].

Другие индексы, не основанные на восприятии

В основе индексов другого типа лежит не восприятие, а сбор информации, которая, по

мнению разработчиков этих индексов, служит полезным показателем для оценки состояния дел в подверженных коррупции сферах. Например, Антикоррупционный деловой портал (Business Anti-Corruption Portal) является универсальным практическим инструментом для оказания адресной, но ни в коем случае не единственной, поддержки предприятиям малого и среднего бизнеса, осуществляющим свою деятельность на развивающихся рынках или в развивающихся странах. Портал включает в себя ряд ресурсов, в том числе информацию о международных и региональных конвенциях и инициативах по борьбе с коррупцией.

Портал также включает характеристики (профили) 60 стран в шести регионах с подробным описанием нормативно-правовой базы, анализом деятельности по секторам экономики и риска коррупции, фактов, касающихся правовой/институциональной базы борьбы с коррупцией и ее практическим применением, государственных и частных антикоррупционных инициатив и информации о ратификации международных конвенций. В указанном разделе портала также представлен обзор случаев и видов коррупционной деятельности, с которыми могут столкнуться конкретные страны. Информация о секторах экономики приведена в количественном и качественном разрезе с использованием индексов коррупции и описанием коррупционных операций со ссылками на источники информации, описывающие эти схемы. В разделе, посвященном инструментам борьбы с коррупцией, также приведены случаи коррупционной деятельности, отчеты и информация, касающаяся антикоррупционных ресурсов в конкретных секторах, и даны другие полезные ссылки.

Источники, из которых поступает информация, имеют практический опыт работы. Проанализированные и обобщенные данные и информация, представленные для открытого доступа, основаны на исследованиях, проводимых финансовыми учреждениями, а также государственными и частными организациями. Доступ к порталу бесплатный, и им часто пользуется и на него часто ссылается ряд крупных международных организаций, включая ОЭСР, ООН, Всемирный банк, МФК и «Транспаренси Интернэшнл». Для обеспечения достоверности информации, представленной в разделе «Профили стран», данные обновляются один или два раза в год.

Помимо этого, «Индекс верховенства закона» (Rule of Law Index), разработанный организацией «World Justice Project» («Проект за мировую справедливость»), представляет анализ законодательной базы государств и ее эффективности. «Global Integrity» («Глобальная честность»), являющаяся неправительственной организацией, частично финансируемой странами и многосторонними организациями, включая ООН, разработала индекс, в рамках которого осуществляется сбор количественной и качественной информации для определения состояния органов, механизмов и практики, связанных с антикоррупционной деятельностью и надлежащим государственным управлением. Эта организация публикует общий список стран и отчетов, а также составляет список стран, наиболее подверженных риску масштабной коррупции на правительственном уровне. Для сокрытия коррупционных доходов коррумпированные государственные должностные лица используют методы отмывания денег, аналогичные тем, которыми пользуется организованная преступность. К примеру, использование наличных денег, банковских электронных переводов и/или создание офшорных компаний-оболочек и открытие трастовых счетов имело место почти во всех недавних случаях масштабной коррупции на правительственном уровне. Кроме того, при подкупе со стороны представителей бизнеса нередко используются посредники. Помимо этого, также выяснилось, что широкий спектр продуктов и услуг, предлагаемый финансовыми учреждениями, является уязвимым с точки зрения их незаконного использования политическими деятелями. К таким продуктам и услугам относятся частное банковское обслуживание состоятельных лиц, розничные банковские продукты, корреспондентские и котловые счета, операции с использованием счетов юридических лиц, не являющихся клиентами, и банковские электронные переводы. В своих руководящих указаниях в этой области Вольфсбергская группа отмечает, что доходы от коррупции «часто проводятся через схемы, обычно используемые для легализации (отмывания) денег от других видов преступлений». Примеры, приведенные в настоящем отчете, а также в предыдущем исследовании «Легализация (отмывание)

доходов от коррупции», свидетельствуют о том, что для легализации коррупционных доходов может использоваться множество способов, применяемых в целях отмывания денег от другой преступной деятельности. В частности, это включает использование корпоративных структур и трастов, подставных лиц, номинальных владельцев, членов семьи и наличных денег [30].

Список литературы

1. Алиев В.М., Третьяков И.Л. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Российский следователь. – 2002. – № 5. – С. 30-32.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
4. Борисов О.С., Кондрат Е.Н. История и сущность Базельского Комитета по банковскому надзору (Базель III) // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 114-120.
5. Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Ожидаемый эффект и особенности от внедрения Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 117-123.
6. Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Практика внедрения Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в Российской Федерации // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 122-134.
7. Волеводз А.Г. Способы «отмывания» полученных преступным путем денежных средств, связанные с их переводом за границу, и банковские документы как источники сведений об этом // Банковское право. – 1999. – № 4. – С. 69-79.
8. Волеводз А.Г. Финансовые механизмы легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, связанные с их переводом за границу // Банковское право. – 2012. – № 3. – С. 64-77.
9. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
10. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
11. Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.
12. Зуева А.С. Легализация доходов, полученных незаконным путем, на рынке ценных бумаг // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 94-106.
13. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
14. Костыря Е.А. Развитие партнерских отношений полиции и институтов гражданского общества в сфере обеспечения криминологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 97-103.
15. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
16. Кузнецова А.П. Принцип правовой защищенности как важное условие развития гражданского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 62-66.
17. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
18. Пивцаев Е.И. Правовые риски при инвестировании в строительство таунхаусов // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 70-74.
19. Рогожевский Е.И. Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 41-43.
20. Романовская Л.Р. Актуальные проблемы развития концепции гражданского общества в России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 99-102
21. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
22. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом

измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
23. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
24. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17.
25. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
26. Третьяков И.Л. Легализация «грязных денег» в России и меры борьбы с ней // Закон и право. – 2004. – № 7. – С. 16-17.
27. Третьяков И.Л. О законодательном регулировании вопросов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Законодательство и экономика. – 2004. – № 4. – С. 62-64.
28. Третьяков И.Л. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
29. Управление риском в рыночной экономике / В.Н. Вяткин, В.А. Гамза, Ю.Ю. Екатеринославский, Дж. Хэмптон. – М., 2002.
30. ФАТФ (2012). Конкретные факторы риска, связанные с легализацией (отмыванием) доходов от коррупции.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: Akademuprbos@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Аннотация. *Приводится комментарий к Федеральному закону «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Рассматривается история создания и развития внутренних войск Министерства внутренних дел России, наследницей которых является национальная гвардия. Перечисляются основные задачи, которые выполняют войска национальной гвардии, анализируются вопросы дальнейшего оформления новой силовой структуры.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; внутренние войска МВД России; задачи войск национальной гвардии Российской Федерации.*

SAL'NIKOV V.P.
KONDRAT E.N.
BORISOV O.S.

THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION – THE BEGINNING OF A LONG JOURNEY

The summary. *The comment to the Federal law «About armies of national guards of the Russian Federation» is led. The history of creation and development of internal armies of the Ministry of Internal Affairs of Russia which successor are the national guards is considered. The primary goals which carry out armies of national guards are listed, questions of the further registration of new power structure are analyzed.*

Key words: *armies of national guards; the Federal law from July, 3rd, 2016 № 226-FZ «About armies of national guards of the Russian Federation»; internal armies of the Ministry of Internal Affairs of Russia; problems of armies of national guards of the Russian Federation.*

Современная национальной гвардия России является наследницей внутренних войск МВД РФ, которые имеют большую и славную историю. Современные внутренние войска Министерства внутренних дел России ведут свою историю от 27 марта (8 апреля – по новому стилю) 1811 г., когда указом императора Александра I были сформированы воинские батальоны внутренней стражи, отвечавшие за «охранение тишины и спокойствия в государстве». В частности, они занимались поимкой и конвоированием преступников, охраной порядка на ярмарках и т.д. [3].

После Октябрьской революции, приказом Народного комиссариата внутренних дел в 1918 г. конвойная стража была реорганизована, а годом позже принято решение об объединении всех войск вспомогательного назначения и создании войск внутренней охраны (ВОХР) РСФСР. Впоследствии внутренние войска неоднократно реорганизовывались, сохраняя подчинение ведомству внутренних дел [2; 4].

В годы Великой Отечественной войны внутренние войска героически воевали на всех фронтах, повсеместно демонстрируя мужество и отвагу [5; 6; 7; 8; 9].

После Великой Отечественной войны внутренним войскам было дополнительно поручено охранять научно-исследовательские учреждения, предприятия атомной промышленности и ракетостроения. Внутренние войска продолжали выполнять задачи по охране общественного порядка, важных государственных объектов, исправительно-трудовых учреждений, по конвоированию осужденных, защите населения от природных и техногенных катастроф. Они участвовали в ликвидации последствий аварий на химкомбинате «Маяк» (29 сентября 1957 г.) и Чернобыльской АЭС (26 апреля 1986 г.), в числе первых были переброшены в разрушенный землетрясением армянский г. Спитак (1988 г). С 1994 г. военнослужащие внутренних войск РФ участвовали в восстановлении конституционного порядка и были задействованы в контртеррористических операциях в Северо-Кавказском регионе.

В середине 1990-х гг. с внутренних войск была снята задача по охране и конвоированию осужденных, существенно расширились права войсковых нарядов по охране общественного порядка.

Во второй половине 2000-х гг. начался переход на комплектование подразделений и частей военнослужащими по контракту.

В настоящее время внутренние войска входят в систему министерства внутренних дел России и предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина. Их задачи – охрана общественного порядка, важных государственных объектов и специальных грузов, борьба с терроризмом.

Девиз внутренних войск – «Победишь себя – будешь непобедим!».

День внутренних войск МВД России – профессиональный праздник военнослужащих и гражданского персонала внутренних войск – отмечается ежегодно 27 марта, установлен Указом Президента РФ от 19 марта 1996 г.

Национальная гвардия РФ представляет собой орган исполнительной власти, сформированный на базе внутренних войск МВД РФ. Национальная гвардия призвана обеспечивать надлежащий уровень государственной и общественной безопасности, стоять на страже правопорядка, законности и конституционного строя. Президентский Указ № 157, в котором

содержалось постановление о формировании войск Национальной гвардии РФ, вступил в силу 5 апреля 2016 года.

В России национальная гвардия как таковая никогда не существовала. Первое упоминание о возможности её образования возникло в 2002 году. Тогда было сказано, что национальная гвардия должна стать правопреемницей внутренних войск МВД. А в 2012 году в печати появилась информация, что в Минобороны уже началось обсуждение концепции создания национальной гвардии и планируется, что в её состав будут входить войска МВД, ВДВ, ВВС, ВМФ и МЧС.

В 2014 году предложение относительно образования Нацгвардии РФ появилась на интернет-портале – Российской общественной инициативы. В опросе принимали участие все желающие граждане РФ, и результат был многоговорящим – большинство поддержало предложение.

Мнение народа и государства совпало, тем более что, по словам Президента РФ, реформирование внутренних войск МВД РФ обсуждалось уже давно. Результатом подобной работы стало принятие Президентского Указа от 05.04.2016, согласно которому в России создавалась новая государственная силовая структура из состава внутренних войск МВД. Данный правовой акт содержит основные положения относительно формирования, структуры и полномочий Национальной гвардии РФ.

Подобное решение было целесообразно и вполне закономерно, ведь аналогичные войсковые образования имеются во многих странах, среди которых США, Латвия, Испания, Украина, Грузия и др. Появление национальной гвардии в России было вопросом времени. Кроме того, принципиальным значением обладает тот факт, что гвардия пребывает в непосредственном подчинении у Президента страны, а не у главы МВД, как прочие подразделения внутренних войск.

Интересным является тот факт, что в нашем государстве уже предпринималась попытка образования Национальной гвардии. В нелёгком для страны 1991 году, Б. Ельциным на августовской сессии Верховного Совета была выдвинута инициатива создания Российской гвардии с целью обеспечения защиты конституционного строя и предоставления обществу гарантий законности и правопорядка. Для разработки концепции будущей структуры была сформирована комиссия из народных депутатов, представителей силовых структур и государственных комитетов под руководством вице-президента А. Руцкого.

Разработчики делали упор на параллельное существование нового вида войск с ВС СССР, правоохранительными структурами СССР и РСФСР и другими органами государственной власти. Работа над проектом длилась 2 месяца, после чего комиссия представила Б. Ельцину общую структуру будущей гвардии, которая включала в себя организационные основы, места дислокации, состав штаба управления, спецотделов, бригад и проч. Планировалось, что формирование войск будет осуществляться из оперативных частей внутренних войск МВД РСФСР.

В Верховном Совете представленные разработки были одобрены большинством присутствующих. Однако до официального утверждения дело так и не дошло. Напряжённая ситуация в стране и противостояние оппозиции отодвинули на задний план проект по созданию национальной гвардии. Тем более что очень быстро внимание государственных деятелей переключилось на новую структуру – МЧС.

Как бы там ни было, всему своё время. Тогда создание подобных войск было преждевременно и нецелесообразно ввиду нестабильной обстановки внутри страны. Теперь время для организации новой силы, которая будет стоять на страже правопорядка и справедливости, настало. Теперь у России есть своя национальная гвардия.

Законом предусматривается определить задачи войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – войска национальной гвардии), их состав, принципы деятельности и полномочия, урегулировать вопросы, связанные с руководством и управлением ими, комплектованием личным составом, обеспечением социальной защиты военнослужащих войск национальной гвардии, а также с финансовым и материально-техническим обеспечением войск национальной гвардии.

Согласно закону на войска национальной гвардии возлагается выполнение следующих задач:

1) участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения;
2) участие в борьбе с терроризмом и в

обеспечении правового режима контртеррористической операции;
3) участие в борьбе с экстремизмом;
4) участие в территориальной обороне Российской Федерации;
5) охрана важных государственных объектов и специальных грузов в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации;
6) оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации.

Войска национальной гвардии осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия и централизации управления.

Войска национальной гвардии состоят из органов управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций.

Руководство войсками национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации. Управление войсками национальной гвардии осуществляет руководитель федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере деятельности войск национальной гвардии, являющийся командующим войсками национальной гвардии.

Законом предусматривается, что войска национальной гвардии в целях выполнения возложенных на них задач осуществляют:
1) общие полномочия;
2) специальные полномочия (меры принуждения): задержание; вхождение (проникновение) в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории; оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и других объектов;
3) полномочия по обеспечению режима чрезвычайного положения, правового режима контртеррористической операции и полномочия, связанные с участием в контртеррористической операции.

Комплектование войск национальной гвардии будет осуществляться военнослужащими, проходящими военную службу по контракту и по призыву, а также гражданским персоналом.

Законом также предусматриваются основания применения военнослужащими войск национальной гвардии физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Закон о войсках национальной гвардии принят Государственной Думой 22 июня 2016 года. Одобрен Советом Федерации 29 июня 2016 года. Подписан Президентом РФ и вступил в силу 03.07.2016 года [1].

В настоящее время идет большая работа по оформлению новой силовой структуры.

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации генерал армии Виктор Золотов утвердил план основных мероприятий по формированию Федеральной службы.

Среди первоочередных задач он определил разработку и издание совместного приказа Федеральной службы войск национальной гвардии и Министерства внутренних дел о создании межведомственной рабочей группы по разграничению полномочий, приему-передаче подразделений и органов, вошедших в состав национальной гвардии.

Эта работа будет проводиться на двух уровнях – федеральном и региональном. На первом уровне будут задействованы Федеральная служба войск национальной гвардии РФ, МВД России, другие заинтересованные федеральные органы исполнительной власти; на втором – региональные командования войск и территориальные органы МВД России в федеральных округах (субъектах Российской Федерации).

Результатом работы станет определение состава группировок сил и средств в федеральных округах, что позволит в дальнейшем подготовить предложения по их организационно-штатной структуре, дислокации, построению системы управления и совместному применению.

После утверждения Президентом Российской Федерации структуры, состава и дислокации войск национальной гвардии будет развернута работа по уточнению основных планирующих документов: концепции строительства и развития, плана служебно-боевого применения войск и концепции развития системы управления войсками национальной гвардии Российской Федерации.

Принципиально новым документом, подлежащим разработке, будет Государственная программа «Национальная гвардия Российской Федерации».

Кроме этого необходимо подготовить предложения по внесению изменений в указы Президента Российской Федерации, регламентирующие порядок руководства, взаимодействия, выполнения совместных задач в составе Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона России.

Для выполнения масштабных задач по формированию ФСВНГ сформировано пять рабочих групп. Группу «Охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, строительство и развитие, планирование применения войск» возглавил генерал-лейтенант Владимир Подрезов, группу «Организационно-штатные мероприятия и кадровое обеспечение» – генерал-лейтенант Евгений Фуженко, группу «Нормативное правовое обеспечение» – генерал-майор Сергей Бабайцев, группу «Ресурсное обеспечение» – генерал-лейтенант Сергей Ерыгин, а группу «Финансовое обеспечение» – генерал-лейтенант Вячеслав Варчук.

Координация работы органов внутренних дел МВД России, которые в соответствии с Указом Президента РФ, наряду с внутренними войсками вошли в состав ФСВНГ, возложена на начальника Главного управления вневедомственной охраны генерал-лейтенанта полиции Сергея Лебедева.

Список литературы

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159
2. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922-1941 гг. Документы и материалы. – М., 1977.
3. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
4. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
5. Органы внутренних дел и внутренние войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Матер. межвуз. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 г. – СПб., 2010.
6. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Глав. ред. А.Г. Горлов. – М., 1996.
7. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны / Составитель и редактор И.Д. Ходанович. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 116 с.
8. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
9. Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД на страже безопасности тыла Северо-Кавказского региона в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 440-473. – (Серия: «МВД России 200 лет).

ДАШИН Алексей Викторович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Самара, Россия)
E-mail: avdashin@mail.ru

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ОБЫЧАЙ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. *Рассматривается роль обычая в современном гражданском праве Российской Федерации. Отмечается, что понятие обычая стало активно использоваться в отечественном гражданском законодательстве как никогда ранее, и обращение к обычаю в тексте законов перестало быть чем-то исключительным. Анализируются коллизии диспозитивных норм права и обычаев, обосновывается положение о том, что приоритет первой над вторым в этой паре противоречит самой природе и целям диспозитивного регулирования*

Ключевые слова: *обычай; право; гражданское законодательство; диспозитивные нормы права; Гражданский кодекс Российской Федерации.*

DASHIN A.V.
BRYLEVA E.A.
SAL'NIKOV S.P.

THE CUSTOM AND THE MODERN RUSSIAN CIVIL LEGISLATION

The summary. *The custom role in modern civil law of the Russian Federation is considered. It is noticed, that the concept of custom began to be used actively in the domestic civil legislation as never earlier, and the reference to custom in the text of laws has ceased to be something exclusive. Collisions dispositive norms of the right and customs are analyzed, position that the priority of the first over the second in this pair contradicts the nature and the purposes dispositive regulations is proved.*

Key words: *custom; the right; the civil legislation; dispositive norms of the right; Civil code of the Russian Federation.*

Изменение взглядов на роль обычая в праве происходит в момент слома прежнего экономического строя общества, изменения отношений собственности. Программа перехода от

централизованных методов управления к децентрализации, от планового хозяйства к рынку, ухода от прямого вмешательства государства в экономику, в гражданском праве выражается в сокращении публично-правовых элементов, императивных способов воздействия на имущественные отношения.

Соответственно возрастает роль диспозитивных способов регулирования, не исходящих непосредственно от публичной власти. Вообще интерес к таким институтам, как самозащита, меры негосударственного регулирования, обычаи и обыкновения в гражданском праве, альтернативные способы разрешения споров в гражданском процессе, характерен для либеральной идеологии.

«Несомненно, что ниша в правовом регулировании, оставленная для обычаев делового оборота, является признанием роли децентрализованных мер правового регулирования рынка в целом и свободно складывающихся на нем договорных связей», – подчеркивал М. И. Брагинский [24].

Понятие обычая стало активно использоваться в отечественном гражданском законодательстве, как никогда ранее. В Гражданском кодексе содержится 46 упоминаний обычая делового оборота. В первой части ГК РФ [1] помимо легального определения, данного в ст. 5, и ст. 6, определяющей очередность его применения, основное количество ссылок на обычай, приходится на подраздел II раздела III, содержащий общие положения обязательственного права – всего 13. Речь идет о:

- ст. 309, устанавливающей общие принципы надлежащего исполнения обязательств;
- ст. 311, предусматривающей возможность исполнения обязательства по частям;
- ст. 312. (исполнение обязательства надлежащему лицу);
- ст. 314 (о сроке исполнения обязательства);
- ст. 315 (о досрочном исполнении обязательства);
- ст. 316 (место исполнения обязательства);
- ст. 406 (о признании кредитора просрочившим исполнение обязательства);
- ст. 421 (общие положения о свободе договора, устанавливающую соотношение обычных норм и условий договора);
- ст. 427 (примерные условия договора);
- ст. 431 (отсылка к обычаи при толковании договора);
- ст. 438 (возможность акцепта путем молчания);
- ст. 451 (изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств);
- ст. 452 (порядок изменения и расторжения договора).

. Во второй части ГК РФ их 19; большая их часть, а именно 6, – в гл. 30 (купля-продажа):

- ст.459 (о переходе риска случайной гибели товара, проданного во время его нахождения в пути);
- ст. 474 (о проверке качества товара);
- ст. 478 (определение комплектности товара);
- ст. 508, устанавливающая периоды поставки товаров;
- ст. 510 (о выборе вида транспорта для доставки товаров);
- ст. 513 (определение срока осмотра товара, принятого в соответствии с обычаем делового оборота).

Далее по степени убывания:

4 – в гл. 46 (расчеты):

- ст. 862 (о формах безналичных расчетов);
- ст. 863 (общие положения о расчетах платежными поручениями);
- ст. 867 (общие положения о расчетах по аккредитиву);
- ст. 874 (общие положения о расчетах по инкассо).

по 2 ссылки – в гл. 37 (подряд):

- ст. 722 (о гарантии качества работы);
- ст. 724 (сроки обнаружения ненадлежащего качества результата работы).

и гл. 51 (комиссия):

- ст. 992 (исполнение комиссионного поручения);
- ст. 998 (об ответственности комиссионера за утрату, недостачу или повреждение имущества комитента).

и по одной – в гл. 44 (банковский вклад):

- ст. 836 (о форме договора банковского вклада по обычаям делового оборота, применяемым в банковской практике).

гл. 45 (банковский счет):

- ст. 848 (операции по счету, выполняемые банком).

гл. 47 (хранение)

- ст. 891 (об обязанности хранить вещи

в соответствии с обычаями делового оборота).

гл. 50 (действия в чужом интересе без поручения)

- ст. 985 (вознаграждение за действия в чужом интересе).

и гл. 52 (агентирование)

- ст. 1006 (выплата агентского вознаграждения).

В третьей части есть только две ссылки – в ст. 1186 и в ст. 1211.

Многочисленные случаи упоминания обычая встречаются в Кодексе торгового мореплавания РФ (далее – КТМ) 1999 г. [2]. Так, ст. 129 устанавливает, что день и час подачи уведомления о готовности судна к погрузке груза определяются соглашением сторон, а при отсутствии соглашения – обычаями порта погрузки. Ст. 138 устанавливает право перевозчика перевозить груз на палубе только в соответствии с соглашением, законом либо обычаем делового оборота.

Пункт 2 ст. 285 определяет, что в случаях, «если это предусмотрено соглашением сторон, а также в случаях неполноты подлежащего применению закона при определении рода аварии, определении размеров общеаварийных убытков и их распределении применяются Йорк-Антверпенские правила об общей аварии и другие международные обычаи торгового мореплавания».

Ст. 297 КТМ говорит об обычаях торгового мореплавания, применяемых при отнесении убытков к частной аварии. Определение применимого права к отношениям с иностранным элементом возможно, согласно ст. 414 КТМ, в том числе и в соответствии с признаваемыми в РФ обычаями торгового мореплавания.

Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» при определении недобросовестной конкуренции, данной в ст. 4, понимает под недобросовестной конкуренцией «любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат положениям действующего законодательства, обычаям делового оборота...» [10]. Закон РФ «О рекламе» упоминает правила и обычаи рекламной практики (ст. 28) (см. также п. 1, 3 ст. 49 Закона РФ «О защите прав потребителей» [7; 9]). Нередки ссылки на обычай в подзаконных нормативных актах [8].

Представление о нормальном, стандартном не всегда обозначается термином «обычай». Семантическое разнообразие, свойственное всякому живому языку, проявляется в обилии синонимов и близких по значению слов, подобных термину «обычное». Как уже отмечалось, категория «обычного» широко употреблялась еще в первых отечественных кодификациях – ГК РСФСР 1922 и 1964 г. [5; 6]. Наиболее характерный тому пример – ст. 168 ГК РСФСР 1964 г., содержащая общие положения об исполнении обязательств в соответствии с «обычно предъявляемыми требованиями» [11; 12; 13].

В ГК РСФСР 1922 г. ответственность продавца за недостатки проданного товара наступала в случае его непригодности к «обычному или предусмотренному договором употреблению» (ст. 195). Скрытыми недостатками при купле-продаже (ст. 196 ГК) и подряде (ст. 228 ГК) признавались такие, которые нельзя было усмотреть при «обыкновенном способе принятия вещей (работ)» [6, ст. 7].

Согласно ст. 245 ГК РСФСР 1922 г., качество проданной вещи должно соответствовать условиям договора, а при отсутствии указаний в договоре – «обычно предъявляемым требованиям». Ссылки на «обычное» встречались в ст. 263 (сроки предъявления претензий в связи с недостатками поставленной продукции); ст. 361 (обязанность заказчика принять работу, выполненную подрядчиком); ст. 365 (давность по искам об ответственности подрядчика); ст. 533 (наследование предметов домашней обстановки и обихода) [6, ст. 904].

ГК РФ 1994 г. обращается к понятию «обычное» еще чаще, чем его предшественники (Статьи 15,184, 309, 358, 424, 428, 468, 469, 470, 474, 478, 481, 484, 485, 495, 519, 524, 575, 614, 635, 713, 720, 721, 796, 852, 853, 887, 889, 898, 910, 919, 992,1086) [4]. Так, в ст. 15 упущенная выгода определяется как неполученные доходы, которые были бы получены при обычных условиях гражданского оборота. Статья 428 наделяет присоединившуюся сторону правом требовать расторжения или изменения договора присоединения, если последний хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида. Об обычно предъявляемых требованиях говорится в ст. 478, 484, 495, 519,

721, 992 и др. На обычно устанавливаемую цену ссылаются ст. 358, 424, 524, 919. Обычные сроки упоминаются в ст. 889, 853, 614.

Иногда Кодекс применяет понятие «обычное использование» [45, стр. 337]. Например, покупателю должен быть передан товар, «пригодный для целей, для которых товар такого рода обычно используется» (п. 2 ст. 469). Подрядчик вправе потребовать оплаты выполненной им работы, если результат подрядных работ не был достигнут либо достигнутый результат имеет недостатки, которые делают его непригодным для предусмотренного в договоре подряда использования, а при отсутствии в договоре соответствующего условия – непригодным для обычного использования, по причинам, вызванным недостатками предоставленного заказчиком материала (п. 2 ст. 713).

В ряде случаев в тексте ГК РФ используется понятие «практика». Наиболее часто встречается упоминание банковской практики (см. например, ст. 848,853, 862 ГК РФ.).

Привести в систему все случаи указания на «обычное» в законе, выделить в нем место обычаю чрезвычайно трудно. Нельзя сказать, что законодатель бездумно использует сходные термины, не заботясь об их соотношении.

Иногда «обычное» охватывает случаи обычаев делового оборота, выступая для последних родовым понятием. «Обычное» не является синонимом «обычая» хотя бы потому, что в отличие от последнего «обычное» более размыто, недостаточно структурировано и устойчиво, вследствие чего фактически создается заново при применении отсылающей к «обычному» норме [24, стр. 69]. Так происходит в ст. 309 ГК РФ, по которой обязательства должны исполняться в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями, при отсутствии условий обязательства и требований закона. Однако чаще всего бывает трудно определить, идет ли речь о правовой норме или же о правилах неправового характера. Хотел ли законодатель санкционировать обычно-правовую норму или он был вынужден учитывать тот внеправовой контекст, который всегда окружает текст закона. Неопределенность остается даже тогда, когда за «обычным» скрываются, казалось бы, нормы явно технического характера (п. 2 ст. 635).

Обращение к обычаю в тексте закона перестало быть чем-то исключительным. Количество ссылок на обычно-правовые нормы увеличилось на порядок в сравнении с ранее действовавшим законодательством. Казалось бы, это означает, что обычай получил вторую жизнь. Однако если обратить внимание не на число упоминаний, а на действительное место, которое отводится законом обычаю в системе прочих регуляторов имущественных отношений, то очевидно, что оно продолжает оставаться весьма скромным.

В ст. 6 ГК РФ, определяющей общую очередность регулирования гражданских отношений, обычай следует за законодательством и соглашением сторон, предшествуя только аналогии закона и права. «Место обычая в иерархии правовых регуляторов остается последним» [24, стр. 65].

При этом круг отношений, подпадающих под регулирование обычаем, ограничен и не выходит за пределы предпринимательской деятельности, как явствует из ст. 5 ГК РФ. Исключением стало лишь упоминание национального обычая, к которому можно обращаться при определении имени гражданина (ст. 19) (см. также ст. 58 Семейного кодекса Российской Федерации [3]) и местный обычай (ст. 221), допускающий обращение в собственность общедоступных для сбора вещей, – единственный случай такого рода во всем втором разделе ГК РФ.

Из всех возможных вариантов соотношения закона и обычая отечественный законодатель сделал выбор в пользу закона. Все споры по поводу способности обычая отменять действие императивных норм закона пресечены в п. 2 ст. 5 ГК РФ, прямо запрещающем применение обычаев, противоречащих обязательным положениям гражданского права.

С той же решительностью, на первый взгляд, вслед императивным правилам законодатель отдает предпочтение нормам диспозитивным. «Если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, соответствующие условия определяются обычаями делового оборота, применимыми к отношениям сторон» (п. 5 ст. 421 ГК РФ). Однако категоричность этого положения сопровождается массой оговорок и исключений, которые трудно назвать последовательными. Такие исключения, в конце концов, заставляют сомневаться в самом правиле. «Довольно сложная проблема возникает в связи

с соотношением обычаев делового оборота с нормами закона. Этот вопрос в Кодексе решен не самым удачным образом» [41, стр. 85], – признает А.Л. Маковский, имея в виду именно диспозитивные нормы.

При анализе ГК РФ обращает на себя внимание преобладание в нем норм, в которых необязательные для сторон правила следуют за обычаем [45, стр. 339]. На первый взгляд, это обстоятельство не противоречит общему правилу, закрепленному в ст. 421 ГК РФ, – «обычай позади диспозитивной нормы». Такое преобладание можно объяснить соображениями законодательной экономии. Действительно, необходимость особо оговаривать применение обычая в специальной норме возникает тогда, когда она изменяет общий порядок, который во всех остальных случаях не нуждается в повторении и действует по умолчанию. Исключения подтверждали бы правило, если бы не их число.

В 13 случаях из 19 упоминание обычаев делового оборота в диспозитивных нормах ГК РФ коллизия между ними решается в пользу обычая. Наиболее яркий пример тому – ст. 311, указывающая на право должника при исполнении обязательства потребовать доказательств того, что исполнение принимается надлежащим лицом, «если иное не предусмотрено соглашением сторон и не вытекает из обычаев делового оборота или существа обязательства».

Подобным образом схема «обычай впереди нормы» повторяется в ст. 314-316, 438, 452, 459, 508, 510, 724, 1006. Лишь в ст. 998 она излагается не вполне традиционно. В ней говорится, что комиссионер, не застраховавший находящееся у него имущество комитента, отвечает за это лишь в случаях, когда комитент предписал ему застраховать имущество за счет комитента либо страхование этого имущества комиссионером предусмотрено договором комиссии или обычаями делового оборота. Однако эту норму без труда можно представить в более привычном виде: комиссионер не обязан страховать находящееся у него имущество комитента, если иное не предписывалось ему комитентом либо не было предусмотрено договором или обычаями делового оборота.

Таким образом, структура приведенных норм устроена по следующему образцу: сначала предлагается собственный вариант, который носит условный характер и действует, если иное не предусмотрено другими регуляторами (законом, договором, обычаем делового оборота). Перечень таких регуляторов, как правило, следует за содержанием диспозитивного правила. Всегда ли нужно указывать обычай в таком перечне, можно ли его применять, если он не упоминается при перечислении «иного»? М. И. Брагинский отрицает такую возможность. «В указанном случае ст. 421 ГК уже не действует. А поскольку «иное» должно представлять собой исключительную норму, в ГК необходимо исчерпывающим образом определить, где именно может быть предусмотрено «иное»: в договоре, в законе, в другом правовом или ином нормативном акте» [24, стр. 75].

Однако последовательное проведение правила «чего нет в законе, того нет в жизни» на практике сталкивается с определенными трудностями. Как известно, ст. 395 ГК РФ является диспозитивной, ее правила применяются, если иное не установлено законом или договором. Если относиться к перечню «иного» как к исчерпывающему, то следует признать, что при определении размера процентов всякие ссылки сторон на обычай не должны приниматься судом. Но позволительно ли в создавшейся ситуации не обращать никакого внимания на сложившуюся банковскую практику? Отрицательный ответ дается в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами». В п. 2 указывается, что при расчете подлежащих уплате годовых процентов помимо соглашения сторон и «обязательных для сторон правил» допускается применение обычаев делового оборота [14].

Столь широкое толкование смысла ст. 395 ГК РФ, допущенное высшими судебными инстанциями, ставит под сомнение исключительность и замкнутый характер перечня диспозитивных норм, в которых нарушается общий порядок п. 5 ст. 421 ГК.

Если же говорить об остальных нормах, касающихся обычая, то они носят, как правило, отсылочный характер [45, стр. 342]. Не формулируя правило поведения, они лишь указывают, что искать его следует либо только в обычаях (ст. 474, 478), либо еще и в законе, иных правовых актах и договоре (ст. 513, 722), либо в законе, установленных в соответствии с ним банковских

правилах и применяемых в банковской практике обычаях делового оборота, «если договором банковского счета не предусмотрено иное» (ст. 848).

Своеобразно содержание ст. 836, в которой обычай делового оборота и вариант, предлагаемый самой этой нормой, применяются не в очередности, но альтернативно. В соответствии с этой статьей договор банковского вклада может оформляться либо сберегательной книжкой, сберегательным или депозитным сертификатом, «либо иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота».

Принцип «обычай перед нормой», отражая непоследовательность законодателя, проявляется, помимо прочего, еще и в п. 2 ст. 5 ГК РФ, запрещающем применение обычаев делового оборота, которые противоречат обязательным для участников, то есть императивным положениям законодательства. Из чего следует, что применение обычаев, вступающих в конфликт с необязательными, диспозитивными нормами вполне допустимо, оно прямо вытекает из смысла легального определения. Налицо коллизия между двумя нормами общего характера – ст. 5 и 421 ГК РФ, закрепляющими два принципиально различных подхода к иерархии норм гражданского права.

И все же, несмотря на очевидные противоречия и непоследовательность, в Кодексе прослеживается ясно выраженная тенденция считать обычай последним, запасным способом регулирования ограниченного круга обязательственных отношений.

В отношении подчиненности обычая императивным нормам выбранная законодателем позиция вполне понятна и логически последовательна. Допуская возможность самим субъектам права ломать своим поведением обязательное правило, мы тем самым лишаем его обязательности.

Приоритет договора перед обычаем оправдан не только с формально-догматических, но даже и с социологических позиций. Если согласиться с тем, что наиболее частым случаем формирования обычая является совершение ряда сделок, однотипные условия которых и образуют, в конечном счете, новый стандарт поведения, то мы должны признать, что точно таким же способом эти стандарты могут изменяться. То, что создано действиями участников оборота, этими же действиями может быть и отменено. Иное противоречило бы природе обычной нормы.

Следуя этому, законодатель все в той же ст. 421 ГК РФ устанавливает общий порядок взаимоотношений договорных условий и обычая делового оборота. Из п. 4 этой статьи следует, что свобода усмотрения сторон в договоре ограничивается лишь законом или иными правовыми актами, но не обычаем. Тем самым законодатель исключил возможность так называемых императивных обычаев, преобладающих над волеизъявлением сторон.

Но если мы выйдем за рамки договорного права, то вполне сможем представить существование обычаев, которые носят обязательный, ограничивающий волю субъектов характер. Примеры такого рода довольно часто встречаются в зарубежном праве. Например: «Узуфруктарий заменяет деревья, которые были уничтожены, сообразуясь с обычаями данной местности и принятым поведением собственников...» – ч. 2 ст. 1139 ГК Квебека.

Наиболее слабое место в структуре регуляторов, в том виде, в каком он представлен в ст. 421 ГК РФ, – соотношение диспозитивной нормы и обычая. Следует заметить, что приоритет первой над вторым в этой паре противоречит самой природе и целям диспозитивного регулирования. Как известно, содержание диспозитивной нормы представляет своеобразную презумпцию того, что именно так обычно поступают на практике, именно это правило наиболее разумно и оптимально, что выбранная в диспозитивной норме модель Поведения отвечает ожиданиям всякого разумного и добросовестного участника гражданского оборота. «Судебные органы имеют полное основание исходить из предположения: диспозитивная норма содержит оптимальный вариант» [24, стр. 90].

Было бы излишним напоминать, что все названные условия действенности, эффективности диспозитивной нормы, а именно ее «разумность», «оптимальность» носят конвенциональный характер, непостоянны. Представления о нормальном в обществе подвержены изменениям, и законодательная процедура – не самое удобное средство для их отражения. Диспозитивная норма не может быть выше практики, частным случаем

непосредственного выражения которой является обычай. Как всякое предположение, диспозитивная модель может быть проверена на соответствие действительности и опровергнута при помощи обычной нормы.

Дискуссия о соотношении обычая и диспозитивной нормы длится давно. Особую остроту она получила при подготовке такого авторитетного международного договора, как Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи (Венская конвенция 1980 г.) [15]. В предложенном ЮНСИТРАЛ проекте Конвенции устанавливалось, что при отсутствии договоренности об ином «считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли». Из чего вытекает, что обычай применяется прежде положений самой Конвенции, которая в целом, за редким исключением, носит диспозитивный характер.

В ходе обсуждения предложенного варианта Чехословакия потребовала дополнить его словами: «если данный обычай не противоречит настоящей Конвенции». Однако мексиканские делегаты настояли на сохранении первоначальной редакции, считая, что если обычай отвечает нуждам сторон наилучшим образом, нежели положения Конвенции, то ничто не мешает отдать ему предпочтение [51, p. 643].

Позиция Чехословакии, поддержанная в том числе и СССР, объяснялась в то время скорее идеологическими, политическими, нежели правовыми соображениями, а именно тем, что торговые обычаи «создаются ограниченной группой стран... чья позиция еще не выражает общепринятого в мире мнения» [51, p. 640]. Настороженность, с которой было встречено социалистическими странами обращение к обычаю, в западной литературе связывалась еще и с сильными позициями, которые в праве этих стран занимал юридический позитивизм. «С еще большим подозрением смотрели на обычаи страны Восточной Европы, потому что там привыкли все иметь у себя в документах. Нет ничего более неприятного для чиновника, чем мысль, что какой-нибудь англичанин или ганец может в один прекрасный момент прийти и заявить, что есть такой обычай, о котором ничего не пишется в его бумагах» [51, p. 636].

В конце концов, возобладала исходная позиция, и первенство обычая над диспозитивной нормой было закреплено в ст. 9, которая, как и прочие положения Конвенции, с 1990 г. является составной частью правовой системы Российской Федерации и пользуется преимущественной силой перед нормами внутреннего законодательства, в том числе и ст. 421 ГК РФ.

Незадолго до принятия Гражданского кодекса РФ, оценивая действовавшие нормы Основ гражданского законодательства 1991 г., М.Г. Розенберг предложил исходить из приоритета обычая делового оборота над диспозитивной нормой закона [46, стр. 32]. Однако отечественный законодатель, вопреки существующей международной практике, но в полном соответствии с предшествующей традицией, избрал противоположный вариант.

Анализ текста нормативных актов опровергает взгляд на закон как на своего рода указатель, в котором должны быть предусмотрены все случаи обращения к обычному правилу. Выясняется при этом, что ни по структуре, ни по содержанию нормативные акты не могут служить надежным руководством для применения обычая. Во всяком случае, осуществимость такой программы вызывает серьезные сомнения.

С точки зрения юридической техники, гораздо экономнее и проще было бы определить круг отношений, подпадающих под регулирование обычая, не через перечисление случаев, когда он применяется, а посредством определения того, когда обычай применяться не может. Следовательно, если и возможно очертить пределы действия обычно-правовых норм в законе, то происходить это должно с помощью императивных правил закона, то есть не прямо, но косвенно, негативным образом.

В современном российском законодательстве имеют место оба варианта:

- с одной стороны, ст. 5, 421 ГК РФ очерчивают круг отношений, допускающих применение обычая, только сферой предпринимательской деятельности. Специальный характер обычного правила в этом случае отражен в самом названии – обычай делового оборота. Если законодатель пытается тем самым раз и навсегда определить место обычая, то он бьет мимо цели. Во-первых, ввиду неопределенности того, что можно считать предпринимательскими

отношениями, во-вторых, потому что обычай делового оборота – не единственный, – как мы видим, вид обычной нормы, упоминаемый в законе. Определив в данном случае допустимые рамки, законодатель сам же их и нарушает;

- с другой стороны, та же ст. 5 ГК РФ содержит общий запрет обычаев, противоречащих обязательным положениям законодательства. Использование императивных норм как ограничителей обычного права свидетельствует о том, насколько далеко может зайти законодатель в своем стремлении сузить сферу действия обычая.

История сосуществования обычая и закона показывает, что «запретительные» возможности государства далеко не безграничны. Отказаться от обычая можно только путем пресечения свободы, инициативы участников гражданских правоотношений. На практике этого не удавалось добиться даже самым репрессивным режимам, в теории это приводит к отрицанию самой возможности существования гражданского права. «Развитие права России вряд ли должно идти по пути официально-силового исключения из системы источников обычаев. Видимо, вскоре следует ожидать появления новых рыночных обычаев, которые будут регулировать отношения до и вместе с юридическими нормами» [47, стр. 43].

Скептическое отношение к способности закона целиком определять судьбу обычая, на которой основывается позитивистская теория обычного права, выражено Б. А. Кистяковским: «... Придается серьезное значение вопросу о том, допускает ли или не допускает та или иная законодательная система обычай в качестве источника права. Далее, верят в возможность установить границы действия обычного права законодательным путем. Наконец, иногда отрицают правомерность некоторых форм обычного права; существует, например, целая группа теоретиков, утверждающих, что обычай не может ... отменять законодательные постановления. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что традиционная теория права влияет на психику большинства теоретиков права и создает одностороннее устремление их внимания на право как на совокупность норм, и в частности, исключительный интерес к праву, выраженному в законах. В силу этого они видят право, осуществляющееся в жизни, не таким, каким оно им кажется с точки зрения действующих правовых норм» [40, стр. 208].

Прав Б.А. Кистяковский и в том, что право каждому видится по-разному, по-своему, и не всегда таким оно является в жизни. В настоящее время право разным исследователям, в том числе теоретикам и философам права видится уже не совсем таким, как во времена Б.А. Кистяковского. Во всяком случае, право уже не сводится только лишь к системе норм. Выдвинуты интересные подходы к пониманию права [42; 43; 44]. С позиций синкретизма современной правовой культуры предлагает подходить к пониманию права доктор юридических наук Ф.Х. Галиев [25; 26; 27; 28; 29; 30]. Профессор В.М. Шафиров предлагает рассматривать действующую российскую Конституцию как источник понимания права [49]. Ю.П. Боруленков подходит к пониманию права с позиций герменевтики [18; 19; 20; 21; 22; 23]. Исследователи все чаще стали вести речь о юридической герменевтике [16; 17; 50]. Профессоры В.П. Сальников и С.И. Захарцев предлагают компрехендную (всеохватывающую) доктрину понимания права [31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 48]. При таком подходе игнорировать роль обычая в гражданском законодательстве просто нельзя.

Таким образом, само существование правового обычая является прямым следствием признания общего принципа дозволения в гражданском праве. Закрепляя принцип свободы договора, диспозитивности в регулировании гражданских правоотношений мы тем самым устанавливаем сферу, в которой роль государства сводится лишь к присутствию, но не участию. Наделяя стороны правом своим соглашением конструировать собственные модели поведения, создавать индивидуальные правила, добровольно им подчиняться, по мере их распространения мы должны быть готовы признать за такими правилами нормативно-правовое значение.

Таким образом, отсюда вытекает необходимость признать право на существование общегражданского, «генерального» обычая, действующего во всех цивилистических институтах, в той мере, в какой они допускают использование диспозитивного метода регулирования. Далее, среди регуляторов гражданских отношений, в качестве общего правила, обычай следует поместить непосредственно перед диспозитивными нормами закона.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. – М., 2016.
3. Семейный кодекс Российской Федерации. – М., 2016
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 1994.
5. Гражданский кодекс РСФСР. – М., 1964.
6. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1922. – № 71.
7. Федеральный закон от 09.01.1996 г. №2-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
8. Федеральный закон от 18 июля 1995 г. № 108-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 30. – Ст. 2864.
9. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766.
10. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 499.
11. Постановление Правительства РФ от 15 августа 1997 г «Об утверждении правил бытового обслуживания населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 34. – Ст. 3979.
12. Постановление Правительства РФ от 24 июня 1998 г. «Об утверждении правил оказания услуг выполнения работ по техническому обслуживанию и ремонту автомототранспортных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 26. – Ст. 3090.
13. Постановление Правительства РФ от 6 июня 1998 г. «Об утверждении правил комиссионной торговли непродовольственными товарами» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 24. – Ст. 2733.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 8 октября 1998 г. «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // Ведомости Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 11.
15. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) (вступила в силу 1 января 1988 г.; СССР присоединился к настоящей Конвенции постановлением ВС СССР от 23 мая 1990 г. № 1511-1) // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 1994. – № 1.
16. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
17. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность. – СПб., 1998.
18. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
19. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
20. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
21. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
22. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
23. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
24. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – М.: Статут, 1998.
25. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
26. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
27. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
28. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и

историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
29. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
30. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
31. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 2.
35. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
40. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. – СПб., 1998..
41. Маковский А. Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Ведомости Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 4.
42. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
43. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-аксиологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
44. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
45. Поротиков А.И. Обычай в гражданском обороте // Обычай в праве: Сборник. – СПб., 2004.
46. Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – М, 2000.
47. Теория государства и права: Учебник / В.К. Бабаев, В.М. Баранов,. В.Н. Витрук, В.Б. Исаков и др.; Под ред. В.К. Бабаева. – М., 1999.
48. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44). – С. 39-44.
49. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
50. Юридическая герменевтика в XXI веке: Монография / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – 440 с. – (Толкования источников права).
51. Bainbridge S Trade Usages in International Sales of Goods: An Analysis of the 1964 and 1980 Sales Conventions // Virginia J. of int. law. 1984. № . 24.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

РАХИМЗОДА Рамазон Хамро
(Рахимов Рамазон Хамроевич),
министр внутренних дел Республики Таджикистан, профессор кафедры организации управления правоохранительной деятельностью Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Таджикистан, генерал-лейтенант милиции (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: rahimov50@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОСТОЯНИЕ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСОВЕТСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация. *Рассматривается оперативно-розыскная деятельность в досоветском Таджикистане, в том числе секретная деятельность тайных структур среднеазиатских ханств, а также резидентов и агентуры Великобритании и имперской России. Подробно анализируется аппарат политико-административного управления и обеспечения правопорядка Бухарского государства.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность; Таджикистан; Бухарское государство; обеспечение правопорядка: государственное управление.*

RAKHIMZODA R.Kh.

STATUS OF INVESTIGATION IN THE PRE-SOVIET TAJIKISTAN (XVIII – BEGINNING OF XX CENTURIES)

The summary. *Operatively-search activity in pre-Soviet Tajikistan, including confidential activity of secret structures of the Central Asian khanates, and also residents and an agency of the Great Britain and imperial Russia is considered. The device of political-administration managerial control and maintenance of the law and order of the Bukhara state is in detail analyzed.*

Key words: *operatively-search activity; Tajikistan; the Bukhara state; law and order maintenance: the government.*

История (политическая, социально-экономическая, правовая, культурная) Бухарского эмирата (до 1785 года – Бухарского ханства) является поучительной страницей прошлого нашего Отечества, так как она имеет непосредственное отношение к истории таджикского

народа. Это связано с тем, что со времен образования вначале IX в. Саманидской империи – первого централизованного феодального государства таджиков со столицей в городе Бухаре, – до начала XIX в. Бухарский эмират представлял собой наиболее значительное политическое образование.

В рассматриваемый нами в этой статье период Бухарский эмират с центром в долине Зеравшана занимал господствующее положение. В состав Бухарского эмирата в этот период, помимо основной его территории в долине Зеравшана и Кашкадарьи, входила также вся восточная часть современного Туркменистана, включая Мерв (Мары), Самарканд, Ургут, Каракуль, Джизак, Карши, Сабиа (Сабиаб) на берегах Амударьи, Кермине, Мианкаль или Каттакурган. Бухаре также принадлежал ряд районов, входящих в современный Таджикистан, в том числе Гиссар, Ходжент, Ура-тюбе, Пенджикент, Гиссар, Хатлонская область, Дарваз, Северный Бадахшан и некоторые владения в верховьях Зеравшана. В состав эмирата также входил Балх со своими южными округами. На северо-востоке Бухаре принадлежал город Туркестан с прилегающими к нему казахскими районами [9, стр. 80-81; 15, стр. 56].

Одним из важнейших городов Бухарского эмирата был Самарканд. Как и Бухара, Самарканд являлся одним из важнейших торговых и ремесленных центров. Город славился также своими религиозными святынями, среди которых наибольшей известностью пользовался знаменитый мавзолей Шахи-Зинда. Другим наиболее населенным городом был Карши, расположенный в долине реки Кашкадарьи к юго-востоку от столицы эмирата, в районе средневекового Насафа. Город располагался на караванном пути в Афганский Туркестан и потому играл заметную роль в торговой жизни Бухарского эмирата.

По свидетельству путешественников общая численность населения Бухарского эмирата насчитывала от двух с половиной до трех миллионов человек. Наиболее значительный город Бухара, по некоторым оценкам, насчитывал до 150 тысяч жителей [36, стр. 146], из которых около трех четвертей составляли таджики [9, стр. 80-81]. Поэтому, история Бухарского эмирата в истории Таджикистана занимает особое место, который считался наиболее сильным и в общественно-экономическом отношении развитым государственным объединением.

Бухара был важный торговый и ремесленный центр региона. Помимо своего экономического значения, Бухара представляла также крупнейший на всем исламском Востоке центр мусульманской богословской науки, привлекавший к себе учащихся не только из всех районов Центральной Азии, но и из Поволжья, северо-западной Индии, Афганистана и других стран.

К сожалению, долгое время исследования рассматриваемой эпохи, тем более предыдущего этому промежутку истории периода, находились в застое, испытывали серьезные затруднения, вызванные, в особенности, отсутствием доступа к первоисточникам.

Такому состоянию науки, по мнению историка-востоковеда с мировым именем В.В. Бартольда, способствовали и другие обстоятельства. Еще в начале прошлого столетия по этому поводу он отмечал, что «История среднеазиатских ханств… принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей» [8, стр. 400].

Вместе с тем в последние годы в плане исследования истории государственности, социально-экономической и духовной жизни среднеазиатского региона позднефеодального периода достигнуты определенные результаты. Учёные-историки творчески обращаясь к историческим фактам, начали освещать политическую, социально-экономическую и культурную жизнь, раскрывать сущность политики различных династий среднеазиатских ханств, обобщать национальные и религиозные ценности общества [13, стр. 4].

Поэтому в какой-то мере можно судить об успехах в области исследования по этнографии, антропологии, географии, истории и культуры эмирата и других ханств (состояние архитектуры, искусства, образования, литературы), их административного устройства, дипломатических и торговых отношений.

Однако таковое нельзя сказать об историко-правовых исследованиях отдельных институциональных составляющих органов правопорядка, особенно секретной деятельности тайных структур среднеазиатских ханств, в том числе Бухарского эмирата, о которых сохранилась лишь скудная и отрывочная информация в силу различных причин.

Необходимость пролить свет и в этой сфере особенно остро ощущается в наше время, так как она имеет непосредственное отношение к истории таджикского народа.

Разумеется, что Бухарский эмират не мог стоять совершенно в стороне от тех перемен, которые происходили в то время в мире и совершенно не ощущать влияния ведущих держав, которые интенсивно проводили колониальную политику в мировом масштабе.

Тем не менее, Бухарский эмират и другие среднеазиатские ханства (Хива и образовавшееся в конце XVIII в. новое ханство – Кокандское) еще не были непосредственно втянуты в орбиту интересов ведущих колониальных держав. Хотя с каждым годом, начиная с XVIII в., все больше ощущалось их стремление усилить свое влияние в регионе. На этой почве не могло быть не заметным соперничество Англии и России [13, стр. 6]. Великобритания и Российская империя давно начали закидывать сети на земли Средней Азии – сначала думали о походе прежде всего в Самарканд и Бухару. И такая заинтересованность двух великих держав была вызвана тем, что Бухарский эмират занимал доминирующее положение на рынке Востока.

Так, перед резидентами и агентурой Великобритании в Бухаре была поставлена задача подготовить надежный плацдарм для предстоящего вторжения в регион Центральной Азии интервенционистских сил. Она подразумевала сбор самой разнообразнейшей разведывательной информации экономического, политического, историко-культурного, этнографического и военно-технического характера, а также налаживания непосредственных контактов с представителями правящей династии, главами ведущих племенных кланов, влиятельными религиозными деятелями, подкупы и вербовку крупных сановников, обработку общественного мнения. В конечном итоге все это должно было привести к превращению Бухары в зависимые от Англии государства с марионеточными правителями, полному разрыву их отношений с Россией и открыть свободный доступ на внутренние рынки Центральной Азии британского промышленного, торгового и финансового капитала [26].

Британские резиденты «по тайным поручениям», забрасываемые в Приаралье, имели четкую «специализацию». Так, например, они занимались на территории Бухары, Коканда и Хивы а также в приграничных районах России (восточное побережье Каспия, регион Оренбурга и др.) главным образом военной разведкой – сбором сведений, касающихся структуры и численности национальных армий, связей между частями, мобилизационных возможностей, характера командного состава, организации обороны и оборонительных сооружений, тылового обеспечения войск и т.п. [26].

Кроме того, для шпионажа в Центральной Азии англичанами использовались и индийские мусульмане – подданные британской короны, соответствующим образом обученные и подготовленные, основная миссия которых заключалась в сборе всевозможных сведений о положении в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Среди этих агентов были бывшие ученики специальной разведывательной школы, созданной в Индии английскими властями под непосредственным руководством опытных разведчиков [44, стр. 28].

Также самим англичанам неоднократно приходилось отправляться в центрально-азиатские государства со специальными миссиями. В общении с политическими элитами этих государств английские шпионы неизменно учитывали исламский фактор и зачастую выдавали себя за истинных мусульман (в современном понимании – оперативная комбинация с выстраиванием удачно подобранных легенд).

Незадолго до начала английской военной интервенции в Афганистан в Герате скрытно был основан центр по подготовке и засылке агентов в Бухару, Хиву и Коканд, который возглавили опытные кадровые разведчики. В 1838 году деятельность британских секретных служб в Центральной Азии значительно активизировались. Сюда через Пешавар, Персию, Турцию и Афганистан стали систематически забрасываться не просто агенты одиночки, а их целые группы, которыми руководители опытные офицеры. Их обучали, инструктировали, обеспечивали документами прикрытия в виде официальных посланий и грамот Английского правительства, рекомендательных писем от известных купцов, глав местных правящих кланов, представителей высшего духовенства и т.п. Часто эти документы оказывались искусно выполненной обыкновенной фальшивкой [9, стр. 89; 26].

Российская империя также не могла стоять в стороне от подобных геополитических интриг

и занимать выжидательную позицию, так как в противном случае она могла оказаться обложенной врагами со всех сторон. Поэтому Россия, начиная с этого периода, вступила в фазу борьбы за геополитическое преобладание в Средней Азии в противовес притязаниям Англии, Ирана и Турции в Средней Азии [13, стр. 155].

Ставка спецслужб и Англии и России была сделана не только на экономический шпионаж, но и на военную разведку и идеологическую войну. Ярким свидетельством тому являются материалы дипломатических и секретных миссий в Среднюю Азию, в т.ч. в Бухарское ханство [13, стр. 34]. Например, особое место среди таких источников занимает реляции* из Бухары Флорио Беневини. Посольство Флорио Беневини, которое пробыло в Бухаре в общей сложности три с половиной года (с 6 ноября 1721 – по 8 апреля 1725), собрало о стране и, отчасти, политическом положении Бухарского ханства, богатый фактический материал, который переправлялся в Санкт-Петербург как открытым письмом (реляция), так и шифровкой (сведения экономического и военного характера) [10; 11].

Указанные выше два направления разведывательной деятельности двух великих держав шли одновременно, дополняя друг друга. Зачастую, даже трудно было отличить, где между ними проходит разделительная черта, где именно кончается экономический шпионаж и где начинаются – собственно классический шпионаж, психологическая обработка. Но она существовала незримо как в характере выполняемых приоритетных заданий, так и составе вовлеченных в них агентов спецслужб [26].

Если в случае экономического шпионажа приоритет отдавался выявлению главным образом потенциальных ресурсов той или иной страны, состояния связей между партнерами по экономическому и торговому сотрудничеству, ее механизмов, включая маршруты движения товаров, структуру и объем товарооборота, и к нему привлекались не всегда профессиональные военные, то во втором – привлекались преимущественно представители старшей офицерской касты, имевшие специальную подготовку [26].

Власть Бухарского эмирата больше была привержена к установлению контакта с Россией, чем с Англией и в первой половине XVIII века поддерживало с Россией довольно стабильные торгово-дипломатические отношения. Например, Указом от 1706 г. из России в Среднюю Азию разрешалось вывозить шкурки бобра, выдры, песца, норки. Указом царя от 1715 г. бухарцам разрешалось беспрепятственно торговать в Сибири [38, стр. 48]. Бухарские купцы привозили в Сибирь фрукты, драгоценные камни, шелк, хлопчатобумажные ткани, бумагу и т. д. [16]. при этом важное место в торговле с Центральной Россией занимала Астрахань, где проживали бухарские купцы и составляли целую колонию.

Бухарские послы часто стали посещать Санкт-Петербург. В Россию, с целью установления торговых сношений, были направлены делегации бухарских посольств во главе Алимбеком Кочекбеком (1705 году), Хан-Кулибеком (1716 г.), Ядигера (1728 г.) [14]. Одним из видных посольств со стороны Бухарского ханства в 1734 году в Петербург был визит Алибека парваначи вместе с купцом Нагбет караулбеги и есаулом Пирмухаммедом и свитой из 41 человека [28, стр. 98]. Из России в Хиву и Бухару были направлены посольские делегации Петра I во главе с Бековичем – Черкасским (1717 г.) и Флорио Беневени (1721 г.). Только в период с 1729 г. по 1750 г. в Среднюю Азию было направлено 12 русских посольств [14, стр. 41; 34, стр. 121].

В годы правления Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.) Оренбург (вместо города Астрахань) становится основным пунктом торгово-дипломатических отношений Царской России и среднеазиатских государств. А во второй половине XVIII в. при правление Екатерины II наблюдается сближение русского и бухарского государств, результатом чего стало и оживление торгово-дипломатических отношений. Эта подтверждается частыми отправками экспедиций и посольств России в Бухару. Это было обусловлено резко усилившимся интересом русского правительства к Бухарскому эмирату. Да и Бухарские правители также были заинтересованы в установлении тесного контакта с Россией. Россия с целью открыть торговое представительство в 1781 г. в Бухару из Оренбурга отправляет посольство во главе с Мендияр Бекчуриным. При этом ему поручалось описать путь из Оренбурга в Бухару и собирать ценные сведения о бухарском войске. Это было первой миссией, отправленной русским правительством в Бухару через Оренбург в конце XVIII в. [7, стр. 410-411; 24, стр. 56].

Заинтересованность среднеазиатских государств в сближении с Россией объяснялось, с одной стороны, их соперничеством друг с другом, и, с другой – иметь в лице России мощного союзника, и это касался особенно опасения Бухарского эмирата английской экспансии.

Во второй половине XIX в. российско-британское противостояние заметно обострилось. Особенно наглядно это проявилось во время Крымской войны. После поражения России в Крымской войне, наступление Великобритании на ее позиции в Центральной Азии усилилось. В 1856 г. в Бухаре появилась группа британских эмиссаров под видом индийских и афганских купцов, которые не ограничивались обсуждением состояния и перспектив торговых связей. В документах той поры сообщалось, что миссия состояла преимущественно «из английских офицеров и имела целью склонить эмира к заключению тесного союза с британским правительством» [9, стр. 89].

В период Крымской войны 1853–1856 гг. Великобритания стремилась использовать Турцию для натравливания центрально-азиатских государств на Россию под лозунгами борьбы с неверными. Так, в конце 1853 г. в различных районах Центральной Азии появились эмиссары Османской империи. Они привезли воззвания турецкого султана, который призывал Бухару, Хиву и Коканд к нападению на Российскую империю [9, стр. 87].

В связи с этим южное направление российской геополитики стали исключительно важными для национальной безопасности России и она была вынуждена сосредоточить усилия на продвижении в Центральную Азию, прежде всего, чтобы обезопасить себя от британской угрозы и укрепиться на естественных рубежах горных цепей Тянь-Шаня, Памира, Гиссаро-Алая и Гиндукуша до достижения их Великобританией [9, стр. 90].

С начала XIX в. сношения России с Бухарой становятся более частыми. В это время в Бухару через Оренбург направляются специальные лица с научными и дипломатическими целями, которые также выполняли особые разведывательные поручения.

В 1820 г. Александр I отправляет в Бухару специальную миссию во главе статского советника А.Ф. Негри. Это посольство также было наделено разведывательными функциями. Его задача была изложена в трех инструкциях. Первая инструкция требовала наладить дружественные отношения с Бухарским эмиром, заключить договор о торговых отношениях, по второй инструкции всеми возможными средствами выкупить 240 русских пленников, для чего было выделено 12 тыс. руб. [25, стр. 77; 27]. По третьей инструкции посольству Негри было приказано собрать сведения о территории и природных ресурсах среднеазиатских ханств, выяснить возможности судоходства по Сырдарье, Амударье [3; 25, стр. 78], доставить детальные планы оборонительных сооружений Бухары, а также разузнать все, что удастся, по военным, политическим и другим вопросам [13, стр. 222].

К 1833 году Англия активизировала свою политику по захвату Бухары и Афганистана с их природными богатствами и свободными рынками. Русское правительство не желало пускать англичан на территорию своих интересов.

Этим всем и объясняется активная экспансия Россией среднеазиатского региона, присоединения основной части региона к России и установления протектората царской России в Бухаре, фактически превративший эмират в вассальную зависимость от этой колониальной империи.

Расширение границ Российского государства и геополитическое освоение новых территорий потребовали скорейшего решения вопроса об административном устройстве края. Поэтому 14 июля 1867 г. Александр II издал указ об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего две области – Сырдарьинскую и Семиреченскую (в том числе, северные районы современного Таджикитана). Генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К.П. Кауфман, получивший широкие полномочия в решении политических и экономических вопросов в регионе. Его штаб-квартира располагалась в Ташкенте.

Вот в таких сложнейших внутренних и внешнеполитических условиях осуществляли свою деятельность органы правопорядка (государственный аппарат) Бухарского эмирата, в том числе, отвечающий за правопорядок и обеспечения безопасности государства.

Начиная с середины XVIII в. – со времени прихода к власти мангытов в Бухаре особое внимание придавалось укреплению системы государственно-административного управления. Вместе с тем, в рассматриваемый нами период

устройство административного управления и исполнительной власти в Бухарском эмирате существенно не претерпело изменений по сравнению с предыдущими этапами развития эмирата (ханства). Это было связано с тем, что с переходом власти от одной династии к другой содержание и функции органов управления и исполнительной власти почти не изменялись.

Бухарское государство фактически и официально управлялось со стороны эмира (монарха), имеющего неограниченные полномочия. Оно считалось владением эмира и членов его рода. К этому времени в эмирате (особенно при правлении эмира Шах-Мурада – 1785-1800) сложился своеобразный аппарат политико-административного управления и многочисленный штат чиновников. В эмирате администрация государственного управления (аппарат) подразделялся на административные, финансовые, судебные, полицейские (миршаб), военные органы. В частности, и об этом следует отметить особенно, должность кози-аскара (военного судьи) была впервые учреждена эмиром Шах-Мурадом [22, стр. 52; 30, стр. 37].

К числу других реформ, проведенных Шах-Мурадом для упрочения в стране порядка, относится и судебная реформа. Согласно ей, была организована высшая судебная палата под председательством самого эмира, состоящая из сорока ученых-законоведов [45, стр. 77]. Значение проведенных Шах-Мурадом реформ в судебной сфере заключались в том, что в судебном процессе должны были участвовать как обвиняемый, так и потерпевший. При этом законы шариата строго соблюдались при внесении приговора. Никто не имел права уклониться от уголовной ответственности и дачи показания. В судебной системе кроме кози ул-куззота функционировали такие должности как муфтий, раис (мухтасиб), садр, кози-аскар (об их месте в иерархии государственного управления смотри ниже).

О государственном устройстве, званиях и классификации (иерархии) должностей Бухарского эмирата в соответствии объектом их деятельности точные сведения нам дает труд Мирза Бадиъ Дивана «Маджма ал-аркам» («Предписания фиска») [23], составленный в конце XVIII века чиновником администрации эмира Шах-Мурада. В источнике каждая категория должностей подразделена на четыре группы. Так, почитаемые должности в соответствии с шариатом были сгруппированы следующим образом:

1) должность судьи, высшим среди которых являлся шайх ул-ислам. К нему апеллировал должность кози калон (по другому кози ул-куззот – верховный судья) и согласуется с ним. К кози калону апеллировал кози аскар (войсковой судья). Кози калон главенствовал над всеми воинами и простым народом. В вилоятах, городах и селах функционировали кози, являвшимся самостоятельной, независимой должностью. Его назначал и освобождал эмир. Кози вилоята подчинялся кози калону Бухары. Обычно кози наблюдали за деятельностью хакима (главы) вилоята и тайно докладывали об этом эмиру [37, стр. 53];

2) должность муфтия**. Высший из них носил титул аълом (знаток, ученый), составляющий фатво*** для народа. Далее – муфти-аскар (войсковой муфти). Войсковой муфти, составляющий фатво для военных, особенно во время войсковых сборов или поездок правителя страны в другие области;

3) должность мухтасиба – надзиратель за исполнением предписаний веры. Одним из важных задач мухтасиба являлся побуждение людей к совершению благодеяний и воздержанию от поступков, запрещенных шариатом;

4) должность мударриса (преподавателя), каковым мог бы быть и тот, кто хотя в настоящее время и не имеет известности, но большую часть своего времени тратит на обучение студентов [23, стр. 93-94].

Самым близким эмиру лицам, к которым правитель испытывал особое доверие, присваивали следующие должности (должности, которыми удостаивались самые близкие к эмиру лица):

1) должность кукалташа. Он руководил разведывательной службой Бухарского эмирата. Кукалташ дословно означает «кормленный грудью одной матери», то есть, им мог быть только лицо, входящее в число самых близких эмиру людей. В обязанности кукалташа и его аппарата (гумошта, зирак, хушёр, чопар, барид, мунхи и др.) входили сбор сведений со всей страны, в том числе об окружении эмира, их помыслах и действиях, о друзьях, врагах эмира и государства, прогнозировали и планировали организационные и ликвидационные операции, а также принятие мер по физической защите и проявление заботы относительно благополучия преданных эмиру людей.

2) должность великий кушбеги (начальник военной ставки), который в центральном правительственном аппарате играл важную роль. На самом деле кушбеги являлся главным вазиром. Он ведал всеми административными и хозяйственными делами эмирата, в том числе и сбором поземельного налога – хараджа [17, стр. 314]. Это было главное административное лицо, ведающее внутренними делами государства и в отсутствие эмира управляющим всей страной. С его участием решались важные вопросы внешних сношений государства. Он должен был постоянно находится в Арке – дворце правителя. Кушбеги управлял и полицейской службой. Ему подчинялся институт миршабства****, который имел чисто полицейский (сыскной) характер, шахна, которого называли иногда миршабом, ведавшим охраной предместий вилоята в позднее время (начальник ночного дозора), начальник дворцовой стражи и командующие войсками.

3) должность великий инак, который уведомлял лиц не эмирского сословия о том, как распорядился государь по их делу, удостоены ли они беседы с ним или нет. Одновременно инак выступал в качестве тайного советника эмира.

4) должность великий евнух (хочаи калон), главный над дворцовыми евнухами. Он охранял гарем государя и доставлял для гарема пищу, одежду и все необходимое, что положено по шариату [23, стр. 98]. В свою очередь евнух имел внутри гарема свои «уши и глаза», от которых он получал конфиденциальную информацию от пребывающих там женщин.

Всего в «Маджмаъ ал–аркам» упомянуты названия и обязанности более 50 должностей Бухарского эмирата, таких как аталык, девонбеги, парвоначи, додхох, раис, накиб, уроки калон, мири асад, файзи, садр, судур, мушриф, дафтардор, мунши, мирохур, удайчи, каровулбеги, шиговул, тубчибоши, бек, амлокдар, оксакол, амин и т.д. [23, стр. 93-101; 29].

При этом особое внимание уделялись тем должностям, от которых в большей степени зависели безопасность, порядок, стабильность и устойчивость в эмирате. Например, эмир должен был лично и осмотрительно отбирать чиновников для назначения на следующие должности: мухтасиб [31], урак (исполнял обязанности мухтасиба среди саййидов и эмирских слуг), мушриф (верховный государственный контролер) [31], мири асад (исполнял обязанности мухтасиба среди саййидов Бухары), файзи (исполнял обязанности мухтасиба вне города Бухары), садр***** и др. Эти должности эмир присваивал после всестороннего изучения претендентов на предмет их преданности эмиру и своему делу. Вместе с тем, рекомендовалось назначать на такие ответственные исполнительные должности честных, справедливых, далеких от корысти и соблазнов человека, благочестивых и набожных людей. Обычно на должность мухтасиба назначались лица из числа саййидов (потомков пророка Мухаммада от его дочери Фатимы и халифа Али), иногда из семьи несаййидов, но часто из рода ходжей (также потомков четырех праведных халифов) [42].

Такой серьезный подход к отбору кандидатов на эти должности, особенно на должность мухтасиба, свидетельствовал о том, что в Бухарском эмирате она имела большое правоохранительное значение (иногда эту должность называли раис, хотя в разные исторические периоды они функционально отличались друг от друга). До середины XVIII в. данная должность вовсе не функционировала в силу ее упразднения предыдущими правителями в XI в. В рассматриваемый период же в Бухаре эта должность была восстановлена благодаря дальновидности эмира Шах-Мурада [45, стр. 77], что стало одним из мероприятий проводимой им административно-полицейской реформы.

Теперь мухтасиб вновь, как и раньше, наряду с другими своими обязанностями и совместно с другими должностными лицами, вел наблюдение за порядком на базарах. Именно он в основные базарные дни сообщал хакиму (правителю вилоята, главе владений) о количестве продаваемых товаров, об их цене и о мероприятиях, проводимых в тот день на базаре. Он в базарные дни объявлял населению цены продаваемых товаров. Пока мухтасиб не определял цены на товары, продавцы не имели право ими торговать [13, стр. 293]. Мухтасиб имел своих помощников [35, стр. 140]. Их называли дуррадаст (дословно – держащие в руках палку). В базарный день он с 4-6 дуррадастами (помощниками, охранниками) на лошади прибыв на базар, проверял исправность весов и гирь. Его помощники наблюдали за исполнением предписаний шариата по части соблюдения поста, молитвы и правил мусульманской нравственности [23, стр. 99], также за правильностью применения

весов и мер на базарах, и в случаях получения сведений от своих информаторов или от потерпевших либо непосредственного обнаружения совершения противоправных действий, наказывали нарушителей.

Должности мухтасиба, мушрифа, урака, мири асада, файзи поручали любому из ученых, саййидов и других, кого правитель считал достойным. Файзи из числа ученых или саййидов исполнял обязанности мухтасиба вне города Бухары и вне войска. Миру асаду, ученому или саййиду, поручалось исполнение обязанности мухтасиба среди саййидов внутри рабада (торгово-ремесленных предместий) Бухары на расстоянии до одного фарсанга.

Ахмад Дониш, отмечая особую роль мухтасиба в обеспечение порядка в стране, при даче характеристики стилю правления эмиру Насруллах, писал: «Этот эмир (Насруллах – Р.Х.) был падишах самовластный, твердый, жестокий и деловитый… Он повсюду назначил мухтасибов так, что дочь виноградной лозы в его время сидела за занавеской добродетели. А звуки флейты и бубан едва пробивались наружу из подворотен. И во всех областях, в которых происходили мятежи при его отце, он наказывал по заслугам» [5, стр. 39-40].

Чтобы умело противостоять всяким видам правонарушений, интриг, попыткам государственного переворота, мятежам, выявлять непокорных, главарей заговорщиков, недовольных политикой эмира и т.д., правителю необходимо было постоянно поддерживать в состояние постоянной готовности свой особый чиновничий аппарат. Стремление эмира быть постоянно осведомленным о положение дел в стране, о поведениях своих подданных и поступках отдельных чиновников, о состоянии преступности в стране, о смутах и иных опасных для страны явлениях, требовало, чтобы эмир имел при себе на службе специальных людей – гумошта, паёмбар (агентов), осведомителей, доносчиков, которые могли бы постоянно сообщить ему сведения о значимых и представляющих лично для правителя и государства интерес.

Вместе с тем, и как это часто бывало, правители Бухарского эмирата (сами эмиры, вазиры, раисы) для убежденности в достоверности информации, предоставленной ему чиновниками и доносчиками (агентами), или когда считали, что представленные сведения недостаточны либо не верны, могли переодеться в одежду простого человека (в основном под легендой дервиша******, изменить внешность (гримироваться), выйти на улицу, базары, в город, деревню и другие места, и таким образом путём проведения негласных мероприятий, напоминающее сегодняшний «личный сыск» и наведение справок», непосредственно получить информацию об общественно-политической обстановке в стране, о настроениях людей, поступках своих чиновников, о нравственном, социальном, экономическом положении людей [6, стр. 102]. Данный, и следует отметить не единственный, способ собирания оперативно значимой информации о лицах и объектах, представляющих интерес, применялся с целью получения сведений, способствующих выявлению и раскрытию преступлений имеющих место во владении правителя.

Чиновникам низшего уровня также предписывалось поступать таким же образом для получения сведений негласным путём.

Подобные акции в истории таджикского народа не являлись чем-то сверхъестественными. Они практиковались почти всеми правителями во всех этапах исторического развития общества. Подтверждение тому мы находим не только в эпических и прозаических произведениях таджикского народа (сказках), но и в иных бесценных произведениях персидско-таджикской литературе, посвященные стилю и методам правления государством (О способах правления говорится в «Кабус-нома», «Сиёсат-нома» [31]). Например, в философском трактате (поэме) выдающегося персидско-таджикского мыслителя и поэта Мавлоно Джалолиддина Балхи (Руми) «Маснавии маънави»******* («Поэма о скрытом смысле») [18; 33] описывается рассказ о ночных ворах и о том, как султан Махмуд, зашифровавшись и разработав легенду, внедрился в их среду в качестве вора, и осведомился об их преступном образе жизни и схемах преступной деятельности. При этом, султан Махмуду пришлось в целях установления доверительных отношений с ворами, и дальнейшего их разоблачения, имитировать преступную деятельность и совместно с ними совершить кражу из казнохранилища.

И не редко бухарским эмирам удавались грамотно организовать государственную систему безопасности, наладить тайную, секретную (в сегодняшнем понимании – оперативную, разведывательную и контрразведывательную)

деятельность, успешно проводить агентурную работу. В частности, секретный аппарат эмирата выявлял вероятных противников, их разведывательный и подрывной потенциал, разоблачал агентуру противника (в первую очередь стран с колониальными амбициями – Англии, царской России, Турции и др.), потенциальных предателей (неустойчивых лиц) среди чиновничьего аппарата, проводил мероприятия по зашифровке своей провокационной, разведывательной и контрразведывательной деятельности (в том числе распространении дезинформации), внедряли в лагерь противника своих секретных сотрудников, физически нейтрализовывали их секретных сотрудников и агентов и пр.

Например, одним из успешных осуществленных секретными сотрудниками эмирата операций против английской разведки являлся именно разоблачение английских дипломатических агентов – полковника Стоддарта и Конолли, активно пытавшиеся воплотить в жизнь английскую политику по подчинению своему влиянию эмира и восстановить его против России. Посещение Бухары английскими шпионами – полковником Стоддартом и Конолли было умело легендировано под стремление освободить русских подданных из бухарского плена. В действительности же, по утверждению английского исследователя XIX в. Ф.Г. Фишера, «дипломатам» предписывалось заключить англо-бухарский договор, направленный против России [43, стр. 107]. Однако данная миссия окончились очень печально для обоих агентов английской разведки, которые после вынесения мучительного тюремного заключения, были казнены по велению эмира за шпионаж. Во спасение своей жизни полковник Стоддарт даже притворно отказался от христианства и принял ислам, однако это не спасло его от казни [12, стр. 94].

Несмотря на то, что изменения в административном устройстве и в центральном аппарате Бухарского эмирата происходили довольно редко, однако вместе с тем, функции отдельных должностных лиц в центре и в областях часто менялись. Это было связано с тем, что функциональные обязанности должностных лиц не были четко зафиксированы и закреплены формально. Поэтому они не имели твердо установленных границ и менялись при каждом эмире, завися от его воли и желания, а также от умения и ловкости самого должностного лица.

Например, со времени правления аштарханида Убайдулла-хана (1702-1711) заметно повышается роль кушбеги в государстве. Впоследствии при мангытах он становиться премьер-министром ханства, вершителем важных государственных дел в области экономики и политики [2, стр. 70; 21, стр. 214; 22, стр. 123]. Одним словом, в его руках находилась высшая исполнительная власть. Он был ответственным лицом сбора налогов, Ему подчинялись все должностные лица. Эмир назначал на всякие должности только тех лиц, которых рекомендовал кушбеги. Значит, в Бухарском эмирате первым лицом после эмира стал кушбеги, имевший ранг премьер-министра. С его участием решались основные вопросы внутреннего управления и внешних сношений государства. Он жил во дворце эмира и, как одно из самых доверенных лиц последнего, помимо прочего, даже следил за приготовлением еды, отправляя ее эмиру за своей печатью.

Однако при эмире Шах-Мураде меры, предпринятые им не только привели к укреплению его абсолютной власти, но и к ограничению полномочий кушбеги, кози калона и других сановников. Анке фон Кюгельген отмечала, что именно при Шах-Мураде был положен конец сепаратистским устремлениям узбекских родов и решительными мерами была поднята пришедшая в упадок экономическая жизнь государства [4].

В 30-е же годы XIX в. данный процесс еще больше углубился: некоторые функции кушбеги в Бухаре перешли постепенно к раису. Он возглавлял дипломатическую работу: отправление послов, переписку с иностранными государствами и прочее. В письмах Оренбургского военного губернатора раиса называют «раис-эфенди», а в письмах вице-канцлера из Петербурга «ишан-раис». Ему писали по самым различным вопросам, начиная от торговых и кончая отправлением в Бухару горных инженеров. Царское правительство считало раиса одним из влиятельнейших в эмирате лиц и всячески старалось воспользоваться его услугами [19, стр. 61, 89-90; 41].

По утверждению Мирза Бадиъ Дивана, автора книги Маджмаъ ал-аркам, в Бухарском эмирате полицейскую службу несли курбаши (он не говорит «миршабы») [23, стр. 99]. Полицейские чиновники на конях и в повозках разъезжали по городу всю ночь и всякого, встретившегося после полуночи, брали под стражу, а на другой день

представляли нарушителя начальнику города.

Мухтасиб и курбаши как блюстители мусульманской нравственности и предписаний шариата играли значительную роль в системе бухарской государственной машины, добиваясь сохранения и упрочения существующих порядков.

Е.К. Мейендорф отмечает, что при эмире функционировала должность есаул-баши, имевший в свое подчинение почти двести есаулов. Они выполняли функции полицейских, курьеров и исполнителей воли эмира. Кроме того, при эмире держался два вида гвардии – офицеры, называемые махрамы, на современной лексике – оперативный состав (220 человек) и кассабардары (500 человек) [20, стр. 134], обеспечивающие его охрану и безопасность.

Также в административный аппарат хакима (главы) вилоята входил есаул-боши и есаулы, исполняющие функцию полиции и являвшимися исполнителями воли и поручений хакима. Хакимы вилоятов обязаны были раз в неделю докладывать эмиру о происшедших событиях в области. Хакимы никаких денежных довольствий от казни эмира не получали. Они обеспечивали себя и своих чиновников за счет собираемых местных налогов.

Существовали также и такие должности в сфере обеспечения правопорядка, которые функционировали в зависимости от ситуации, особенно военной. Так, не смотря на то, что навкары представляли собой иррегулярные феодальные войска, они в мирное время выполняли полицейские функции, и лишь в военное время служили в войсках. Навкары были представителями сельского населения и получали жалованье натурой и в деньгах и освобождались от различных повинностей [1, стр. 52].

Сказанное выше о государственном строе Бухары свидетельствует об иерархической структуре Бухарского государства.

В период существования Туркестанского края, у возглавлявшего его генерал-губернатора, имелся разветвленный аппарат управления областями, отделами и уездами, ему же подчинялись полицейские учреждение. Причем решение многих вопросов возлагалось на городские хозяйственные управления, созданные на основании «Положения об управлении Туркестанского края» 1867 года. Такие управления существовали в таких больших городах, как Самарканд, Бухара, Фергана и Ташкент. Города с исключительно коренным мусульманским населением делились на районные махали. Данное административное деление существует и сейчас.

Территория махали утверждалась постановлениями областных управлений или военными губернаторами. Управление махали возлагалось на старших аксакалов, которые избирались всеми домовладельцами. На них же возлагался по установлению военного губернатора и высший полицейский надзор.

По полицейской части старшим аксакалам до 1887 г. помогали и другие служащие такие, например как миршабы (высшие ночные полицейские надзиратели) и специальные доносчики – гумошты [39, стр. 290], зираки [39, стр. 452; 40, стр. 544] (агенты в современном понимании), которые тайно обеспечивали миршабов необходимой информацией. Миршабы назначались из числа местных граждан, лояльно относившихся к русским властям. В их распоряжении находились низшие служащие – нвкары или курбаши. Функциональная деятельность миршабов и их людей регламентировались нормами обычного права и нормами шариата.

В тот период система правового регулирования жизни Туркестана была достаточно сложной и сочетала она в себе российское законодательство, домусульманское обычное право и нормы шариата. На основе этих норм рассматривались и уголовные и гражданские дела, строились судоустройство и судопроизводство.

Примечания

* Реляция – лат. relatio передавать, позднее (фр. relations) – донесение о военных действиях, об отдельных происшествиях во время войны, преимущественно о действиях собственных войск, о неприятеле упоминается настолько, насколько это необходимо для выяснения дела (пример – «Реляция о штурме Варшавы»). Реляция присутствовала в дипломатии (доклады дипсотрудников, пример «Реляция о России, какова она была в 1710 году»). географии (доклады путешественников, пример «Краткая реляция о I экспедиции Беринга») и других областях деятельности.

** Муфти (производное от «афта» – «высказывать мнение») – высшее духовное лицо у мусульман. Наделён правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата. Его решение называется «фатво» и оно основывается на религиозно-юридических канонах распространённого в данной стране направления ислама (суннизма, шиизма и т. д.), а также школы шариата (мазхаба).

*** Фатво – в шариате (фикхе) правовая позиция, заключение или решение по какому-либо общественному, политическому или правовому вопросу, выносимое муфтием, муджтахидом, улемом, факихом (специалист в области исламского права, а также законовед и знаток законов шариата; также термин «факих» может употребляться как синоним слова «олим (улем)», означая «учёного человека») или аъломом (или уполномоченным государственным органом из улемов), основываемое на принципах толкования шариата (фикха) и на прецедентах мусульманской юридической практики, исходя из иджмы как одного из корней фикха. Можно сказать, что «фатво» является оригинальным источником исламского права (фикха).

**** Миршаб – «правитель ночи»; в Бухарском эмирате – начальник полиции (от тадж: «мир» – «хозяин», «правитель», «шаб» – «ночь») [32, стр. 12].

***** Садр – глава ведомства, ведающего учетом вакфов саййидов, находящихся внутри рабада (в пределах торгово-ремесленного предместья) на расстоянии до одного фарсанга. «Вакф» в мусульманском праве представляет собой имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Это один из видов благотворительности в Исламе, который совершают материально обеспеченные люди.

****** Дервиш (перс. – бедняк, нищий) то же, что и «каландар» – мусульманский аналог монаха, аскета, приверженец суфизма.

******* Маснавии маънави – суфийская поэма, созданная великим Мастером, основателем суфийского братства Маулавийа, шайхом Джалолиддином Руми, по праву входит в число шедевров мировой литературы. Едва ли в поэзии за все время ее существования найдется нечто подобное, что органично включало бы в себя в огромном объеме цитаты из какого-либо священного текста так, как это сделано в Маснави ее создателем с использованием Корана и пророческих преданий. Во многом поэтому, спустя почти два века после появления Маснави, великий поэт Абдурахмон Джами не случайно назвал данный трактат Кораном на персидско-таджикском языке. Текст Маснави, написанный в XIII в., и поныне пользуется колоссальной популярностью во всем ираноязычном регионе как в изустном бытовании, так и в письменной традиции.

Список литературы

1. Абдураимов М. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Опыт краткого исследования источника. – Ташкент, 1961.
2. Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. Т. 1. – Ташкент , 1966.
3. АВПР, Главный архив, 1-7, оп. 6, д. 1820 – 1, папка II, л. 9-10.
4. Анке фон Кюгельген. Расцвет Муджаддадийа-Накшбандийа в Средней Трансоксании с XVIII – до начала XIX вв.: Опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии (Зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912-1998) / Сост. и отв. ред А.А. Хисматуллин. – СПб. – 2001. – С. 331-357.
5. Ахмад Дониш. История мангитской династии / Пер. И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967.
6. Ахмадов М. Образовательная этика и руководство государственности (на тадж. языке). – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2006.
7. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 9. – М.: Наука, 1977.
8. Бартольд В.В. Соч. Т. 2. Ч. 2. – М., 1964.
9. Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: Учебное пособие. – Казань: Казан. ун-т, 2013.
10. Беневени Флорио. Письма, реляции, журналы // Посланник Петра I на Востоке. – М.: Наука, 1986.
11. Беневени Флорио. Реляции из Бухары // Попов А. Сношения России с Хивою, Бухарою при Петре Великом. Т. 9. – ЗИРГО, 1853. – С. 270-424.
12. Бухара прежде и ныне: Историческая справка // Нива. – 1893. – № 4.
13. Джурабаев Дж.Х. Бухарский эмират второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в письменных источниках: Дис … докт. истор. наук. – Худжанд, 2014.
14. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества русских ориенталистов. – Петроград. – 1915. – № 2. – С. 68-69.
15. Записки о Бухарском ханстве (Отчёты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Наука; главная редакция.

восточной литературы, 1983. – С. 56.
16. Зияев Х. К истории экономических связей Средней Азии с Россией через Сибирь в XVIII веке // Изв. АН Узб. ССР. Сер. общественных наук. – 1958. – № 4. – С. 31-32.
17. История таджикского народа. Т. IV. – Душанбе: Дониш, 2010.
18. Карим Замонӣ. Шархи чомеи «Маснавии маънавӣ». Техрон. Интишороти «Иттилоот». 1384 хиярӣ. – С. 740-763.
19. Кисляков Н.А. Из истории горного Таджикистана // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук. – 1953. – Т. 4.
20. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Предисл. Н. А. Халфина; пер. Е.К. Бетгера. – М., 1975.
21. Мир Мухаммад Амин Бухари. Убайдулланаме / Пер. с тадж. с прим. чл.-корр., профессора А.А.Семенова. – Ташкент: Изд. АН Узб. ССР , 1957.
22. Мирза Абдал Азим Сами. Таърих-и салатин-и мангитйиа: (История мангитского государства) / Изд. текста, предисл., пер. и примеч. Л.М. Епифановой. – М., 1962.
23. Мирза Бадиъ Диван. Маджмаъ ал-аркам. («Предписная фиска»): Приемы документации в Бухаре XVIII в. (Факсимиле рукописи. Введ., пер., примеч. и прил. А.В. Вилдановой). – М.: Наука, 1981. – 198 с.
24. Михалева Г.А. К вопросу о дипломатических сношениях между Россией и Бухарой через Оренбург в конце XVIII – начале XIX века // Общественные науки в Узбекистане. – 1962. – № 7.
25. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. – Ташкент, 1962.
26. Ниязматов М. Шпионаж, дезинформация, подкуп. Англо-русское противостояние. URL: http://www.apn.ru/publications/article22560.htm
27. Петухов Н. Из прошлого Оренбурга // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.. – 1911. – Вып. 23– С. 17-18.
28. Пирумшоев Х. Российско – среднеазиатские отношения XVI – сер. XIX веков в русской историографии. – Душанбе, 2000.
29. Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях // Письменные памятники Востока. 1968. – М.: Наука, 1970. – С. 41-46.
30. Ражабов К. Амир Шоҳмурод ё худ «амири маъсум» // Бухоро мавжлари. – 2006. – № 1.
31. Рахимзода Р.Х. Письменные источники Древнего Востока и сыскная деятельность // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 166-173.
32. Розикзода А.Ш. Становление милиции Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2011.
33. Руми Чалолиддин. Маснавии маънавӣ. Техрон. Интишороти илмӣ ва нашри илм. Чопи хафтум. 1374 хичрӣ. – С. 1008-1012. – в кн. 1282 с..
34. Саидов А. Социально-экономическое положение Бухарского ханство в XVII – первой половине XVIII вв. – Душанбе, 2006.
35. Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об их обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. – 1948. – Т. V.
36. Средняя Азия. Ежемесячное литературно-историческое издание. Ред. А. Киснер. – Ташкент, 1910.
37. Таниева Т.М. Карши вилоятининг Бухоро амирлиги сиёсий, ижтимоий – иктисодий хаётида тутган урни (XVIII асрнинг иккинчи ярми –XIX асрнинг биринчи ярми). Тарих фанлари номзоди илмий даражасиниолиш учун ёзилган диссертация. – Тошкент, 2008.
38. Тухтаметов Т. История таджикского народа в первой половине XVIII в. – Душанбе, 1991.
39. Фарханги забони точикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX) // Зери тахрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Хошим, Н.А. Маъсумӣ. Чилди I. Советская энциклопедия. – М., 1969.
40. Фарханги тафсирии забони точикӣ (иборат аз 2 чилд). чилди 1. Нашри дуюм // Зери тахрири Сайфиддин Назарзода, Аҳмадчон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Хасани Султон. – Душанбе: Бухоро, 2015.
41. Халикова Р. Звания и должности в Бухарском эмирате // Наука и жизнь. – 2000. – № 4. – С. 12-14.
42. Халикова Р.Э. Административно-политическое управление Бухарского эмирата // История, независимость, национальная идея. – Ташкент, 2001. – С. 206-208.
43. Халфин Н.А. Британская экспансия в Средней Азии в 30-40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. – 1958. – № 2.
44. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1847–1868). М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
45. Чехович О.Л. К истории Узбекистана в XVIII в. // Труды ИВ АН Узб. ССР. – Вып. 3. – 1954.

КОСИМОВ Файзали Махмадович,
аспирант отдела истории государства и права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Аннотация. *Анализируется оперативно-розыскная деятельность в историческом Таджикистане со времен Ахеменидов до наших дней. Подробно рассматриваются этапы развития оперативно-розыскной деятельности Таджикского государства, отмечается, что в современных условиях именно на органы внутренних дел легла основная ответственность по обеспечению стабилизации общественно-политической обстановки в республике и борьбы с преступностью.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность; Таджикистан; правопорядок; органы внутренних дел; борьба с преступностью.*

KOSIMOV F.M.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE HISTORIC TAJIKISTAN

The summary. *Operatively-search activity in historical Tajikistan since times Achaemenids is analyzed up to now. Stages of development of operatively-search activity of the Tadjik state are in detail considered, it is noticed, that in modern conditions on law-enforcement bodies the basic responsibility on maintenance of stabilisation of political conditions in republic and struggle against criminality has laid down.*

Key words: *operatively-search activity; Tajikistan; the law and order; law-enforcement bodies; struggle against criminality.*

Рассматривая деятельность определенных государственных органов, создаваемых в государственных образованиях на территории современного Таджикистана, можно прийти к выводу, что при возникновении первых государств Пешдадидов и Каянидов были образованы определенные государственные структуры власти, осуществлявшие полицейские функции, в том числе оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). Анализ содержания таких функций показывает, что на протяжении всего указанного периода они проводились единообразно и в сфере ОРД не имели существенных различий.

Первая информация ОРД на территории современного Таджикистана имеет давнюю историю. В частности, судя по историческим источникам, можно предположить, что формирование полицейской службы (естественно, не в современном понятии) началось еще во времена Ахеменидской империи (V-IV вв. до н.э). Персидская держава Ахеменидов (правящая в ней династия) была конгломератом многочисленных племен и народностей, говоривших на разных языках, живших своей жизнью и

сохранявших свою организацию и управление. Фактически единственным связующим началом для всей огромной державы была верховная власть персидского царя – «господина царей», как он официально именовался. О величии Ахеменидов писали не только таджикские историографы, такими их считали в древнеримских, древнекитайских и древнеармянских летописях, считают и современные исследователи [3; 36]. По мнению И. Умарзода, «государство Ахеменидов» в течение 229 лет, завладев почти всем миром, совершило такие дела, которые были направлены на процветание и благополучие человечества» [45, стр. 212].

Ахемениды пытались создать систему централизованного управления государством. Они использовали принцип отраслевого регулирования общественных отношений, и государство здесь играло весьма значимую роль (отраслевое управление в истории таджикской государственности начинается с Пешдадидов [49, стр. 57-58]). Вся держава была разделена на наместничества (сатрапии), каждое из которых управлялось наместником (сатрапом), пользовавшимся всей полнотой военно-административных поступлений налогов в царскую казну, они могли также чинить суд и расправу. Сатрапам подчинялись местные цари и правители. По мнению Ричарда Фрая «при первых Ахеменидах, не существовало должности «премьер-министр» и везира. Царя окружали его друзья и доверенные лица, которым он поручал выполнение важнейших дел» [47, стр. 138-139].

Ахемениды, в основном Кир (Куруш) и Дарий Великий (Дариюш) (522-486 до н.э.), впервые провели комплексные реформы, касающиеся регулирования общественных процессов сферы управления с помощью законов и эффективно использовали их в управлении. Однако в конце V-IV вв. до н.э. ахеменидская административная организация обнаружила полную неспособность справиться с центробежными силами, раздиравшими государство. Сатрапы постепенно превращались в фактически самостоятельных правителей, враждовавших и даже воевавших между собой. Отдельные общества и властители выходили из-под контроля верховной администрации [53, стр. 14]. Таким образом, они завершили процесс становления ОРД, которые были начаты ещё при Пешдадидах и Каянидах.

Следует отметить, что «империя Ахеменидов перестала существовать в 30-х годах IV в. до н.э. в результате завоевания ее войсками Александра Македонского, благодаря сообщениям агентов из Персии он прекрасно знал о неустойчивом положении армии Ахеменидского государства» [6, стр. 112].

Наличие армии способствует установлению особого правопорядка, результатом которого является установление наказания за его нарушение. Дарий III – последний ахеменидский шах, выступивший против Александра с неопытной армией, с полусонными от ожирения военачальниками, не имевшими представления о военной технике, и армия Дария не выдержала внезапного нападения Александра и была поражена. Разбитый и фактически лишившийся власти Дарий III, окруженный небольшой кучкой сторонников, бежал на восток, где и был убит одним из сопровождавших его лиц – правителем Бактрии Бессом [45, стр. 343].

При организации управления завоеванными землями греки сохранили институт сатрапов. При них назначались должностные лица, ведавшие военными и финансовыми делами. Сатрапы Александра в отличие от Ахеменидов не имели права чеканить монету и держать наемное войско. В остальном управление оставалось таким же, каким оно было при персах. Конечно, характер реформ в разные периоды развития таджикской государственности менялся. Чтобы укрепить власть, Александр склонял на свою сторону местную знать, идя ей на значительные уступки.

После смерти Александра Македонского в созданной им громадной империи началась длительная борьба за власть, которая привела к распаду Греко-Македонского государства на несколько частей. Средняя Азия вошла в состав одного из вновь образовавшихся государств, а именно государства Селевкидов. Около 250 г. до н.э. на территории Южной Туркмении вспыхнуло восстание кочевников: они основали самостоятельное Парфиянское государство. Почти одновременно с этим, умело используя ослабление Слевкидов и недовольство народных масс, наместник Бактрии грек Диодот порвал связь с Селевкидами и нередко воевали друг с другом. Постепенно они расширили свои пределы. Греко-Бактрийское государство захватило Согд, Афганистан, а впоследствии северо-западную Индию. В зависимости

от Греко-Бактрии находились Хорезм и Фергана.

После захвата Греко-Бактрии пять племен, входивших в юэчжийский союз, заняли отдельные территории. Прошло столетие, один из правителей этих племен – Кудзула Кадфиз, происходивший из рода Кушан, подчинил себе все пять территорий и основал Кушанское царство (I – IV вв. до н.э.). Он и его преемники, особенно самый знаменитый из кушанских царей-Канишка, вели завоевательные войны и подчинили своей власти Северную Индию, Афганистан и значительную часть Средней Азии. Столицей царства стал индийский город Пешовар. Кушанское царство было одним из крупнейших государств Востока.

Однако в III в.н.э. Кушанское царство начало слабеть и под ударами вновь возникшего на западе Сасанидского государства к IV в. окончательно распалось.

В государстве эфталитов и Тюркском каганате действовало главным образом обычное право, возникшее у оседлого населения и кочевников. Со времени завоевания Средней Азии арабами здесь усиленно насаждалась система мусульманского феодального права. Мусульманское право, выражавшее интересы землевладельцев, купцов, духовенства, все более вытесняло местное обычное право, в особенности у оседлого земледельческого населения. Одной из движущих политических и военных сил государства Саманидов [15; 16; 17; 18; 21; 22; 32], обеспечивающих прочность государства с помощью различных оперативно-розыскных мероприятий, была «…наемная тюркская гвардия, рекрутировавшаяся из купленных рабов тюркского происхождения, проходивших специальную подготовку. Подобная практика не была необычной для средневековых государств.» [25, стр. 52]. Части этой гвардии направлялись во все крупные области и города для обеспечения безопасности, охраны границ и решения других важных вопросов социальной и политической жизни страны.

В системе исполнительных административных органов власти и вообще, в Саманидском государстве действовало общество «Айяров», деятельность которых подробно описана в знаменитом 12-томном произведении Фарамарза Худодода «Самак-айяр» [46].

В период правления Саманидов айяры нанимались местными баями, феодалами и должностными лицами двора в качестве шпионов (их также покупали как рабов), помощников и слуг, они выполняли особые поручения и разные задания. В данной книге приведено очень много примеров и сюжетообразных событий, в которых очень образно и эффективно используются методы оперативно-розыскной работы в её классическом варианте.

Чаще всего айярами становились обращенные в рабство воины, попавшие в плен в ходе сражений с соседними государствами. Рабов обычно использовали для выполнения работ по дому. Умные, хитрые и одаренные талантом рабы использовались в качестве агентов, сборщиков информации, в работе исполнительных органов власти, в частности, в органах дивана мухтасиба, ведомства сахиби-хараса, в других силовых и военных структурах, осуществляющих ОРД.

Исторические, юридические и литературные материалы, другие источники свидетельствуют о том, что айяры («ловкачи») работали под видом рабов, скоморохов, артистов, слуг, телохранителей и т.п. [41].

Как пишет Б.Г. Гафуров в своей книге «Таджики», в период правления Султана Махмуда Газневида (998-1030 гг.), государство таджиков достигло наибольшего могущества. Султан придавал большое значение государственному сыску. Кроме приставленных к каждому правителю секретных агентов, при Махмуде состоял специальный чиновник, обязанностью которого был сбор информации о внутреннем положении, действиях и настроениях местных правителей. Султан Махмуд приставил соглядатаев даже к своим родным детям, в том числе, и к престолонаследнику – Масуду. Но и у Масуда при дворе отца были тайные осведомители [7, стр. 110].

«Таджикистан как часть Центральной Азии в течение более двух тысячелетий, – *пишет Хэлфорд Маккиндер,* – был «сердцем мира» [30, стр. 57], куда тянулись армии и народы, которые достигли высокого развития производительных сил и военного могущества. Это и персидская держава (550-330/329), и Александр Македонский (329-324 гг. до н.э.), а затем Селевкиды, тюркские племена (VI-VII вв.), Арабский халифат (652-1258 гг.), тюркские государства (XI-XIII), монголы (1219-1370) и другие племена и народности» [4; 31; 43].

Поражение в Крымской войне 1853 – 1856

гг. привело к необходимости переорентировать внешнюю политику России с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток, в первую очередь на Среднюю Азию. Анализируя результаты Крымской войны, К.Маркс в своем «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия»» писал: «Итак, для Всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт… Но если закрыт путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный – Бухара, Персия, Афганистан, Ост-Индия, наконец, Константинополь» [23, стр. 172].

Ориентация на Среднюю Азию была вызвана и мировым экономическим кризисом 1857 г., серьезно затронувшим экономику России.

На завоеванной территории Средней Азии царское правительство образовало в 1865 году Туркестанскую область с центром в городе Ташкенте. В 1867 году эта область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство. Руководством к управлению краем стало временное положение 1867 года, утвержденное царем. Согласно положению был установлен принцип «военно-народного» управления. Сущность его заключалась в следующем: сосредоточение военной и административной власти в одних руках; устройство этих органов наподобие российских; выборное начало низших органов власти; отделение от администрации органов суда, полиции и т.п.

Принцип «военно-народного» управления впоследствии был подкреплен Положением об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 года. На основе этого положения управление краем, за исключением судебного, финансового, полицейского и почтово-телеграфного ведомств, находилось в ведении военного министерства Российской империи.

Генерал-губернатор был наделен необычайно широкими полномочиями. Вся власть в крае была сосредоточена в его руках. Губернаторы областей назначались и смещались царем по представлению военного министра после согласования с Туркестанским генерал-губернатором и министром внутренних дел.

Каждая область делилась на уезды, во главе их стояли уездные начальники. Уезды делились на участки, управляемые участковыми приставами, полицмейстерами и полицейскими приставами, осуществлявшими административно-полицейские функции (в том числе проведение ОРД и ОРМ – К.Ф.)

Р. Масов утверждает, что «образование Туркестанской АССР и Российской Федерации явилось большим историческим событием, сыгравшим большую роль в решении национального вопроса в Средней Азии, сильно ударившим как по великодержавному шовинизму, так и по тем силам, которые мечтали о создании на территории региона великого Туркестана – объединении всех тюркских народов в единое, независимое от России государство, ориентировавшееся на Турцию» [24, стр. 6].

В связи с угрожающим положением, сложившейся в Бухарской Народной Советской Республике (БНСР), в январе 1922 года была создана Чрезвычайная Диктаторская Комиссия Всебухарского ЦИК по делам Восточной Бухары. В комиссию вошли Н. Хакимов, А. Акчурин, Р. Баймуратов и другие руководящие работники республики.

Важную роль в усилении борьбы с басмачеством, в БНСР сыграла поездка ее руководителя Файзулы Ходжаева в Москву, во время которой он подробно доложил обстановку в республике [5, стр. 51].

В работе соответствующих государственных органов Таджикской АССР, созданной в 1924 г., а затем Таджикской ССР, образованной в 1929 г., при проведении отдельных сыскных операций, направленных на борьбу с басмачеством, активно использовались воинские части, активисты Советской власти из числа местных жителей, чекистские и милицейские органы.

В становлении милиции и сыскной службы в Таджикистане особая роль принадлежит Протоколу №7 заседания Революционного Комитета Таджикской АССР, подписанный его председателем М. Дадабаевым 6 февраля 1925 года.

Несмотря на исключительную загруженность работой, отсутствие опытных командиров и малочисленность рядового состава, подавляющее большинство которых были неграмотными, таджикская милиция в целом успешно справлялась с поставленными перед ней задачами. Свидетельством тому является то, что за 1925-й год было убито 84 басмача, ранено-57, взято в плен 237 басмачей [50], с которыми оперативно-розыскными сотрудники и органами дознания вели работу.

В связи с этим НКВД республики было

предложено срочно приступить к реорганизации милиции и формированию новой рабоче-дехканской милиции, столь необходимой, как для борьбы с басмачеством, так и для защиты органов власти. В создании таджикской милиции, как в центре, так и на местах важное значение имели Постановление от 27 января 1925 года, доклад Ревкома от 6 февраля и 2 декабря 1925 года, в соответствии с которыми для скорейшей организации таджикской милиции были мобилизованы все силы и средства. В этот период, проводя ОРМ, особую роль сыграла милиция и чекистские органы в уничтожении банд Ибрагимбека, Иса-хана, Ниязапарвоначи, Абдулкаюма-парвоначи, Сулаймана, мулло Ахмед-бея и др., которые совершали разбойные набеги на села и кишлаки, грабили мирное население, убивали активистов.

Значительный вклад в организацию и укрепление органов милиции и ее сыскной деятельности на начальном этапе внесли Ф.Я.Ижевский, Р.Рахимов, Е. Мишерник (в городе Душанбе), Ф. Тулганов, П. Петров (в Курган-тюбинском вилояте), А. Ярмухамедов, М. Локотов (в Кулябском вилояте), Ш. Шарипов, Т. Ташрипов, Зухур Карахан (в Гармском вилояте), М.Аминов, М. Латифбеков, Т. Куратов (в Пенджикенте), Бобо Садыков (в Ура-тюбе -ныне Истравшан) и др.

Завершившееся к концу 1925 года формирование таджикской милиции стало новым этапом ее развития и совершенствования деятельности органов НКВД по сыскной работе. В 1924-1929 годы милиция как орган государственной власти, занимала важное место в системе административного аппарата. Она на местах активно проводила в жизнь политику государства, обеспечение законности, личных и имущественных прав граждан, вела борьбу с преступностью и басмачеством, а также осуществляла многообразную административную деятельность, тем самым внесла значительный вклад в укрепление социально-политических и экономических основ республики.

В деятельность по сыскной работе милиции входили ответственные задачи, в частности, надзор за соблюдением правил службы в государственных учреждениях республики, надзор над тем, чтобы в выборах в Советы не участвовали лица, лишенные по Конституции избирательных прав, учет сообществ, преследующих цели извлечения прибыли, регистрируемые Народным Комиссариатом внутренней торговли, учет религиозных обществ и выдача разрешений на созыв их съездов, регистрации торговых предприятий, промысловых патентов и документов на занятие личным промыслом, частную политику и многое другое [42].

5 февраля 1925 года параллельно с функционированием НКВД, в том же месяце после проведенных совещаний была намечена организация структуры аппарата Уголовного розыска в Таджикской АССР и рассмотрен план работы ОУР ЦАУ НКВД на ближайшее время. Как и другие органы милиции, бывший стол Уголовного розыска при Главмилиции Восточной Бухары со штатом из 3 человек был совершенно неработоспособен ввиду малочисленности состава, полного отсутствия средств и руководящих инструкций, а потому не мог обслуживать даже территорию города Душанбе [51].

В функциональные обязанности названного Главного управления впервые было введено проведение розыскной деятельности [26].

В годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) таджикская милиция направила 381 работника, имеющих опыт в сыскной работе (которые были приобретены в борьбе против басмачества) на постоянную работу на территорию Украины, Белоруссии, РСФСР и в прибалтийские республики; 1630 таджикских милиционеров воевали с фашистскими захватчиками, четверо из них – М.И. Новосельцев, Э. Шарипов, М. Ховаджи и В.Г. Недошивин были удостоены высшего звания Героя Советского Союза [29, стр. 121]. Таджикские милиционеры совместно с сотрудниками органов внутренних дел других республик Советского Союза воевали на фронтах Великой Отечественной войны, боролись с преступностью в тылу, обеспечивая победу советского народа над фашистскими захватчиками [1; 2; 9; 10; 19; 20; 27; 28; 33; 35; 38; 39; 40; 44; 48].

Только после Великой Отечественной войны началось восстановление кадрового состава оперативных аппаратов, предпринимались организационные меры, направленные на возобновление теоретических исследований в области ОРД.

В 50-60 годы в деятельности таджикской милиции происходили огромные по своим масштабам изменения. Создаются новые

управления и отделы, а также службы, в функции каждого из которых частично вменялось предоставление информации и оказание помощи сыскным службам. Таким образом, наряду с отделом по борьбе с бандитизмом, который был наделен правом осуществления оперативно-сыскной работы, были созданы следственный отдел, отдел наружной службы, ДНД, товарищеские суды, инспекция по работе с несовершеннолетними, политотделы, ночная служба милиции, специальные моторизированные части милиции, профилактическая служба, опорные пункты охраны порядка, медицинская служба на автотранспорте, ЭКЧ и др.

За период с 1930 по 1983 годы личный состав подразделений таджикской милиции осуществлял свою деятельность согласно Законам, Указам, Постановлениям и другим нормативным актам Правительства СССР и Таджикской ССР. В Советский период в Таджикистане, как и в других союзных республиках, длительное время ОРД регламентировалась ведомственными, как правило, закрытыми нормативно – правовыми актами. В МВД СССР и МВД союзных республик издавали специальные приказы, которые регламентировали порядок проведения ОРД оперативными службами ОВД. Имевшаяся нормативная база не обеспечивала гарантий соблюдения законности, прав и свобод человека и гражданина, оказавшегося субъектом правоотношения в сфере ОРД, а также ставила под сомнение правомерность использования оперативными подразделениями специальных методов и средств и снижала эффективность их деятельности в борьбе с наиболее опасными преступлениями.

Определенное законодательное закрепление ОРД получила в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в которой указывалось, что на органы дознания возлагается проведение необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступлений и лиц их совершивших. В ранее действующем уголовно-процессуальном законодательстве об оперативно-розыскных мерах упоминалось лишь в общем виде в ст. 118 УПК РТ, возлагающее на органы дознания принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения преступлений и лиц их совершивших [37, стр. 11].

Определенным шагом в правовой регламентации ОРД можно считать принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью». В нем содержались нормы, обосновывающие законность осуществления милицией оперативно-розыскных и других мероприятий для решения стоящих перед ней задач.

Начавшаяся в 1985 году перестройка стимулировала процесс разработки законодательных актов, регулирующих вопросы борьбы с преступностью и иные вопросы деятельности правоохранительных органов. В это время Верховным Советом СССР были приняты Законы «О советской милиции» и «Об органах государственной безопасности СССР». С принятием этих законов было законодательно закреплено осуществление ОРД МВД и КГБ СССР [37, стр. 12], началось системное научное осмысление оперативно-розыскной деятельности [8; 11; 12; 13; 14; 34].

Республика Таджикистан после распада СССР, ставшая суверенным государством, пережила гражданскую войну. В течение 1992-1993 гг. в республике вся система органов государственной власти и управления была разрушена и парализована, в том числе и в сфере обеспечения правопорядка. Государство постепенно теряло способность защищать своих граждан и обеспечивать правопорядок. Пережив период гражданской войны, Таджикистан столкнулся с целым комплексом новых экономических, социальных, военных и политических проблем. Последствия вооруженного конфликта в стране накалили и криминогенную обстановку. В таких тяжелых условиях именно на органы внутренних дел легла основная тяжесть и ответственность по обеспечению стабилизации общественно-политической обстановки в республике и борьбы с преступностью [52, стр. 7-10].

Здесь следует учесть основы распределения полномочий органов государственной власти, власть должна поддерживаться, в том числе и с помощью субъектов ОРД и других способов государственного администрирования. Один из классиков философии правового и политического сознания Г. Лассвелл справедливо отмечает, что «власть начинается там, где есть информация, она оценивается, принимается решение, оно исполняется и достигается поставленная цель» [54, p. 37].

На основе анализа различных источников, можно сделать вывод о том, что ОРД государства в истории таджикской государственности прошла несколько этапов развития, которые состоят в следующем:

- первый этап – становление и развитие ОРД при зороастрийской правовой системе;
- второй этап – развитие ОРД при мусульманской правовой системе;
- третий этап – ОРД при совместном развитии мусульманской, традиционной и российской правовой системы во второй половине XIX – начале XX века, после присоединения территорий досоветского Таджикистана к России;
- четвертый этап – становление и развитие ОРД при системе советского права (с начала XX века до начала 90-ых гг.);
- пятый этап – развитие ОРД при постсоветской правовой системе Таджикистана.

Применительно к науке ОРД следует выделить также отдельные, практические этапы развития этой сферы деятельности:

1) период правового «застоя» ОРД через режим секретности с соблюдением принципа скрытности и период развития теории ОРД;
2) период гласности ОРД в годы независимости Республики Таджикистан, которая длится и по настоящее время.

Началом нового этапа развития правоохранительных органов и глубокое реформирование как в целом системы МВД Республики Таджикистан, так и ее внутренней структуры можно считать принятие Законы об оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и милиции.

Список литературы

1. Алимов Х.Р. Административная деятельность органов милиции Узбекистана (1941-1945): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ташкент, 1985 – 23 с.
2. Биленко С.В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1969. – 120 с.
3. Бобоева Н.И. Эволюция государственной власти в историческом Таджикистане (IX – XIV вв.): Дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2014.
4. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Ч.1. (на тадж.яз.). – Душанбе, 2013.– 256 с.
5. Валишев А.Н. Чекистские были. – Душанбе: Ирфон, 1988. С.51.
6. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга 1. – Душанбе: Ирфон, 1989.
7. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга 2. – Душанбе: Ирфон, 1989.
8. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
9. Емелин С.М. Борьба с общеуголовной и экономической преступностью в СССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: основные направления и правовые механизмы противодействия // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 30-40.
10. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
12. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
13. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. История возникновения и развития оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 30-40.
14. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. История взаимодействия криминалистических и оперативно-розыскных знаний // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 186-194.
15. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
16. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе:

Деваштич, 2003. – 200 с.
17. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Разделение властей в Саманидском государстве: методологические подходы и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 96-104.
18. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Государственная власть Саманидов: некоторые факторы, способствующие ее развитию // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 52-65.
19. Костин В.И. Борьба с хищением социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький, 1982.
20. Лахутина В.Т., Незвигин Г.В. Развитие органов внутренних дел Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).. – Караганда: Караганд. ВШ МВД СССР, 1982. – 96 с.
21. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.
22. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Местное управление в Саманидском государстве: некоторые общетеоретические аспекты // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 67-76.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.18. – М., 1961.
24. Масов Р.М. История топорного разделения. – Душанбе: Ирфон, 1991.
25. Масон В.М. Вклад Саманидского государства в политическую и культурную историю Центральной Азии. 1100-летие государства Саманидов / Материалы Международного семинара. – Душанбе: Адиб, 1999.
26. Милиция – 75 лет // Журнал МВД Республики Таджикистан. – 2000. – С. 3-17.
27. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
28. Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т. История советской милиции: Хронологический справочник. – Л., 1976.
29. Назаров Н. Организационно-правовые основы создания и развития таджикской милиции (1917-1945). – Душанбе: Эр-Граф, 2009.
30. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика / Под ред. В.И. Староверова. 5-е изд., перераб. И доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 647 с.
31. Насурдинов Э.С., Сафаров Д.С. История государства и права Таджикистана (от древнейших времён до X в.). – Душанбе, 2013. – 357 с.
32. Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе, 1977.
33. Незвигин Г.В. Деятельность милиции Советского Казахстана по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1980. – 184 с.
34. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. С.В. Степашина. – СПб., 1999.
35. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 427-439. – (Серия: «МВД России 200 лет).
36. Рахимзода Р.Х. Ахеменидская империя и розыскная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5.
37. Рахимов Р.Х. История создания и развития национального законодательства Республики Таджикистан в области оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. – Душанбе, 2005.
38. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
39. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Восстановление органов внутренних дел на освобожденной территории и их деятельность по ликвидации последствий войны, охране общественного порядка на Северо-Западе РСФСР // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 401-426. – (Серия: «МВД России 200 лет).
40. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
41. Сузани. Куллият. Рукопись библиотеки отдела востоковедения и литературного наследия АН Таджикистана № 440, лист 98, б-99 а.
42. Таджикская милиция. История и современность // Труды Академии МВД РТ. – 2002. – Вып.4. – С. 18-19.
43. Тахиров Ф.Т. История государства и права Таджикистана. Т.2. Ч.1. – Душанбе, 2001.– 492 с.
44. Тимченко А.П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной

войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис. … канд. юрид. наук. – Киев, 1981.
45. Умарзода И. Арийцы. – Душанбе, 2010.
46. Фаромарзи Худодод. Самаки айёр (на тадж. языке). – Душанбе: Ирфон, 1972.
47. Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 2002. – С138-139
48. Хвичия П. Очерки истории грузинской советской милиции. 1938 – 1960 гг.: В 3-х т. Т. 2. – Тбилиси, 1962. – С . 66-161.
49. Холиков А. История государства и права Таджикистана. Ч.1 (на тадж.яз). – Душанбе, 2014.
50. ЦГА РТ. Ф.9, оп.1, д. 54, л 53.
51. ЦГА РТ.Ф.9, оп.4, д. 2, л. 8об.
52. Шарипов Х.Х. Действия личного состава МВД при проведении специальных операций. – Душанбе, 2003.
53. Шифман И.Ш. Александр Македонский. – Л., Наука, 1988.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, профессор кафедры гражданско-правовых наук 2 факультета Академии МВД РТ, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

«ЖИЗНЬ» И «ПРАВО НА ЖИЗНЬ» КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Аннотация. *Анализируется право человека на жизнь, которое является наивысшей ценностью, так как все остальные права и свободы зависят от этого права. Рассматриваются проблемы юридического определения понятия «жизнь», правомочий по распоряжению жизнью. Отмечается, что важнейшим аспектом обеспечения права на жизнь выступает деятельность государства по созданию благоприятных социально-экономических условий для своих граждан.*

Ключевые слова: *жизнь; право на жизнь; правомочия по распоряжению жизнью; право на смерть; естественное право.*

BABADZANOV I. Kh.
SAL'NIKOV M.V.

"LIFE" AND "RIGHT TO LIFE" AS A CATEGORY OF LEGAL PHILOSOPHICAL SCIENCE

The summary. *The human right for a life which is the highest value as all other rights and freedom depend on this right are analyzed. Problems of legal definition of concept "life", competences under the order are considered by a life. It is noticed, that as the major aspect of maintenance of the right to a life state activity on creation of favorable social and economic conditions for the citizens acts.*

Key words: *life; the right to a life; competences under the order a life; the right to death; the natural right.*

Сегодня в рамках цивилизованного общества жизнь рассматривается в качестве абсолютной социальной ценности высшего приоритета, которая должна гарантироваться и охраняется правом. «В связи с этим в последнее десятилетие категория «право на жизнь» стала объектом пристального внимания различных отраслей знания, в том числе и гуманитарного» [146, стр. 10-11]. В соответствии с этой общей посылкой, право на жизнь должно рассматриваться как особое субъективное право, согласуясь с общей логикой исследования любого субъективного права, так как является в определенном смысле частным проявлением более общего явления.

Жизнь является величайшим и самым важным из социальных и правовых благ личности. Ибо все остальные права, свободы и обязанности утрачивают смысл и значение в случае гибели человека.

Исследованию данной проблемы много внимания уделяют философы, социологи, биологи, психологи, медики, экономисты и другие ученые. Пришло время и юристам попытаться определить, что представляет собой жизнь и право на жизнь. Данная проблема для правовой науки является далеко не простой и имеет первостепенную значимость. Это объясняется тем, что в действующем законодательстве и правоприменительной практике возникает достаточно много вопросов с определением правового содержания и правовых критериев нормального функционирования жизни человека, а также начала и конца жизни. Имеет место неопределенность в механизме регулирования, осуществления, охраны и защиты различных сторон жизни. Определенности в понятии, способах регулирования и реализации данного права, мы пока не имеем. Наука и действующее законодательство не дают полного и четкого ответа на вопросы, касающиеся нормального функционирования жизни. Гражданско-правовая доктрина пытается избежать здесь прямого ответа. Задача же заключается в том, чтобы четко определить и сформулировать в гражданско-правовой науке правовое содержание и правовые критерии нормального функционирования жизни человека, ее начала и конца. По нашему мнению, эта проблема совсем недавно стала исследоваться учеными – юристами.

Конституция Республики Таджикистан (ст.5) объявляет жизнь человека «высшей ценностью», провозглашает в качестве основного права право на жизнь и гарантирует его запрещением «произвольного лишения жизни» (ст. 18 Конституции) [2]. В российской Конституции данное правило закреплено в статье 2 [1].

Как объект юридической охраны жизнь закреплена Конституцией Таджикистана и ГК (ст. 170) впервые. Ни одна из предшествующих отечественных конституций, ни текущее законодательство в прошлом права на жизнь не содержали. Наше законодательство шло по пути охраны отдельных элементов жизни применительно к различным сферам социальной действительности (например, неприкосновенность личности, тайна переписки, врачебная тайна и др.). В настоящее время отчетливо стал вопрос о реализации субъективного права человека на жизнь. Для того, чтобы успешно разрешить его, необходимо определить категорию жизни [77, стр. 56].

Для человека, на которого, кстати, прежде всего и направлено действие права, наивысшим благом является именно жизнь. Поэтому главнейшее общественное благо состоит в ее обеспечении. И наоборот, считаем, что общество, государство оправдывают и обеспечивают свое существование только тогда, когда они в силах защитить жизнь своих граждан.

Признание государством права на жизнь означает, что жизнь человека является наивысшей ценностью, ибо все остальные права и свободы зависят от этого права. Право на жизнь является необходимым условием других прав и свобод. В этом смысле право на жизнь носит абсолютный характер, а жизнь человека является абсолютной ценностью [135].

Полагаем, что именно поэтому положение о праве на жизнь провозглашено всеми важнейшими международно-правовыми документами по правам человека.

Так, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека констатируется, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [14].

В ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [86].

Связь права на жизнь и запрета произвольного ее лишения подчеркивается и в Европейской

конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [57].

Региональные конвенции также придерживаются устоявшейся традиции. Аналогична по содержанию Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [58].

Американская конвенция о правах человека, закрепляя право на жизнь в ст. 4, основное содержание посвящает ограничениям применения смертной казни. Пункт 2 указывает, что таковое может устанавливаться только за наиболее серьезные преступления. Далее расшифровывается, что она не может быть назначена за политические и схожие с ними преступления.

Арабская хартия прав человека, подобно Всеобщей декларации прав человека, объединяет в одной статье (ст. 5) право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, дополняя, что эти права защищены законом [6].

В статье 2 Каирской Декларации – «Жизнь человека определена, как дар от Бога, и право на жизнь гарантировано каждому человеческому созданию» [26, стр. 16].

Фундаментальный характер права на жизнь широко признается как международными судами по правам человека, так и многими теоретиками в этой области*. Более того, определение этого права как «неотъемлемого» (ст. 6 Международной конвенции о гражданских и политических правах) показывает также, что оно является частью международного обычного права.

Следует отметить, что текстуальное закрепление в европейских конституциях права на жизнь строится практически по одинаковой схеме. Либо краткая констатация данного права (ст. 28 Конституции Республики Болгария; ст. 2 Конституции ФРГ), либо еще фиксируются и гарантии недопущения произвольных казней или полного запрета на применение данного вида наказания. Например, Конституция Португалии (ст. 17) провозглашает: «1.Человеческая жизнь неприкосновенна. 2. Применение смертной казни не допускается» (ст. 24). Аналогичная формулировка содержится в Конституции Республики Словения (ст. 17): «Человеческая жизнь неприкосновенна. В Словении нет смертной казни». Ст. 1 главы V Конституционного закона Республики Албания «Об основных конституционных положениях» гласит: «Право человека на жизнь защищается законом. Никто не может быть лишен жизни, иначе как на основании вступившего в законную силу приговора суда, вынесенного в связи с умышленным, особо тяжким преступлением, за которое законом в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь. Смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18-летнего возраста, а также к женщинам». Таким же примером являет собой ст. 21 Конституции Республики Хорватия: каждый человек имеет право на жизнь. В Республике Хорватия нет смертной казни.

Конституция Словацкой республики (ст. 15) и Конституция Чешской республики (ст. 6) дополнительно выделяют, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения. Конституция Ирландии идет по такому же пути: «Государство признает право на жизнь нерожденного и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право» (ст. 40).

Применительно к такому способу текстуального закрепления следует выделить значение словосочетания «право на жизнь нерожденного». Противники такого подхода могут отметить, что нерожденный не может существовать вне организма матери. Он лишен способности самостоятельно функционировать. Отсутствует дыхание, система кровообращения зависит от материнского организма и т. д. Можно ли говорить, что нерожденный живет? С другой стороны, лицо, находящееся в коме, также поддерживается с помощью искусственных мероприятий (вентиляция легких, питание, кровообращение). Однако нельзя говорить, что с потерей сознания человек утрачивает и право на жизнь [120, стр. 18-19].

Следует добавить, что право на жизнь – всего лишь констатация данного явления со стороны государства в том смысле, что государство не может самостоятельно создать новую жизнь. Для этого необходима инициатива человека. Зарождение жизни – последовательный биологический процесс, который с момента слияния сперматозоида с яйцеклеткой не зависит от воли индивидуума. Возможно прерывание жизни, но и как в случае убийства необходимо сознательное совершение определенных действий, одного лишь волеизъявления будет недостаточно. Процесс зарождения человека и его появления на свет носит необратимый характер, он может быть

только прерван, но самостоятельно приостановиться не сможет [120, стр. 20].

Нередко конституционное закрепление права на жизнь происходит в комплексе с другими правами в рамках одной статьи. Примером может служить ст. 15 Конституции Испании [59; 60]: «Все имеют право на жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, никого ни в коем случае нельзя подвергать пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Отменяется смертная казнь, за исключением случаев, предусмотренных военными уголовными законами во время войны» [150].

Итак, право на жизнь – одно из важнейших личных прав и свобод, гарантирующих телесное существование человека, как биологического существа и субъекта общественных отношений. И либо благодаря этому, либо вопреки – содержание, соблюдение и защита этого права порой становятся предметом острой полемики, поскольку затрагивают широкий спектр различных сфер жизнедеятельности общества и государства: право, политику, мораль, религию, философию, медицину.

Как правило, при характеристике права на жизнь делается акцент на его естественном характере. Под этим подразумевается, что «мать естественного права есть сама природа человека» [25, стр. 45].

Концепция естественного права находит свои истоки в Античности [13; 82; 92; 118; 144] и Средневековье [47; 79; 84; 142]. В полной мере она развивается в условиях Нового времени и Возрождения в Западной Европе [12; 72; 73; 74; 75; 104; 126; 136; 137; 141; 148]. В России ее распространение связывают с именем профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета Александра Петровича Куницына, который подготовил и опубликовал в двух томах объемный труд «Право естественное» [70; 71], который стоил ему отречения от государственной службы и пожизненно – от педагогической деятельности во всех университетах России [119; 134]. Предметом развития этой концепции занимались представители классической немецкой философии [21; 50; 51; 101; 149] и сторонники постклассической философии [45; 54; 56; 91; 93; 96; 102; 103; 131; 140]. Ее изучали сторонники русской религиозно-нравственной философии [4; 5; 29; 30; 31; 63; 64; 69; 112; 113; 114; 115; 116; 117; 123; 124; 125; 152] и школы возрожденного естественного права [67; 68; 110; 111; 127; 128; 129; 130]. В конце же XX – начале XXI века доктрина естественного права стала господствующей на территории не только США и Западной Европы, но и на постсоветском пространстве [8; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 88]. Именно ее закрепление в Конституциях государств, образовавшихся после распада СССР, сделали ее господствующей почти во всем мире. Например, по мнению профессора С.М. Шахрая, участвовавшего в разработке Конституции России, она полностью базируется на данной доктрине. «Возьмем, к примеру, – *говорит он,* – главу «Права и свободы человека и гражданина». В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность и так далее. Из этого следует, что в отличие от прежних времен, государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства. Как вы помните, раньше такая практика была сплошь и рядом» [76, стр. 160].

На естественно-правовую доктрину как основу российской Конституции обращает внимание Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин. «Отличительной чертой российской Конституции, – *замечает он,* – является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходу к пониманию» [44, стр. 53].

На бинарную природу Конституции России обращает внимание профессор В.М. Шафиров. По его мнению, «Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2)» [153, стр. 2].

Вместе с концепцией естественного права менялось и место права на жизнь в обществе и государстве. Так, теория естественных прав человека, формировавшаяся в XVI – XVII в.в., рассматривала право на жизнь как неотъемлемое свойство бытия. Джон Локк, один из основателей понятия «естественное право», писал: «Человек

рождается, имея право на полную свободу и неограниченность пользования всеми правами и привилегиями естественного закона и по природе своей обладает властью охранять свою собственность, т.е. свою жизнь, свободу и имущество» [100, стр. 310].

При этом среди естественных прав Дж. Локк одним из первых, выделял именно право на жизнь. Шарль Луи Монтескье также подчеркивает, что всем гражданским и политическим законам «предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа» [90, стр. 165]. Иными словами, сторонники концепции естественных прав человека подчеркивали независимость их юридического закрепления от усмотрения законодателя. «Это естественное право абсолютно не обусловлено ни временем, ни местом. Оно существовало бы и было бы тем же самым, если бы даже Бога вовсе не существовало» [62, стр. 19], – отмечал позже русский ученый-юрист Н.М. Коркунов.

Идеи ценности человеческой жизни красочно и образно воплотились в этическом принципе «благоговения перед жизнью», сформулированном в 1915 г. известным гуманистом А. Швейцером, который утверждал: «Человек, отныне ставший мыслящим, испытывает потребность относиться к любой воле к жизни с тем же благоговением, что и к собственной. Он ощущает другую жизнь, как часть своей. Благом считает он сохранять жизнь, помогать ей; поднимать до высшего уровня жизнь, способную к развитию; злом уничтожать жизнь, вредить ей... Это и есть главный абсолютный принцип этики... Этика благоговения перед жизнью, таким образом, объемлет все, что можно назвать любовью, преданностью, сопереживанием» [154, стр. 572].

Однако само право на жизнь впервые нашло свое нормативное закрепление лишь в конце XVIII в. в Декларации независимости США 4 июля 1776 г., в которой в качестве первой среди «самоочевидных истин» провозглашалась та, что «все люди сотворены равными и что все они наделены определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью» [61, стр. 167].

С принятием Декларации в мире стали утверждаться правила о том, что, представляя собой абсолютную ценность мировой цивилизации, право на жизнь должно находиться под максимальной правовой защитой. Право обязано охранять жизнь любого человека вне зависимости от его пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, вне зависимости от места и роли в обществе, вне зависимости от того, может этот человек жить еще много лет или его дни сочтены. Жизнь человека должна охраняться, как абсолютное благо, на которое никто не вправе посягать.

Прошло много лет, но проблема обеспечения права на жизнь и сегодня находится в центре внимания всего мирового сообщества, ученых, общественности, является злободневной задачей в деятельности каждого цивилизованного государства.

И это нисколько не удивительно, так как реальность обеспечения права на жизнь, возглавляющего всю существующую в современном обществе систему прав личности, один из важнейших показателей уровня демократичности государства, если хотите – точка отсчета института прав и свобод личности в правовом государстве [9; 11; 105; 106; 107; 108; 109; 121; 132; 133; 139; 155].

Однако точные нормативные границы права на жизнь слегка размыты. Чем очерчивается жизнь? Только ли фактом рождения, чувственным восприятием окружающего мира и умиранием обозначено данное явление? Выходит ли право на жизнь за пределы простого негативного обязательства государства предотвращать произвольное или незаконное убийство? Или государства обязаны принимать положительные меры, чтобы устранить угрозу праву на жизнь и обеспечить его осуществление (в том числе экономические и социальные меры в таких областях, как медицина, здоровье и жилье)? Такие вопросы не раз ставили перед собой ученые.

Еще в середине XIX века известными русскими юристами П.И. Новгородцевым и И.А. Покровским в качестве основного компонента права на жизнь выделялось право на существование (имеются в виду необходимые и достаточные условия для поддержания физиологической деятельности организма, как-то: пища, медикаменты и т. п.). «Речь идет о том, чтобы обеспечить для каждого возможность существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают физически и нравственно», – писал П.И. Новгородцев [97, стр. 4]. Право, согласно его научной концепции, должно

взять на себя определение известных условных границ, очерчивающих тот уровень жизни, который считается нормой. За его пределами начинается недопустимая крайность, которая, в частности, может выражаться в реальной угрозе голодной смерти конкретного лица [97, стр. 5].

Развивая эту мысль, И.А. Покровский подчеркнул, что «если государство признает себя обязанным спасать людей от голодной смерти – значит, каждый отдельный человек имеет право требовать этого от государства, и, таким образом, искомое право на существование уже есть!» [97, стр. 6].

Не чужда такая позиция и нашим современникам. Находит своих приверженцев она и сегодня [27, стр. 224; 78, стр. 64].

И, тем не менее, весьма опрометчиво проводить знак равенства между правом на жизнь и правом на существование. Поскольку право на существование скорее составляет содержание другого самостоятельного социального права индивида – право на достаточный уровень жизни.

Развивая эту мысль, ряд ученых утверждает, что право на жизнь квалифицируется в международном праве, как императивная норма, или jus cogens, и выражение «неотъемлемое право на жизнь» не должно пониматься в ограниченном смысле. Так, автор очерка «Жизнь» Хал Борленд, рассматривая как право на жизнь регулируется американской Конституцией, описывал: «И право на жизнь, на человеческую жизнь, есть нечто большее, чем право на простое существование. Все мы обладаем правом на существование, но оно даруется нам наряду с долгом прожить полезную жизнь – жизнь, посвященную какой-то цели. Без этого жизнь не имеет осмысленного значения» [94]. Приведенное высказывание предполагает, что «жизнь должна рассматриваться правом не только как форма биологического существования, но и как способ самореализации конкретной личности» [120, стр. 11].

В юридической науке советского периода право на жизнь рассматривалось в составе права на неприкосновенность личности, под которым понималось право на государственную охрану и защиту от неправомерных посягательств на личную безопасность лица. Традиционно в конструкции личной безопасности выделяли три разновидности неприкосновенности: «физическую (жизнь, здоровье, физическая целостность), нравственную (честь, достоинство), духовную (возможность на основе свободы волеизъявления располагать своими поступками, не подвергаться незаконному принуждению)» [122, стр. 76].

«Если Homo sapiens оценивать как биологический вид, то в чем-в чем, а в государстве и праве человек меньше всего нуждается. Дикие животные, микроорганизмы живут вне государственных институтов» [120, стр. 7]. Такой акцент долгое время служил объяснением того, что данное право отсутствовало во всех конституциях советского периода развития нашего государства.

С нормативным закреплением в ст. 18 Конституции РТ 1994 г. права на жизнь появилась возможность его самостоятельного рассмотрения. Право на жизнь – самостоятельное право, имеющее присущую только ему индивидуальную внутреннюю структуру. В то же время никто не оспаривает, что, например, личная неприкосновенность – одно из непреложных условий обеспечения права на жизнь. Однако отдельные авторы считают, что «жизнь, здоровье и физическая свобода – это блага, являющиеся биологическими характеристиками человеческого существования и при этом настолько тесно связанные между собой, что составляют единый объект – личную безопасность человека» [87, стр. 10]. Забывая при этом, что право на свободу и личную неприкосновенность является самостоятельным гражданским правом индивида, провозглашенным в статьях Международного пакта о гражданских и политических правах.

Существуют различные определения, толкования жизни, особенности которых объясняются спецификой тех отраслей знаний, в рамках которых эти определения сформулированы. Например, философия, биология, медицина, физика, химия и другие науки отражают свое видение человеческой жизни, как феномена природы.

В настоящее время считается общепринятым, что в природе человека присутствуют элементы как биологического, так и социального происхождения.

Биологическая жизнь – это высшая форма существования человеческой материи, закономерно возникающая при определенных условиях в процессе ее эволюции.

Социальная жизнь – это форма реализации биологической жизни человека, проявляющаяся в процессе его участия в общественных отношениях.

Для нас представляет интерес дефиниция жизни с правовой точки зрения. Ведь сама по себе жизнь – это объект правовой защиты, а рождение и смерть человека являются юридическими фактами – событиями, с которыми законодатель связывает возникновение и прекращение самого права на жизнь.

Итак, «право на жизнь» и «жизнь» – понятия, бесспорно, не тождественные. Право – это социальная категория, а жизнь – биологическая.

Данное право имеет сложную структуру и содержание, так как оно не означает, что государство тем самым разрешает, дозволяет жизнь собственных граждан. Жизнь возникает вне государственных велений, и биологическое рождение ребенка меньше всего нуждается в наличии государственных институтов. Как отмечал Н.Н. Алексеев, «юридическая норма не обладает способностью производить на свет живые существа» [3, стр. 79]. Одновременно, закрепляя в Конституции, государство вкладывает определенный смысл в данное субъективное право, выражающееся именно в его юридическом значении. Право на жизнь не означает саму жизнь, это субъективное правомочие, имеющее формально-атрибутивное оформление. Поэтому следует отличать такие различные категории, как право на жизнь и саму жизнь [120, стр. 10-11].

Понятие «жизнь» употребляется различными отраслями права. Уголовное право ставит жизнь под особую охрану, предусматривая уголовную ответственность за лишение жизни. Социальное законодательство закрепляет обязательное страхование жизни отдельной категории лиц. Фиксируются такие понятия, как «условия жизни», «жизнедеятельность» и т. д. Так, Л.О. Красавчикова устанавливала, что «... в биологическом (естественнонаучном) плане «жизнь» – это физиологическое существование человека или животного, а «жизнедеятельность» – совокупность жизненных отправлений, составляющих деятельность организма» [65, стр. 14]. Употребление в праве такого ряда терминов обусловливает необходимость уяснения содержания представлений о жизни.

Малая советская энциклопедия вводила следующую дефиницию: «Жизнь – особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее исторического развития и свойственная сложным белковым телам. Впервые обобщающее научное определение жизни было дано Ф. Энгельсом: «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей, путем питания и выделения» [83, стр. 635]. Однако до настоящего времени так и не была создана искусственным путем из материи хотя бы одна живая субстанция.

Это высказывание Энгельса имеет принципиальное значение для определения понятия жизни человека, которая с биологической точки зрения состоит в непрерывном обмене веществ, питании и выделении. С прекращением этих функции прекращается и жизнь человека. Таким образом, можно заключить, что жизнь – это «природно-биологическая форма существования человека, являющаяся его предпосылкой» [151, стр. 64]. Из этого определения человеческой жизни, как формы бытия человека, данной от природы, следует, что понятие «жизнь» остается сугубо естественным понятием.

Несмотря на глубочайшие изменения, произведенные научным прогрессом в понимании человеком своего места во Вселенной, достижения науки в сфере правового прогресса [10; 32; 33; 34; 35; 36; 138; 143], отношение человека к природе и его образ жизни в ней изменились куда меньше. Основные вопросы жизни и смерти ответа не получили, да фактически и не было серьезных попыток на них ответить, ибо и жизнь и смерть вообще рассматривались не как проблемы», а как нечто, безусловно естественное.

Главный практический мотив для изучения возникновения жизни состоит в том, что без этого мы не сможем понять современную жизнь и, следовательно, не сможем управлять ею.

Древние мыслители выдвигали о личности, обществе и природе разнообразные, подчас противоречащие друг другу положения. Если часть философов смешивала природу и общество, то множество других возводили между ними непреодолимую преграду.

Учение зороастризма, которое является древнейшим из религиозных и философских учений, не проводит границу между миром и человеком. В центре философской концепции Заратуштры три краеугольных камня: бог – человек – природа. Заратуштра был первым, кто почувствовал свойственную природе закономерность-соперничество, внутреннее противоречие между нею и человеком [147, стр. 14].

Современные правовые системы фактически учитывают только биологический подход к пониманию жизни. Точнее, следует констатировать вытеснение иного понимания жизни именно из права. Право отграничивают от религии, морали, нравственности, философии, иных социальных наук. Право все чаще олицетворяют с официальным нормативным актом, оформленным в письменном виде. С одной стороны, такая тенденция оправданна. Нельзя безукоризненно точно дать определение жизни в законодательстве [120, стр. 15]. Л. И. Петражицкий отмечал: «Смысл права состоит не в правильных или неправильных утверждениях относительно бывшего или сущего, а в нормировании поведения, прав и обязанностей» [99, стр. 322]. Приведенное мнение предполагает, что, фиксируя в официальном документе определенное субъективное право (в конкретном случае – право на жизнь), государство тем самым пытается нормировать какую-то часть общественных отношений. В этом контексте важно будет уяснить, что и как конкретно нормируется в рамках содержания права на жизнь.

Задача юридического определения понятия «жизнь» довольно сложна. Научное понимание жизни человека органически соединяется с ценностным подходом, в определении ее нельзя не коснуться и социальных, философских, нравственно-этических аспектов в силу целого ряда причин, которые сегодня приобретают важное значение. Среди этих причин уже сейчас можно выделить, по крайней мере, две, имеющие особо актуальную значимость. Одна из них связана с развитием медицины, другая с охраной окружающей среды. Эти проблемы могут быть правильно поставлены и решены только на основе научного понимания сущности жизни человека.

Исходя из единства биологическою и социального в природе человека, следует полагать, что жизнь человека – также биосоциальное единство. Она прекращается тогда, когда распадается это единство. «Если целое... будет разделено, то оно перестанет быть целым» [22, стр. 301].

Таким образом, жизнь должна защищаться правом, как биосоциальное единство.

Кроме того, на такой подход к пониманию философско-правовой категории «жизнь человека» ориентируют нас и достижения гуманитарных наук в области синкретизма. Синкретизм как философско-правовую категорию исследовал профессор А.С. Ахиезер [7]. Синкретизм современной правовой культуры как самостоятельное научное направление разработал доктор юридических наук Ф.Х. Галиев [15; 16; 17; 18; 20]. Он пришел к выводу, что в современном мире ни одна социальная норма не функционирует изолированно от других, и на человека. его право на жизнь воздействуют не только нормы права, но и мораль, обычаи, традиции, корпоративные и религиозные правила. Этот процесс обусловлен исторически. Так, Ф.Х. Галиев обращает внимание на то, что «синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [19, стр. 23].

Именно понимание того, что жизнь человека, его право на жизнь зависят не только от содержания правовых норм, от всей совокупности социальных регуляторов, позволяет увидеть и представить данные явления и выражающие их философско-правовые категории в полном объеме воплощенных в них свойств, понять, когда начинается жизнь, как она протекает и чем завершается.

Л.Н. Линик [77, стр. 58] в понятия содержание «жизнь» включает три аспекта: начало, конец жизни, а также фазы между началом и концом, которые нельзя было бы назвать жизнью.

Начало жизни в правовом порядке в различных отраслях не определяется едино. В гражданском праве человек становится объектом правовой, защиты, т.е. приобретает правосубъектность, в силу рождения (ст. 9 Гражданского кодекса). В уголовном праве началом жизни считается момент физиологических родов, т.е. начало процесса выхода из утробы матери. Гражданско-правовая защита, однако гарантируется по существенным вопросам уже до рождения: для сохранения имущественных прав нерожденного человека, а также против нанесения вреда неразрешаемыми действиями.

Из этого различного объема правовой защиты исходит как общий принцип существующею права: право на жизнь защищается в каждой сфере в объеме, в котором оно достойно защиты, и жизни грозящей типичные для этой отрасли опасности. Однако нужно принять во внимание, что в уголовном праве – зарождающаяся жизнь

также должна пользоваться определенной защитой, гарантируемой с момента зачатия или, по крайней мере, имплантации. Этого требует современное состояние медицины, которая сегодня достигла такого уровня, в чем правовая защита человеческого зародыша крайне необходима. Особенно остро этот вопрос встает при осуществлении имплантации, преследующей цель преодоления бесплодия родителей, а значит, обеспечения репродукции- этому должно соответствовать и требование правовой охраны плода. Так, обнаруживается всеобщая тенденция начинать защиту жизни против нанесения вреда с момента зачатия жизни, а в отношении правоспособности, – с более позднего времени [77, стр. 59].

Отсюда следует, что начало жизни по смыслу ст. 18 Конституции РТ должно устанавливаться с момента зачатия.

Этот вывод исходит также из толкования значения Конституции в системе законодательства. Смысл основного права – предоставить возможно широкие гарантии обеспечения конституционно – правовой защиты. Анализ права на жизнь показывает, что невозможно исключить необходимость защиты на ее ранней стадии. Если была бы выбрана более поздняя стадия, то произошло бы недопустимо ограничительное толкование Конституции по закону. Сущность же Конституции заключается в том, что она скорее шире, чем уже. Перенесение начала жизни на более раннюю стадию оправдывает ст. 18 Конституции, потому что не препятствует законодателю ввести ограничительные правила для отдельных, менее достойных комплексов обеспечивать менее широкую защиту, если в этом возникнет необходимость.

Таким образом, для Конституции должно быть принято экстенсивное понятие жизни. Право на жизнь распространяется и на начинающуюся жизнь, иначе были бы неполными гарантии человеческого существования. Конец жизни также определяется далеко не едино со смертью. Умирание человека проходит несколькими этапами, от агонии до абсолютной биологической смерти. В зависимости от различения этапов, их определения и времени возникновения употребляются разные названия смерти: клиническая смерть, смерть, связанная с прекращением физиологических процессов в клетках, органическая смерть, в частности, смерть мозга, смерть личности и биологическая смерть

Между началом и концом жизни, по смыслу Конституции, не может быть понятийно принципиально зон жизни, которые недостойны защиты, идет ли речь об угасающей жизни (эвтаназии) либо о «нестоящей жизни» (как у душевнобольных или слабоумных). Это исходит не столько из толкования фашизма, сколько из признания того, что человеческая жизнь означает безусловную, высшую ценность в конституционной системе основных прав. Жизнь – это основа человеческого достоинства и предпосылка всех других основных прав.

Право на жизнь в объективном смысле слова Л.О. Красавчикова определяет, как совокупность правовых норм по охране жизни человека, устанавливающих недопустимость произвольного лишения жизни, запрет эвтаназии, дозволенность искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, а также самостоятельного решения женщиной вопроса о материнстве, в том числе об искусственном прерывании беременности [23, стр. 175].

Содержание права на жизнь, по нашему мнению, имеет несколько аспектов: право на рождение, право на достойное существование, право на сохранение жизни и право на нормальное протекание конца жизни.

Традиционно структура субъективного права выстраивается из четырех элементов: право-поведение, право-требование, право-пользование, право-притязание [120, стр. 20-30]. Так, Н. И. Матузов отмечает: «В то же время все эти элементы можно представить себе и как одну общую правовую возможность. Единство указанных четырех возможностей, собственно, и составляет содержание субъективного права и его структуру» [85, стр. 100].

По этому поводу в литературе имеется иная точка зрения. По мнению М.Н.Малеиной, право на жизнь состоит: из правомочия на сохранение жизни индивидуальности и правомочия на распоряжение жизнью [24, стр. 135-136]. Содержание права на жизнь складывается из правомочия на сохранение жизни (индивидуальности) и правомочия на распоряжение жизнью

Правомочия на сохранение жизни (индивидуальности) проявляется, а возможности самостоятельно решать вопросы (давать или не давать согласие) об изменении пола, пересадки органов и тканей животных. Правомочие на сохранение

жизни таких субъектов, как слабоумные и душевнобольные, лица, находящиеся в летаргическом сне, дети, воспитанные животными в природной среде, должно обеспечиваться дополнительными мерами со стороны обязанных лиц (специальное обучение, медицинское обслуживание, уход и пр.).

Правомочие по распоряжению жизнью состоит в возможности подвергать себя значительному риску (например, проведение опасного опыта на здорового человека-добровольца) и возможности решать вопрос о прекращении жизни (в частности, отказ от ампутации конечности при гангрене приводит к смертельному исходу).

Для защиты права на жизнь характерны превентивные способы защиты- гражданин вправе требовать пресечения действий, создающих угрозу нарушения этого права. Если возникновение неизлечимой болезни произошло по вине других лиц (например, неосторожное заражение вирусом иммунодефицита человека при переливании крови), то потерпевший может взыскать компенсацию морального вреда.

В.М. Танаев формирует право на жизнь из трех блоков [145]: собственно право на жизнь, право на риск и право на прекращение жизни (право на смерть). Его трактовка первого блока очень широка и включает в себя: право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на достаточный жизненный уровень и право на защиту жизни». Думается, что вышеназванные права очень тесно связаны с правом на жизнь, но их отождествление ведет к размыванию границ самого исследуемого права. Что же касается «права на смерть», то это юридический нонсенс, его формальное закрепление в рамках права на жизнь компрометирует сущность права, направленного на защиту жизни.

Т.М. Фомиченко придерживается несколько неопределенной точки зрения, согласно которой право на жизнь складывается из права на неприкосновенность жизни и права на свободное распоряжение ею [52, стр. 174-175].

Н.В. Кальченко [49, стр. 90] определяет право на жизнь из трех элементов: правомочия на неприкосновенность жизни, правомочия по распоряжению жизнью, правомочия по спасению жизни.

Нарушение права на неприкосновенность жизни нами рассматривается в двух аспектах:

1. Непосредственная угроза жизни путем совершения посягательства на жизнь (войны, акты террористической направленности, убийства и т.п.).
2. Совершение правонарушений и преступлений, целью которых не является причинение смерти человеку, но создающих опасность для жизни человека и приводящих или могущих привести к смерти (экологические преступления, преступное нарушение безопасных условий труда и т.п.)

Правомочие по распоряжению жизнью означает добровольное поставление своей жизни в опасное положение при отсутствии намерения привести ее к смерти.

В широком смысле слова право на жизнь включает в себя все общественные отношения, позволяющие человеку не только существовать в качестве биологической особи, но и социализироваться. Однако право охраняет жизнь, прежде всего как форму биологического существования человека [52, стр. 175].

Сторонники узкого толкования права на жизнь грешат искусственным ограничением его толкования. Они видят содержание права на жизнь в первую очередь в «недопустимости произвольного лишения жизни» [89, стр. 163-164]. В этом случае жизнь человека понимается, как биологическое и психическое функционирование организма, как единого целого.

Сторонники широкого понимания человеческой жизни не ограничиваются биологическим и психическим функционированием организма, а трактуют ее как социальное явление, внутри которого человек находится в многочисленных связях и отношениях. И в этом плане право на жизнь, помимо запрета на произвольное лишение жизни, включает «создание государством правовых, социальных, экономических и иных условий, обеспечивающих нормальную, полноценную, достойную человеческую жизнь» [55, стр. 73].

Содержание этой позиции сходно следующему определению: «под правом на жизнь следует понимать комплекс активных действий всех государственных и общественных структур, каждого человека по созданию и поддержанию безопасных социальной и природной сред обитания, условий жизни. К этим факторам относятся политика государства, обеспечивающая отказ

от войны, военных способов разрешения социальных и национальных конфликтов, целенаправленная борьба с преступлениями против личности, незаконным хранением оружия и т.п.» [46, стр. 216]. Сторонники такого подхода определения права на жизнь требуют, чтобы государства предпринимали определенные меры в этом направлении.

Стремительное развитие науки, характерное для конца XX начала XXI, века привело к появлению в юриспруденции неординарных подходов к определению содержания права на жизнь. Перед юристами встал непростой вопрос: является ли право на жизнь одновременно и обязанностью жить? Ни в одной из конституций и деклараций прав человека этого не утверждалось. Если у человека есть юридическое право жить, стало быть, он может и не пользоваться этим правом, то есть прекратить свое существование [52, стр. 180].

Еще Э. Ферри писал, что «если человеку принадлежит право на жизнь, то логически из этого следует и право на смерть» [28, стр. 327].

Сходная мысль заключена в словах Ф. Ницше: «Существует право, по которому мы можем отнять у человека жизнь, но нет права, по которому мы могли бы отнять у него смерть; это есть только жестокость» [95, стр. 285].

Современные исследователи отмечают: «Таким видится право на смерть: как возможность отказаться от продолжения жизни. Право на смерть не получило легального закрепления в законодательстве. Доктрина располагает широким определением права на смерть и предполагает, что подобное право – это возможность человека сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным им и доступным ему способом. Юридически невозможно себе представить, что человек, имея право жить, не имеет права умереть, что он свободен на законных основаниях распоряжаться своей собственностью, но не своей жизнью» [81].

«Право на смерть – это такое же естественное право человека, как и право на жизнь, а эвтаназию следует рассматривать как разновидность реализации человеком права на смерть» [66, стр. 210].

Таким образом, суицид и эвтаназия, по мысли ряда авторов, – формы реализации этого права. И в том, что суицид по сути национального законодательства декриминализирован, а эвтаназия запрещена, они усматривают несоответствие.

Некоторые авторы считают, что поскольку в соответствии с Конституцией каждому человеку принадлежит неотъемлемое право на жизнь, то один из аспектов реализации этого права предполагает возможность самостоятельно распоряжаться жизнью, решать вопрос о ее прекращении. А допустить возможность реализации этого права, с их точки зрения, можно лишь путем эвтаназии. При этом они забывают или сознательно замалчивают то, что возможность распоряжаться собственной жизнью нельзя никому делегировать, а в случае эвтаназии (когда речь идет о просьбе убийства самого себя, обращенной к кому-либо), мы наблюдаем передачу права на распоряжение собственной жизнью [53, стр. 117].

Сторонница этого подхода М.Н. Малеина пишет, что правомочие по распоряжению жизнью представляет собой «возможность подвергать себя значительному риску и возможность решать вопрос о прекращении жизни». Так ли это? Думается, что нельзя проводить аналогию распоряжения с жизнью, как со своей собственностью, поскольку речь идет, как минимум, о разных объектах правового регулирования [80, стр. 57].

Безусловно, в некоторых случаях поведение гражданина связано с высоким риском для собственной жизни, однако такое поведение носит общеполезный характер и в связи с этим не запрещается государством. Так, в Присяге сотрудников органов внутренних дел содержатся слова: «Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и законами правовой порядок». Эвтаназия же не несет общественно полезной нагрузки, и переводить убийство, пусть даже из чувства сострадания, в разряд частноправовых проблем, по меньшей мере, опасно.

Удачное определение права на свободное распоряжение своей жизнью, как структурного элемента права на жизнь, встречается у Н.В. Кальченко: «данное право рассматривается, как возможность добровольного принятия лицом решения о поставлении своей жизни в опасное положение, обусловленное свободным, осознанным изъявлением воли, направленной на достижение некой положительной цели в интересах самого человека, других лиц и всего общества. Обязанность государства в сфере обеспечения благоприятного режима реализации данного права заключается в создании условий

минимизации степени риска» [48, стр. 88-89]. Наряду с правом на распоряжение жизнью, по мнению Н.В. Кальченко, в содержание права на жизнь входит право на неприкосновенность жизни и право на спасение жизни [49, стр. 8-9].

Решение о том, что какая-то форма жизни, и конкретно отдельная жизнь – неценная, может опираться только по одной из двух оснований: либо эта жизнь, как ценность, должна уступать другим, «более высшим» ценностям, таким, например, как здоровье народа, генетический фонд нации, чистота расы (как это было во времени национал-социализма в Германии); либо эта жизнь не представляет более из себя какой-либо ценности [77, стр. 62].

В первом случае для правового обоснования оценки значимости жизни необходимо установить критерии, исходя, из которых решается вопрос о противоречии между общественной заинтересованностью в достижении поставленных целей и интересами индивида к охране его жизни от различных посягательств. Но установление подобного критерия явилось бы абсолютным попиранием основных прав человека ради общественного блага. Человеческая жизнь тогда была бы только средством достижения социальных целей, вещью, «пусть даже особой и уникальной, но вещью среди других вещей». Такой подход неприемлем для правового государства, которое рассматривает человека, как равносущного человеческому роду, как самоценность и самоцель исторического развития. Нет иной высшей ценности, чем жизнь. Жизни равна только другая жизнь. Из этого должны исходить и конституции цивилизованных государств..

Другое утверждение, что жизнь не имеет смысла для ее носителя, также, в конечном счете упирается в необходимость сравнительного анализа. Чистая жизнь в смысле «существования», «прозябания» противопоставляется «полноценной» жизни в смысле «свободы», «совершенствования», «развития». В этом случае жизнь как бы, отделяется от свобод, которые можно осуществить на се основе; ей придается или мизерная ценность, или совсем никакая. Наоборот, свобода, совершенствование, достойное существование выдвигаются в категорию высших ценностей, определяющих смысл жизни. Как только начинается противопоставление, чаша весов опускается даже до права уничтожить жизнь, как недостойную малоценную, нестоящую. Все эти суждения также противоречат Основному закону. Нельзя определить критерий ценности таким понятием, как жизнь или свобода. Жизни равна только другая жизнь. Свобода, в какой бы форме она не выражалась, всегда должна подчиниться жизни. Никогда она не может цениться выше жизни, как будто она придаст жизни «собственный смысл». Свобода не может быть противопоставлена жизни, поскольку жизнь является ее питающей основой. Ничто более, чем жизнь, не имеет веса для основного права – человеческого достоинства, потому что человеческие достоинства не есть абстрактное достоинство человечества, а в первую очередь – конкретное основное право, которое погибает, если отделить его от «питающей основы».

Итак, право на жизнь – это признанное государством естественное и неотчуждаемое право человека на зачатие, на рождение, на достойное и благополучное существование и гарантированное на конституционном уровне до наступления смерти.

Однако, право на жизнь в широком смысле – это не просто право на то, чтобы жить, чтобы человека никто не мог произвольно лишить жизни, а право на то, чтобы жить свободно и мирно. «Человек рожден для счастья», – говорили древние. Еще Аристотель заметил, что государство создается не для того, чтобы обеспечить возможность жить, а преимущественно для того, чтобы жить счастливо. Иными словами, право на жизнь – это право на достойное человеческое существование [85, стр. 208].

Первооснову личных прав граждан составляет право на жизнь. По сути, все другие права, так или иначе, объединяются вокруг этого стержневого права. Например, такие права, как право на социальное обеспечение, право на здоровье, право на благоприятную окружающую среду, право на свободу от жестоких видов обращения и т.д., выступают в качестве дополнительных инструментов, обеспечивающих эффективную реализацию права на жизнь.

Данное фундаментальное право вполне допустимо рассматривать в нескольких аспектах: как гарантированное право личности от любых незаконных посягательств на его жизнь; это право на условия, обеспечивающие нормальную реализацию параметров жизнедеятельности личности; это право на реальное обеспечение

неприкосновенности, жизнедеятельности каждого члена общества; это право на созданные обществом условия безопасности для продолжения жизни; это право на состояние, исключающее факторы, создающие опасность для продолжения жизни; это право на гарантированное место работы и нормальных условий труда для каждого; это право на создание оптимальной формы властных отношений для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности личности и т.д.

Право на жизнь имеет собственное содержание и свои составные компоненты. Жизнь непосредственно связана с производственной деятельностью каждого человека и типичными формами жизнедеятельности людей. В формировании и развитии жизни каждого члена общества важное значение имеет система нормального функционирования экономических, социальных отношений, принципы организации общественной жизни и вся система общественных отношений.

Важным аспектом обеспечения права на жизнь выступает деятельность государства по созданию благоприятных социально-экономических условий для жизни граждан. Государство обязано обеспечить каждому тот минимум материальных благ, который позволяет человеку достойно жить [98, стр. 23].

Отсутствие работы, низкая зарплата, нерегулярность ее выплаты, отсутствие нормальной медицинской инфраструктуры, системы оказания необходимой медицинской помощи можно рассматривать, как несоблюдение права на жизнь.

Международные акты, Декларация прав и свобод человека рассматривают право на жизнь, как неотъемлемое право каждого человека. Однако содержание и гарантия этого права в этих документах не раскрываются. Гражданский кодекс РТ в ряде статей предусматривают это право и широко используют понятие жизнь (см. ст. 1013 части 2 и 3; ст. 1017; ст. 1021 часть 1; ст. 1028 часть 2; ст. 1056 часть 1; ст. 1082; ст. 1100; ст. 1101; ст. 1103; ст. 1104; ст. 1105; ст. 1107; ст. 1110 и др.). Но при этом не раскрывает этого понятия как таковое. Гражданское законодательство определяет его через две противоположности: рождение и смерть. Такая же ситуация наблюдается в общем-то и в гражданском законодательстве России.

На наш взгляд гражданское законодательство должен определить статус субъекта до рождения, рождения и в период существования и в момент смерти.

Примечания

- Так, Европейский суд по правам человека отметил: «Ст. 2 считается одним из основных положений Конвенции. Вместе со ст. 3 Конвенции (рассматривается в разд. 4.2) она также воплощает одну из основных ценностей демократических обществ, составляющих Совет Европы. Поэтому положения этой статьи должны толковаться достаточно определенно». См. [158], когда суд определил решение права на жизнь в отношении расстрела трех террористов, подозреваемых Специальной службой авиации Великобритании (SAS).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016.
3. Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб., 1998.
4. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 448 с.
5. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 8-25. – в кн. 399 с.

6. Арабская хартия прав человека // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1997. – № 5.
7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
8. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
9. Баранов В.М.. Сальников В.П., Бородин В.В. Правовое государство и язык закона: рецензия на монографию «Язык закона». – М., 1990. – 192 с. // Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку: Межвуз. темат. сб. Ч. 2. – Н. Новгород, 1993. – С. 69-73.
10. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
11. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
12. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
13. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
14. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
15. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
16. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
17. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
18. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
19. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
20. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
22. Гегель Г.В.Ф.. Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М.: Мысль., 1974.
23. Гражданское право. Учебник. Часть 1 /Под. общей ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. – М., 1998.
24. Гражданское право. Часть первая. Учебник / Подред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. – М.: Юристь, 1997.
25. Гроций Г. О праве войны и мира. – М., 1957.
26. Декларация Каирской встречи на высшем уровне по вопросам прав человека в религии ислама // Бюллетень ОБСЕ/БДИПЧ. – 1997. – Т. 5. – № 2.
27. Денисов А.И. Общая система социалистической демократии. – М., 1975.
28. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М., 1994.
29. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
30. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
31. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
36. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.

37. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
38. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
39. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
40. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
41. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
42. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
43. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
44. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
45. Идеи права в постклассической философии (Шопенгауэр, Ницше, Диннель, Дильтей (А.Н. Сотникова), Кухта, Иеринг, Еллинек) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, А.И. Пешков, Л.А. Чеговадзе. Глава IV // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 260-402.
46. Казлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России.- М., 1999.
47. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
48. Кальченко Н.В. Право на жизнь. В книге: Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. – Волгоград, 2004.
49. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.
50. Кант и кантианство. – М., 1978.
51. Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994.
52. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. – М.: 2006.
53. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. – М.: 2006.
54. Кареев Н. Два взгляда на процесс правообразований (1889) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 315-350.
55. Катков Д,Б., Корчиго Е.В. Конституционное право. – М., 1999.
56. Кениг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции (1863) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 351-378.
57. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
58. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.
59. Конституции государств Европы: В 3 т. – М., 2001.
60. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
61. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XYII-XIX вв. – М, 1957.
62. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1898.
63. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В, Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7. – в кн. 438 с.
64. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.
65. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. – М., 1983.
66. Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata u lege ferenda. – Саратов, 1999..

67. Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34.
68. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80.
69. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
70. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818.
71. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.
72. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
73. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
74. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
75. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
76. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
77. Линик Л.Н. Правовое понятие жизни // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. – 1994. – № 4.
78. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис…. канд. юрид. наук. – М., 1993.
79. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и Ко, 2014. – С. 11-63.
80. Малеина М.Н. О праве на жизнь // Сов. государство и право – 1992. – № 2.
81. Малиновский А. Имеет ли человек право на смерть? //Российская юстиция. – 2002. – № 8.
82. Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.
83. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
84. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и Ко, 2014. – 656 с.
85. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
86. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) (открыт для подписания, ратификации и присоединения 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН; вступил в силу 23 марта 1976 г.; ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. N 4812-VIII, вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
87. Мигнас И.А. Юридические гарантии личной безопасности граждан. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000.
88. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
89. Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. – М., 1999.
90. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. – М., 1955
91. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – Москва, 1886. – 98 с.
92. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
93. Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – 528 с.
94. «Неотъемлемые права» Декларации независимости // 200 лет США. – Вашингтон, 1976.
95. Ницще Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. В 2 т Т. 1. – М., 1990.
96. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).
97. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. – М., 1863.
98. Ольшевская А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и роль органов внутренних дел в его реализации // Современное право. – 2003. – № 3. – С. 22-26.
99. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 2000.
100. Покк Д. Два трактата о правлении //Соч. в 3 т. Т. 3. – М., 1988.

101. Проблемы философии права в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава III // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 158-259.
102. Пухта Г. Обычное право. – М., 1907.
103. Пухта Г-Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 423-510.
104. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
105. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
106. Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. – Уфа, 2007. – 208 с.
107. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.
108. Раянов Ф.М. Правовое государство: проблемы понимания и реализации: Сб. ст. Междун. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика», г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г. / Ответственный редактор Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа, БашГУ, 2015. – 250 с.
109. Раянов Ф.М. Правовое государство: проблемы понимания и реализации: Сб. ст. Междун. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика», г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г. / Ответственный редактор Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 2. – Уфа, БашГУ, 2015. – 244 с.
110. Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
111. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
112. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
113. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
114. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
115. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4.
116. Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6.
117. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
118. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
119. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
120. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
121. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
122. Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. – Волгоград, 1976.
123. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш.,

Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
124. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
125. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
126. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
127. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.
128. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
129. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис… канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
130. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
131. Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 379-422.
132. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
133. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
134. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
135. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
136. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
137. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
138. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
139. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
140. Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.
141. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
142. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
143. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
144. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
145. Танаев В.М. Право на смерть // Вестник Екатеринбургского Государственного университета. Сер.: право. – 1999. – № 1.
146. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Дис. ... канд. юрид. наук.

– Саратов. 2008.
147. Умарзода, Ибрагим. Возникновение мира и человека (с позиций современной науки). – Душанбе, Оли Сомон, 1997.
148. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С 245-248.
149. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с. – (История философии в памятниках).
150. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы беспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004.
151. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат. 1952.
152. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
153. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
154. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.
155. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М., 1997.
156. McCann and Others v. UK, решение 27 сентября 1995 г. (1996).

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СУБЪЕКТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА

Аннотация. *Рассматривается процесс развития институтов гражданского общества, являющихся составной частью политического процесса современной России. Анализируется отсутствие доверия у граждан к политическим институтам, которое может спровоцировать кризис государственности на постсоветском пространстве. Отмечается роль политической элиты в установлении и поддержании взаимного доверия между властью и обществом. Обосновывается вывод о том, что для стабилизации политической обстановки, дальнейшего развития политических систем на постсоветском пространстве необходимо реформирование всех политических институтов и государственных структур.*

Ключевые слова: *гражданское общество; политическая система; политическая элита; доверие между властью и обществом; кризис государственности.*

KOLYADIN A.M.

CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND THE SUBJECTIVITY OF THE POLITICAL CLASS

The summary. *Development of institutes of the civil society which are a component of political process of modern Russia is considered. Absence of trust at citizens to political institutes which can provoke statehood crisis on the post-Soviet territory is analyzed. The role of political elite in an establishment and maintenance of mutual trust between the power and a society is marked. The conclusion that for stabilisation of political conditions, the further development of political systems on the post-Soviet territory reforming of all political institutes and the state structures is necessary is proved.*

Key words: *civil society; political system; political elite; trust between the power and a society; statehood crisis.*

Субъекты политического класса призваны решать главную задачу – обеспечивать участие граждан в управлении государственными и общественными делами. Это служит оптимизирующим фактором управления общественными процессами, с одной стороны, условием формирования нового человека и развития его общественной активности, с другой.

На пороге XXI в. в России происходят существенные изменения во всех сферах – политической, экономической, социальной. Развивается взаимодействия центра и регионов, гражданского общества и органов государственной власти и местного самоуправления; формируются новые институты гражданского общества, принимающие активное участие в политическом

процессе.

Политический процесс в России отличается рядом особенностей, среди которых следует отметить недостаточную разветвленность политики и экономики, социальных и личных отношений, отсутствие необходимого консенсуса между участниками политической жизни по ключевым вопросам.

Участие институтов гражданского общества в политическом процессе является саморегулируемым; принимаемые решения являются анонимными, что ведет к «коллективной ответственности», а фактически высокая концентрация политической власти и правящей элиты ведет к формированию в обществе радикальных движений, а не политических оппонентов.

Степень институционализации и характер существующих политических институтов и институтов гражданского общества свидетельствует об уровне развития политического процесса и типе общества. О масштабах развития институтов гражданского общества в России, вызвавшего процесс самоорганизации населения и участия данных институтов в политическом процессе свидетельствуют данные Министерства юстиции. В первой половине 1990-х годов в Министерстве юстиции Российской Федерации было зарегистрировано свыше 2000 общественных объединений общероссийского уровня. В настоящее время в России на 1 января 2015 года зарегистрировано 101847 общественных объединений, из них 90155 некоммерческих организаций [52]. В том числе создаются и организовываются молодежные движения, принимающие активное участие в политическом процессе страны. Большая часть молодежи принимает активное участие в мероприятиях, проводимых на Селигере, митинги в Москве, качество переписи населения страны, агитация кандидатов в выборах; главное, чтобы молодежь осознавала свои действия, в какую сторону они направляют свое участие. Большая часть молодежи идет на митинг и участвует в столкновениях, в экстремистских демонстрациях, не понимая сути проблемы, не осознавая последствий принятого ими решения.

Так, например, прошедшая националистическая акция в Москве 2011 г. повлекла за собой разжигание межнациональной розни по различным регионам. Граждане перестали ощущать справедливость закона, его действенность независимо от должностей. Проводимые во многих регионах конференции органов государственной власти совместно с органами безопасности выявили необходимость проведения как можно больше общероссийских, международных мероприятий по объединению общества и противостоянию межнациональным розням и экстремизму [49].

События последних дней показали, что несанкционированные митинги, демонстрации, пикеты, даже посвященные вполне безобидным или мемориальным мероприятиям, событиям, могут приобретать радикальную направленность, нарушать права и свободы граждан, угрожать в массовом порядке жизни и безопасности людей. Поэтому в соответствии с уже данными мною указаниями такого рода несогласованные мероприятия должны жестко пресекаться, а при неподчинении лиц, которые в них участвуют, властям, их участники подлежат безусловному задержанию» [1].

Следует отметить, что молодежь воспринимает потасовки и возможность поучаствовать во время митинга в драках за участие в политическом процессе и реальное выражение своей воли, возможность изменить решения власти. Однако это совсем не так. Остальная часть молодежи предпочитает участвовать в политическом процессе, являясь членами политических партий, общественных организаций, деятельность которых направлена только на созидание общества, но ни как не на его разъединение, и во многих регионах это дружинники, волонтеры, оказывающие огромную помощь и поддержку органам власти и обществу. Благодаря активной молодежи решаются затянувшиеся на годы проблемы. Ими также поднимаются острые проблемы, но они их решают мирно с органами государственной власти и местного самоуправления без фактов экстремизма. Россия – многонациональный народ, и здесь надо поднимать уровень терпимости. Об этой части общества, стремящейся решать проблемы в рамках закона, можно сказать: они – патриоты своей Родины.

Согласно социологическим опросам, проводимым Социологическим центром Российской академией государственной службы при Президенте РФ совместно с Минобрнауки России, среди россиян 20 регионов показали, что за три последних года число тех, кто сам себя считает «патриотом России», выросло с 78,8%

до 84,3%. В «не патриотах» числит себя каждый десятый. Очень способствует патриотическому настроению наличие высшего образования у молодёжи, количество которой составляет 89,5%.

Для россиян патриотизм – это любовь к Родине, преданность своей стране, готовность к самопожертвованию ради нее, бережное отношение к культуре и природе. Многие не приемлют и не хотят благосклонно относятся к людям, которые стремятся противопоставить свои традиции и культуру, свой народ и государство другим культурам и народам. Однако в России любовь и патриотизм к Родине проявляется очень резко и не во благо самой Родине и гражданскому обществу. Патриотами можно назвать только людей старшего поколения, прошедших не только войну, но и имеющих уважение друг к другу, имеющих терпимость друг к другу, готовых прийти на помощь соседу и днем, и ночью, независимо от уровня его экономической составляющей [15; 32; 42; 43; 51].

В то же время проявлять толерантность, не изменяя своей вере, обществу очень тяжело. Религия является влиятельным политическим инструментом, используемым властью и оппозицией [5; 6; 14; 38; 45; 46]. Для самой религии вопрос ее политизации всегда очень щекотливый, однако, все мы понимаем, что и общество, и церковь ежедневно участвуют в политическом процессе своей страны, встречаясь с министрами, «служит в армии», реализует национальную идею, создает социальную концепцию [41; 47]. Утверждение интересов Русской православной церкви и политических ценностей, которые она стремится привить обществу, переплетаются, этому не чужды и другие религиозные организации, только ислам не может существовать без политики и минуты.

Религиозные организации являются участниками политического процесса своих государств, они реагируют на глобализацию, их взаимоотношения являются составляющей частью общественно-политической жизни, отношений между странами и народами.

Уход от противостояний, межнациональной и религиозной розни лежит во взаимной терпимости [26]. Это не значит стремление к сближению; толерантностью выступает лояльность к лицам иного вероисповедания, незатрагивание религиозных тем [36].

Российская Федерация является одним из крупнейших полиэтнических государств мира, которое сложилось на федеративной основе и в котором сегодня проживают представители 182 этнических общностей. Нас объединяет общий государственный язык, российская культура, вобравшая в себя культурные традиции всех народов, у нас есть общие духовные черты – те, что определяют самобытность российской цивилизации. Мы, граждане России, являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит наше будущее. При этом культурное многообразие всегда являлось важным фактором конкурентоспособности нашего государства, мощным ресурсом развития страны, об этом свидетельствует весь исторический опыт России.

Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический, межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ. Однако Россия существует не в изолированном пространстве, и мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит, в том числе, и на фоне нарастания миграционных потоков. Всё это свидетельствует о том, что не только экономическое благосостояние общества определяет гармоничность межэтнических отношений [12].

Еще одним из главных участников политического процесса и защитника гражданского общества являются средства массовой информации (СМИ), которые определяют уровень развития культуры, формируют новую идеологию и главную линию развития цивилизованных стран [2; 27; 40; 50]. Нельзя говорить, что только СМИ формируют направление развития страны, но они также являются основным источником его укрепления или препятствием к его быстрому развитию. Ведь общество узнает о проблемах и обмане, с которыми они могут столкнуться в той или иной ситуации или организации благодаря СМИ. Так, предупреждение о попытках создания новой финансовой пирамиды является одной из форм защиты общества. Летом 2010 года пожар принес горе огромному количеству граждан, однако СМИ через Интернет объединило граждан для помощи людям, попавшим в беду, а государство благодаря СМИ оповещало

население о выделяемых компенсациях пострадавшим при пожарах, принимаемых мерах по их защите и ликвидации последствий.

Таким образом, институты гражданского общества являются составной частью политического процесса, вовлекая в политику части общества, ранее находившиеся в стороне от происходящих в стране преобразований, отчужденные от государства и региональной власти, где принимаются решения по проблемам, касающимся непосредственно данных категорий граждан. Возможности реализации институтами гражданского общества своего потенциала многогранны, особенно когда это происходит в союзе с региональными и муниципальными органами власти, во взаимодействии с другими общественными организациями и ассоциациями, некоммерческими структурами, органами государственной власти, что, несомненно, будет способствовать модернизации российского общества.

Вместе с тем нерешенным остается вопрос недоверия граждан к политическим институтам общества.

Отсутствие доверия у граждан к политическим институтам на постсоветском пространстве остается в ряду феноменов, наиболее пристально изучаемых политологами. Общесистемный кризис на протяжении двадцати лет, перерастающий в конфронтацию власти и общества, означает, что важнейшие составляющие социума пришли в такое взаимное несоответствие, что разбалансированность системы не устраняется без кардинального изменения существующего социально-экономического строя. Формализация политических институтов, их непризнание гражданами и неспособность в полной мере влиять на них может привести к кризису политической системы.

Вопросами недоверия к политическим институтам занимаются как иностранные ученые (У. Бек, П. Розанваллон, Ф. Фукуяма), так и исследователи с постсоветского пространства (Г.А. Берулава, О.А. Гаман-Голутвина, В.Я. Гельман, В.П. Мартьянов). Они исследуют основные принципы функционирования политических институтов, а также причинно-следственную связь недоверия к ним со стороны общества. Изучением тенденций ретрадиционализации занимаются такие ученые, как В.А. Ачкасов, С.Г. Кара-Мурза, С.Я. Матвеева и др. Ими проводятся исследования, посвященные изучению развертывания ретрадиционализации, сравнению основных ценностей традиционного и модернизационного обществ, способов их взаимодействия и возможностей совместного сосуществования.

Автор ставит цель проанализировать феномен недоверия к политическим институтам как стимул к развертыванию тенденций ретрадиционализации.

В трансформационный период растущий уровень недоверия населения к институтам государственной власти вызван отсутствием четкой политики и стратегии правления, которая была бы понята и принята гражданами. Власть разрабатывает планы и стратегии не для населения, а для внешних доноров, у которых правительство просит денег. К тому же на пути евроинтеграции, выбранной преимущественным количеством стран как приоритетный вариант развития у большинства постсоветских государств, руководящие структуры забывают о том, что такого рода программы должны быть приняты не европейскими партнерами, а населением.

Из-за отсутствия нормального общения с населением, люди попросту перестают считать институты власти важными участниками собственной жизни. Вследствие чего уровень доверия к ним падает и население начинает решать свои проблемы самостоятельно.

В государствах СНГ наряду с повсеместно нарастающим экономическим кризисом ощущается и то, что можно назвать кризисом разочарования: глубокое недоверие большей части граждан к истеблишменту, основным политическим партиям и многим государственным институтам, усталость и отвращение, вызываемые невыполненными обещаниями политиков и заметным уровнем коррупции [37].

В условиях существующих вызовов следует выделить несколько опасных тенденций, которые могут спровоцировать кризис государственности на постсоветском пространстве [4; 19; 20; 21; 22; 23; 39].

Во-первых, в переломные моменты, когда власть неспособна справляться с нарастающими проблемами и вызовами населения относительно экономической, политической и социальной неудовлетворенности существующим положением, оппозиционные силы выходят на первый план, тем самым завоевывая с помощью обещаний «о лучшей жизни» доверие граждан.

Таким образом, вскоре наступает так называемый синдромом «спасителя», когда недовольство существующей властью приводит к чрезвычайно высокой поддержке оппозиции, которая одерживает на выборах непропорционально триумфальную победу. Но в условиях затяжной политической и экономической трансформации возникает некий парадокс. В отличие от «стандартных» устоявшихся демократий, когда падение популярности правительства сопровождается ростом рейтинга оппозиции, в государствах постсоветского пространства данный факт встречается все реже и оппозиция не опережает, а иногда даже отстает от партии власти. Более того, как свидетельствует опыт, «спасители» обычно не спасают и быстро теряют поддержку, поскольку взятый ими на вооружение популизм противоречит непростым социально-экономическим реалиям постсоветских стран, и разочарование избирателей становится неизбежным. Следовательно, с обманутыми надеждами электорат уходит не к какой-то политической силе, а «в никуда» – в апатию. Это состояние, однако, не может длиться вечно и, как показывает история (украинская, венгерская), нередко заканчивается социальным взрывом.

Во-вторых, противоречивость высказываний и действий. Как отмечают восточноевропейские политологи [30], декларируемые демократические ценности, которые являются основой программы большинства политиков, стремящихся к власти, получению наивысших государственных постов, после достижения цели уходят на второй план. Для большего контроля над населением они пытаются понемногу сокращать пространство гражданских свобод, заодно подрывая систему сдержек и противовесов, на которых основана любая демократия.

В-третьих, период преувеличенных общественных надежд, связанных с падением коммунистических режимов и последующей ускоренной интеграцией большей части стран региона в ЕС, остался в прошлом. Доказательством служат приведенные выше ситуации, с которыми уже сталкивались государства. Также до настоящего момента до сих пор непреодолен разрыв в уровне жизни, состоянии общественных и государственных институтов между странами СНГ и Западом, и это явно надолго [13].

Однако с другой стороны население (в особенности это касается стран Восточной Европы) уже чувствует себя неотъемлемой частью западного мира, а потому склонно оценивать поведение своих элит по меркам развитых демократий, и результаты сравнения часто вызывают недовольство, поскольку бюрократический аппарат, привыкший играть по старым правилам, отказывается по факту осуществлять вводимые ими самими же нововведения. Ведь большинство из них перекроют доступ к ресурсам, прежде всего силового и фискального характера.

В-четвертых, несмотря на 20-летний период внедрения и формирования демократических принципов на постсоветском пространстве, некоторые детали этого механизма работают с большими недочетами. Это, прежде всего, судебная система, во многих случаях зависимая от разного рода политических интересов и лоббизма влиятельных групп и лиц. Роль лоббистских контор порой выполняют политические субъекты, созданные политически амбициозными предпринимателями, и после выборов часто входящие на некоторое время в состав правящей коалиции [3; 8; 10; 24; 25; 31; 35; 48]. В результате у граждан возникает ощущение кризиса демократии как таковой, хотя речь идет скорее лишь об окончании первого этапа ее развития, когда встает вопрос о том, как вернуть демократическим институтам их полноценный характер.

В-пятых, недоверие власти и граждан сопряжено с базовыми и ментальными проблемами, которыми поражено общество. Это, прежде всего, иждивенчество самих граждан, неспособность к самоорганизации, конструктивной самореализации.

Обыватель порой не только не желает участвовать в общественной жизни, но даже не стремится знать и изучать свои права. В связи с этим он нередко становится жертвой в отношениях с другими гражданами. Здесь есть некое наследие эпохи, когда людей приучили к тому, что за них все решает государство, все сделает государство, а от их мнения вообще мало что зависит. «И в этом, – *по мнению министра юстиции РФ А.В. Коновалова,* – конечно, есть большая вина самого государства. Мы не можем этим пренебречь, – *продолжает он,* – просто забыв об этом и посоветовав людям самим разбираться с этими проблемами» [33, стр. 63-64].

Нельзя забывать о патернализме власти, когда власть рассуждает о необходимости формировать правовое государство, но при этом крайне

заинтересована в невежестве самих граждан для использования их в своих целях. Следует отметить и прецеденты выборочного правосудия, а также принятия удобных для власти законов даже на короткий период времени и в отдельных регионах. Таким образом, беззаконие представляется в качестве законов, причем утвержденных судом и выведенных в публичную сферу.

Дополняя предыдущий пункт, следует отметить еще одну составляющую ментальных проблем – это репрессивность мышления. Потому что если проблемы не решаются и граждане фактически становятся заложниками поведения власти и не готовы к конструктивному диалогу (а власть заинтересована в этом, она культивирует иждивенчество граждан и собственный патернализм и, как результат, свое собственное иждивенчество), то возникает необходимость найти виновного в неразрешенных проблемах. И тогда, как отмечал член Общественной палаты Российской Федерации О.В. Зыков, автоматически начинает «раскручиваться маховик» поиска виновных. Причем в данный список попадает все больше людей из разных слоев. В конечном итоге и сама власть оказывается в ситуации, в которую сама себя загоняет, тем самым попадая в собственную ловушку. Данный процесс сопровождается поиском пороков у власти, которые необходимо искоренять. И в итоге, граждане остаются с неразрешенной проблемой, поскольку в качестве способа устранения конфликта и наведения порядка они используют диалог с властью, причем исключительно в демагогическом режиме (мы встретимся, поговорим, и диалог образуется) [9].

К тому же, необходимо констатировать тот факт, что граждане, в большинстве своем, убеждены, что ответственность за будущее лежит на государстве. И до сих пор не готовы разделить эту ответственность даже с теми, кому они делегировали свое право определять курс на будущее. Люди и государство в нынешней ситуации оказались абсолютно идеологически не связаны. Институциональная связь между государством и обществом должна осуществляться элитой, которая выступает в роли посредника. И вот этой связи в большинстве государств постсоветского пространства сегодня нет. Политические элиты, которым граждане делегировали свои полномочия, выступают не посредником, а промежуточным звеном. Причинами сложившейся ситуации выступают: клиентарно-патронажные отношения и связи в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы; рентоориентированность политических элит, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности; личное пользование государственно-административными ресурсами с целью подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов. В данном случае для преодоления взаимного недоверия государства и общества необходимо в качестве основного критерия для отбора политических элит выдвигать не только идею, а прежде всего конкретного человека (на основе его личных качеств), который внутренне ее разделяет, а значит, является представителем элиты, реализовывающей декларируемую государством и поддерживаемую обществом национальную стратегию.

Роль элиты в установлении и поддержании взаимного доверия между властью и обществом переоценить невозможно. Элита располагает определенными возможностями влияния на общественные процессы. И эти люди должны понимать, что государство – их общее достояние с народом. И без здорового общества не может быть государства. И их забота об обществе, которое состоит не только из элиты, обладающей этими самыми возможностями, безусловно, необходима.

Такую заботу, например, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин называет служением. «Люди, обладающие возможностями, – *считает он,* – должны быть наделены еще и духом служения – государству, народу. А также здравым смыслом, который говорит им о том, что нельзя рубить сук, на котором сидишь. Нельзя дискредитировать институты, которые тебе же нужны. Потому что завтра эти дискредитированные институты перестанут работать. А послезавтра ты окажешься в среде, лишенной всяческой институциональности, и будешь растерзан возмущенными толпами. Притом, что эти толпы породило твое желание подрывать доверие к тому, что тебе не нравится. К тому или иному институту, государству в целом и так далее» [34, стр. 33].

Профессор В.Д. Зорькин, сославшись на великого английского ученого Томаса Гоббса, который

говорил об опасности войны всех против всех, подчеркнул при этом, что даже говоря об этой войне, Гоббс не имел в виду той особо опасной разновидности войн, которую ведут люди, подрывающие доверие ко всему и вся, и совсем не представляющие, чем это для них обернется завтра.

У нас в Отечестве, увы, такое недопонимание еще существует. И понятно, какую природу оно имеет. «К сожалению, в нашем обществе людьми, – *обращает внимание В.Д. Зорькин,* – обладающими возможностями влияния, зачастую являются эгоцентрики, наделенные блестящими способностями к ситуационному реагированию, но начисто лишенные всего того, что должно дополнять этот дар. А дополнять его должны такие эгоистические разумные рефлексы, как способность приподняться над своими сиюминутными интересами, способность заглянуть вперед и так далее. А также альтруизм, порождающий сострадание и солидарность. Совершенно очевидно, что без альтруизма не может быть устойчивой никакая элита, никакая институциональная среда, никакое общество. Все–таки нужны институты а не качество элиты» [34, стр. 33-34].

Определенная часть элиты обладает и интеллектом, и волей, и неиссякаемым стремлением к наживе. Вместе с тем у нее, к несчастью, плохо обстоит дело с солидарностью и состраданием. Это, безусловно, вызывает тревогу. Ситуацию необходимо исправлять, в противном случае невозможна стабильность в обществе, как и взаимное доверие между властью и обществом. Вопрос об общественном доверии должен быть поставлен во главу угла. Важно понимать источники доверия, механизм его защиты и придавать ему политическое, философское, правовое и психологическое наполнение.

В свете вышеприведенных тенденций, которые вызывают кризис государственности на постсоветском пространстве, логичным будет констатировать тот факт, что формальные институты постепенно нивелируются и обесцениваются, теряя легитимность (популярность и признание) у простого гражданина, даже такие сферы, как образование и здравоохранение. Они также государственные институты, но люди все больше стали обращаться в частные клиники, и при любой возможности отдают ребенка в частные учреждения. Есть недоверие к государственным институтам и к самому государству. Потому и распространяются тенденции ретрадиционализации, когда возрождаются традиционные институты. Все сферы на поверхности страны действительно показывают признаки системного кризиса, но тем самым укрепляются институты семьи и брака, ведения хозяйства, традиционные культурные ценности, историческая память.

Кроме того, как отмечают исследователи-транзитологи, труднее всего проследить процесс модернизации социальных отношений, общественного сознания, изменения их «качества» в обществах, находящихся на этапе трансформации. В целом предполагается, что в традиционном обществе социальные отношения обладают такими признаками, как латентность, эмоциональность, коллективность, безальтернативность, ориентированность на прошлое. Модернизирующееся же общество получает постоянное приращение открытости, рациональности, индивидуальности, избирательности, ориентированности на личный успех, осознанные формы солидарности и т.д. [7]

Однако следует отметить, что сегодня в постсоветских государствах происходит возрождение традиционных культурных ценностей, но не в чистом виде, а в рамках приспособления к современным условиям как некий усредненный вариант модифицированных национальных ценностей [11; 16; 17; 18].

В современном мире, охваченном процессами глобализации [28; 29; 44; 53], тенденции ретрадиционализации несут оздоровительный характер в контексте возрождения национального государства, традиционных ценностей, обеспечивающих мирное сосуществование, уважение друг друга и почитание граждан, борьбы с утратой национальной и культурной идентичности.

Но не стоит забывать и о негативных проявлениях. В условиях ретрадиционализации, как правило, формируется политическая система «замкнутого» типа. Попадание в политическую элиту базируется на системе рекрутирования по принципу «из своих». Различные политические группировки и кланы, формирующиеся по региональному, родственному признаку, на основе личной преданности, подчеркивают весьма отстраненную политику власти по отношению к народу, тем самым блокируя попадание обычных граждан в свой круг. Следствием чего является проявление коррумпированности и

неэффективности власти на всех уровнях.

Также общее направление происходящих процессов, которые характеризуют большинство постсоветских государств, заключается в том, что они провозгласили себя светскими государствами при сильных авторитарных тенденциях и торможении формирования демократических принципов. Отказ руководства от компромиссов, основанный на неспособности общества к позитивной самоорганизации, способствует дискредитации парламентских форм политической деятельности.

Подводя итоги, необходимо выделить главные моменты. Примерно за два десятилетия независимости в странах постсоветского пространства устойчивая система политических институтов не появилась. Политическая борьба между политическими институтами велась не с целью повышения благосостояния населения, а для получения собственной выгоды в виде политических и экономических дивидендов. Несоответствие заявлений и действий основных политических акторов формировало апатическое настроение в обществе, которое, в конечном счете, приводило иногда и к социальному взрыву. Неспособность к самоорганизации и самореализации граждан привела к невозможности установления конструктивного диалога между властью и обществом. А также неготовность граждан брать на себя ответственность за управление государством, непричастность к политическому процессу, и как следствие, неосознанное делегирование власти политическим элитам, сформированным по кланово-олигархическому принципу, привело к коррумпированности и неэффективности власти на всех уровнях.

Таким образом, совместное бездействие либо же действие, основанное на конфронтации власти и общества, привело к кризису государственности на постсоветском пространстве. Даже в условиях усиления авторитарных тенденций, при всей полноте власти президента одного только политического ресурса недостаточно для того, чтобы консолидировать общество. Поэтому политические институты утратили свою легитимность и начали обретать все большую популярность тенденции ретрадиционализации. Базовые традиционные ценности и институты вновь начали укрепляться в обществе, вытесняя политические на второй план. Для стабилизации политической обстановки, дальнейшего развития политических систем и успешного завершения трансформации на постсоветском пространстве необходимо реформирование всех политических институтов и государственных структур.

Список литературы

1. Совещание Президента РФ Д.А. Медведева о дополнительных мерах по обеспечению правопорядка [Электронный ресурс]. – Рязань, 2010. – Режим доступа: www.kremlin.ru
2. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
3. Автономов А.С. Азбука лоббирования. – М.: ИРИС. 2004. – 264 с.
4. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
5. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
6. Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 383 с.
8. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
9. Берулава Г.А. Стиль индивидуальности: теория и практика: Учебное пособие. – М.: Педагогическое общество России, 2007. – 236 с.
10. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004.
11. Бобоева Н.И. Эволюция государственной власти в историческом Таджикистане (IX – XIV вв.): Дис. … канд.

юрид. наук. – Душанбе, 2014.
12. Выступление губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru,
13. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана. Политика децентрализации в современной России // Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 90-107.
14. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
15. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.
16. Зоиров Д.М. Граф Алексей Алексеевич Бобринский и его произведение «Орнамент горных таджиков Дарваза» // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 11-21.
17. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
18. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
19. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
20. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
21. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
22. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
23. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
24. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000.
25. Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. – М.: Экономика, 2002.
26. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
27. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
28. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
29. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.
30. Косолапов Н. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. – 2003. – Том 8. – № 2. – С. 18-31.
31. Лазарев В.В. Лоббизм в конституционном судопроизводстве // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 24-34.
32. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
33. Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 47-65.
34. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
35. Лоббизм в федеральном парламенте России // Парламентское право России: Учебник / Под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 421-475.
36. Малашенко А. Религия как политический инструмент используемый и властью, и оппозицией // Независимая газета. – 2010. – 7 декабря – С. 15.
37. Мартьянов В. Падение публичной политики в России // Свободная мысль. – 2006. – № 5. – С. 5-18.
38. Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150.
39. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования

современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
40. Никодимов И.Ю. Место и роль средств массовой информации в механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства // Инновации и инвестиции. - 2014. - № 8. - С. 148-150.
41. Патриарх Кирилл: «Церковь не выступает против свободы слова» // Слово Патриарха Кирилла на заседании высшего церковного совета 12.10.2012 года (точка доступа: http://actualcomment.ru/patriarkh_kirill_tserkov_ne_vystupaet_protiv_svobody_slova.html (дата обращения: 24.04.2015 года).
42. Садовников М., Шаманов В., Маресьев В. Легендарный Маресьев. – Бологое – Камышин, 2016. – 272 с.
43. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
44. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
45. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
46. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
47. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти мученицы Татианы после Литургии в Храме Христа Спасителя г. Москвы (точка доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3958136.html.
48. Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): Монография / Под ред. С.А. Комаров. – СПб.: Юридический институт, 2015. – 384 с.
49. Фалаев М. Безопасность в режиме ОНЛАЙН // Российская газета. – 2010. – 16 декабря – С. 5.
50. Федякин И.В. Государственное телевидение, как инструмент государственной информационной политики: политологический анализ российского и зарубежного опыта. – М.: МГУ, 2009.
51. Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М.: Буки-Веди, 2015. – 240 с.
52. Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2015 г. // Российский статистический ежегодник. – 2015.
53. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НОРМАТИВИСТСКИЕ И НЕОКАНТИАНСКИЕ МОДЕЛИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Аннотация. *Рассматривается творчество Г. Кельзена в контексте трактовки им понятия суверенитета, а также отношения народа и государства как возможных источников суверенитета. На примере Г. Радбруха анализируются тенденции, связанные с возрождением кантовского философско-правового наследия в XX столетии. Делается вывод о том, что в современных условиях нормативизм Ганса Кельзена можно трактовать как теоретический источник методологического инструментария для анализа таких наднациональных политических объединений, как Европейский Союз.*

Ключевые слова: *Г. Кельзен; позитивное право; государственный суверенитет; нормативизм; Г. Радбрух; Дж. Ролз.*

KLIMENKO O.A.

NORMATIVISTS AND NEO-KANTIAN MODEL OF LAW AND STATE SOVEREIGNTY

The summary. *The article considers the work of H. Kelsen in the context of the interpretation of the concept of sovereignty to them, as well as the relationship of the people and the state as a possible source of sovereignty. For example, G. Radbruch analyzes trends related to the revival of Kantian philosophical and legal heritage in the XX century. It is concluded that in modern normativism Hans Kelsen conditions can be treated as a theoretical source of methodological tools for the analysis of supranational political organizations such as the European Union.*

Key words: *H. Kelsen; the positive law; State sovereignty; normativism; G. Radbruch; John Rawls.*

Постклассические рационалистические концепции права и государства в конце XIX в. оформляются в нормативистские теории, методологически ориентирующиеся на юридический позитивизм О. Конта и Дж. Ст. Милля. Здесь прежде всего следует назвать имя Ганса Кельзена – видного австрийского правоведа, внесшего значительный взгляд как в теорию права и государства, так и в практику развития национальной правовой системы Австрии. В это же время в правовой мысли усиливаются тенденции, связанные с возрождением кантовского философско-правового наследия.

Неокантианский поворот в праве мы рассмотрим на примере не менее крупного правоведа и политика XX столетия – Г. Радбруха. Впрочем, нужно иметь в виду, что в XX веке различия между «чистым» нормативизмом и неокантианством достаточно быстро стирались и становились в достаточной степени условными. Поэтому

того же Кельзена в поздний период его творчества вполне можно отнести к числу неокантианцев.

Взгляды Г. Кельзена на проблемы государства и, соответственно, государственного суверенитета были наиболее полно воплощены в его докторской диссертации «Основные проблемы теории государственного права» 1911 г. [55], а также представлены в ряде его сочинений последующих лет с позиций развиваемой им теории «чистого права» и «основной нормы» [11; 12; 13; 14; 15].

В соответствии с установками классического позитивизма, Г. Кельзен принимает за основу положение о том, что есть самостоятельное юридическое познание (опыт), в котором «позитивное право рассматривается как нечто объективно данное нормативное» [54, s. 44]. Юридическое познание представляет собой опыт практикующих юристов и учёных-правоведов, взгляды которых он приравнивает по значимости между собой, и на которые ссылается по тексту своей работы, обозначая как «взгляд юриспруденции», «юридическое словоупотребление», «юридический взгляд на вещи», так же показывая, на каких негласных предпосылках и осознанных или неосознанных конструкциях оно основывается [54, s. V].

В рамках позитивистской методологии Г. Кельзен решительно ставит знак равенства между терминами «позитивное право» и «право». То есть, под последним следует понимать исключительно позитивное право [54, s. 367]. Кроме того, он требует исключительно нормативного подхода чаще, чем он его констатирует. Если юриспруденция обозначается как «нормативная дисциплина», то под этим понимается лишь то, что она занимается нормами, но она, однако, их не устанавливает [54, s. VI-VII]. Однако при этом ученый тут же утверждает, что нормативные дисциплины самостоятельно вырабатывают правила определения статуса правового долженствования [54, s. 5].

Существенной темой «Основных проблем теории государственного права» является отношение правовой нормы и государственного строительства. Государство в его трактовке есть систематически организованная «воля» по обеспечению права. Соответственно, решение вопроса о соотношении государства и права, а значит о природе государства и его суверенитета в целом, зависит от базового решения вопроса о соотношении понятия «норма права» и «воля».

Этот вопрос рассматривается Г. Кельзеном проявляется на различных уровнях по отношению между правовой нормой и волей. Так, хотя для ученого объективное право есть «воля государства» [54, s. 97], и каждое правовое положение должно содержать в себе волю государства, но все же эта воля в действительности ни в коем случае не есть воля того, кто устанавливает норму определенного содержания. Психологическое понятие воли, использованное им в связи с описанием общей нормы непригодно при переходе к способу описания, внутренне присущему праву.

По мнению Г. Кельзена, воля в психологическом смысле есть факт жизни души [54, s. 74]. Он даже отмечает, что понятие «воли» собственно не имеет места в психологии, оно встречается там в определенном смысле как «рефлекс» нормативной сферы [54, s. 161]. Исходным пунктом такого реального акта волеизъявления есть чувство нехватки. К нему присоединяется устремление устранить возникающее в этой связи отвращение. Но одно лишь стремление само по себе еще не есть хотение, ему недостает возможности достичь поставленной цели. А она возникает лишь тогда, когда к стремлению присоединяется представление средства, подходящего для устранения чувства нехватки. Предметом желания является как конечная цель, так и средство [54, s. 109-110]. От простого «желания» воление, или волевое желание, отличается тем, что в сознании желающего представление о процессе или состоянии, пригодных для удовлетворения потребностей, связано с собственной активностью. Психологически желаемым может считаться, таким образом, «процесс или состояние, представленные в связи с подходящей в качестве средства удовлетворения устремления активностью» [54, s. 112]. При этом воля всегда сопровождается осознанием желания [54, s. 110].

Но поскольку психологический подход есть подход экспликативный (описательный), а юридический взгляд, наоборот, – нормативный, то психологическое понятие воли не подходит для правового рассмотрения [54, s. 107, 113]. Но если воля в праве не может идентифицироваться с «действительной» волей бытийной сферы, следует исходить из существования специфической юридической воли, которая может быть

заимствована лишь в самом материале права: воля в юридическом смысле есть не что-то, заданное нормам, заимствованное в сфере бытия, напротив, она конституируется лишь правовыми нормами. В отношении государства Кельзен, вообще, не может применять термин, близкий к психологии, и поэтому вводит понятие «суверенной воли».

Так, для Г. Кельзена, как и для представителей традиционного юридического позитивизма, право есть воля государства. Только под этим не следует понимать волю «действительного» законодателя. То, что право выражает суверенную волю государства, означает лишь, что правовое положение не приписывает определенные в нем действия тем, кто их «в действительности» совершает, а называет их как основанные на воле государства [54, s. 183]. На основе правового положения действие причисляется к суверенной воле государства. Суверенная воля в юридическом смысле, таким образом, находится в тесной связи с понятием приписывания, понимаемого как приписывание фактических обстоятельств дела (например, состава преступления) определенному лицу.

На основании соотношения права и суверенной воли для Г. Кельзена и само государство, государственное лицо, есть ничто иное как воля государства, мыслимая точка попадания или конечный пункт вытекающих из всех законов линий приписывания [54, s. 183-184]. Тем самым государство является одновременно и носителем правопорядка и олицетворяет единство правовой системы [54, s. 183-184, 189].

Согласно Г. Кельзену, правовая норма считается принадлежащей к сфере правопорядка из-за того, что она содержит суверенную волю государства. Эта суверенная воля существует, однако, лишь в той степени, в какой она в разуме конструируется как конечная точка приписывания некоего действия. Из этого вытекает, что суверенное государство в законе может полагать лишь собственные действия, а именно те, которые ему приписываются [54, s. 189]. В соответствии с этим, правовым положением считается в широком смысле каждый тезис, который устанавливает суверенную волю государства относительно собственного поведения, независимо от того, идет ли речь при этом поведении о «действии, составляющем содержание обязательства» (например, строительство дорог или опека над бедными), или об исполнении принуждения [54, s. 183, 254]. Понимаемое таким образом правовое положение, является правилом приписывания. Оно приписывает действие государству как желаемое им.

Поскольку, в рамках конструктивисткого подхода к нормативизму, невозможно всегда и при любых обстоятельствах желать некое действие, правовое положение должно содержать условия, при которых суверенное государство будет действовать [54, s. 254].«Непременные» (обязательные) правовые положения, по Г. Кельзену, немыслимы настолько, насколько государственное поведение может заключаться в невыполнении (отказе), и насколько государство имеет психическую (на уровне психики) волю, т.к. психически, т.е. на уровне психики, можно было бы непременно «желать» и невыполнения чего-то. А вот если воля в этически-юридическом смысле понимается только как позитивное поведение, то невыполнение государством чего-либо является в действительности его «нежеланием». Идеальная форма правового положения в широком смысле, поэтому, есть форма гипотетического решения. Решение есть правовое положение потому, что в нем выражается воля государства к собственному действию, т.е. описывается, что это решение гипотетическое, так как воля суверенная воля государства связана с определенными условиями [54, s. 254-255].

От этого правового положения в широком смысле Г. Кельзен отличает правовое положение в узком смысле. Правовые положения в узком смысле являются подклассом правовых положений в широком смысле. В правовом положении в узком смысле выражается желание государства к собственному действию. Но это поведение по-особому квалифицируется. Дело в том, что государство желает объявления санкций против граждан при том условии, что граждане ведут себя неправомерным образом [54, s. 212].При этом, то, что правовое положение в узком смысле как желаемое поведение государства требует вынесения санкций, есть лишь случайный факт [54, s. 218]. Это вытекает не из понятия права, а из господствующей практики и словоупотребления. Хотя установлением санкций преследуется цель, чтобы граждане как раз вели бы себя не так; такой телеологический компонент, однако, не должен учитываться при юридическом подходе, так как он доступен

лишь экспликативному (описательному) подходу. «Преследуемое» (= поставленное в качестве цели) поведение граждан проявляется поэтому в норме не как содержание государственной воли, а лишь со знаком минус как ее условие [54, s. 207]. При этом не государство преследует цель, т.к. чтобы «иметь целью», необходимо иметь психологическою волю, а воля государства есть лишь юридический конструкт. Таким образом, и идеальная форма правового положения в узком смысле является формой гипотетического решения. Итак, каждое правовое положение может быть сформулировано следующим образом: «При определенных обстоятельствах суверенное государство хочет вести себя определенным образом».

Необходимой внешней, т.е. эмпирической формой правового положения Г. Кельзен называет «закон», понимаемый как результат надлежащего законотворческого процесса в условиях суверенного государства [54, s. 541-542]. Так как все действия государства должны основываться на правовых нормах, поскольку их квалификация как государственных происходит лишь за счет приписывания на основании правовых положений. Только такие действия являются сверенными, которые в правовом положении обозначаются как желаемые государством. Эти правовые положения есть решения об условной воле государства. Условие, при котором такое решение может быть принято как истинное, – это соблюдение законотворческого процесса. То, что только законотворчество может обусловить возникновение суверенной воли, объясняется тем, что воля государства должна мыслиться как единая [54, s. 555]. Поэтому, например, административные распоряжения не являются самостоятельными правовыми нормами, более того, они должны рассматриваться как содержащиеся в законах, которые уполномочивают эти распоряжения принимать. [54, s. 557].

При такой трактовке государство не является ни «носителем» права, ни противопоставляется в какой-либо форме правовым положениям. Оно есть ничто иное, как форма внешнего выражения для элемента правовых положений. Государственное лицо идентично правовой системе как целому [56, s. 120], при этом возникает элемент системы норм, выраженной в понятии лица «через делегирующую связь правопорядка». Однако хотя, по Г. Кельзену, каждое государство есть правопорядок, но не каждый правопорядок есть государство. Правопорядок есть лишь тогда государство, когда оно использует «для создания и проведения образующих его норм определенные органы, распределяющие между собой объем работы», когда «оно централизованно» [56, s. 120]. Ученый доказывает тезис, вскрывая в подробных выкладках противоречия, к которым приводит любое другое понимание государства.

Данность таких элементом системы нормы как юридическое или физическое лицо, обосновывается иначе, чем данность государства. Г. Кельзен называет критерием элемента поведение личности, которое неизбежно всплывает в содержании правового положения, и строит аргументацию при отмене «предметных понятий» субъективного права и правовой обязанности следующим образом: «Лицо, не считая государственного лица, встречается в праве лишь в двух формах, а именно как субъект правовой обязанности, или как субъект права. Содержанием правовой обязанности является контрадикторная противоположность того поведения, в случае выполнения которого наступает правоприменение, о чём изложено в правовом положении [56, s. 47].

Как каждая норма, так и правовое положение действуют как обязательные. Правовое положение в узком смысле обязывает государство и граждан. Правовое положение в широком смысле обязывает только государство [56, s. 251]. Только в этом смысле – обязанного – можно вообще говорить об «адресате» правового положения [56, s. 395]. Правовая обязанность государства вытекает из простой субъективизации правового положения. Выражая волю государства к своему собственному действию и одновременно являясь нормой, каждое объективное правовое положение формулирует с субъективной точки зрения правовую обязанность государства [56, s. 435]. Обязательства и других лиц, также как и государства, посредством правового положения в узком смысле вытекает из второй возможности субъективизации правового положения, которая при своем применении нуждается в субъекте. Граждане обязываются правовым положением, если оно содержит «оговорку о применении», т.е. при определенных условиях формулирует желаемым положение о вынесении санкций против граждан. Содержание обязанности в этом

случае есть поведение, которое стоит в контрадикторном противоречии к поведению, указанному в правовом положении как условие государственной воли о вынесении санкции [56, s. 447]. При этом государственная воля может быть обусловлена и другими элементами, например, жалобой пострадавшего [56, s. 497].

Интерпретация правовых норм, по мнению Кельзена, не составляет задачу правоведения. Оно лишь конструирует правовые положения из предоставленного материала, из позитивных законов [56, s. 510-511]. Интерпретация находится, скорее, в ведении органов, применяющих право. Интерпретация становится необходимой, потому что ни одно правовое положение не однозначно, т.е. действие, которое должно считаться государственным, или его условия определяются заранее [56, s. 504].

Точное содержание такой неопределенной нормы может быть получено всеми разрешенными способами интерпретации. Ни один принцип толкования не является преимущественным, так как вопрос о том, как будут усматриваться правовые положения в силу их неопределенности, составляет метаюридическую, моральную и политическую проблему. Важно лишь то, что содержание правовых норм вообще извлекается из позитивных законов или, во всяком случае, узаконивается, ссылаясь на них [56, s. 510-511]. Таким образом, источником норм является волевая установка государства, способность к которой может трактоваться как его суверенность.

Развивая эту мысль, Кельзен показывает, что если одному или нескольким физическим лицам приписать качество быть юридическим лицом, т.е. субъектом полномочий или субъектом обязанностей, тогда под этим имеется в виду, что у него есть определенная обязанность или определенное право. Но это означает только, что в содержании общего правового положения названо определенное поведение этих людей как условие для проведения принудительного акта. Субъект нормы, лицо, поэтому не есть нечто дополнительное к правам или обязанностям, их «носитель». В определенной мере он представляет собой класс прав и обязанностей, объединенных согласно определенной точке зрения. Физическое лицо есть высшее проявление всех тех правовых норм, содержание которых определяет поведение человека [56, s. 53]. Юридическое лицо есть высшее проявление всех правовых норм, которые имеют в качестве содержания поведение множества людей [56, s. 54]. Эта возможность – наделение правами или обязанностями многих людей – по Г. Кельзену, полагается следующим образом: «То, что правопорядок отдельного государства наделяет правами или обязанностями юридическое лицо, означает, что оно делает поведение человека правом или обязанностью, не определяя при этом субъект. Его определение предоставляется – в силу делегирования со стороны государственного органа права – части правопорядка, единица которой находит выражение в юридическом лице, а общая предпосылка – в суверенитете государства. Это косвенное, т.е. опосредованное частью правопорядка наделение правами или обязанностями одного человека [56, s. 55].

Понятие суверенности, как выражение субъектности государства, таким образом, может рассматриваться как практический аналог центрального для Кельзена общетеоретического понятия «основная норма». Как «основная норма» является источником для эманации всех остальных правовых норм, так и правосубъектность каждого юридического лица имеет высшим источником суверенитет государства. «Задачей познания, – писал Кельзен, – является создание единой системы решений, в которых подхватываются содержания этих волевых актов решений, утверждения законов и т.д., упорядочить ступенчато эти решения и установить гипотетически единую причину для всех этих решений, содержательно определенных правовыми актами, образующими материал правового познания. Это гипотетическое основное правовое положение есть суверенитет в логико-правовом значении, есть гипотеза конституции, единица этой системы и система как целое: государство» [56, s. 55].

Уравнивание суверенитета государства и основной нормы подходит к роли основной нормы в качестве составляющей (компонента) идентичности, так как «идентичность государства», возможно, зависит от «идентичности основной нормы». Однако таким образом сомнительным снова становится уравнивание правопорядка и государственного лица – разве что если предположить, что весь правопорядок заключен в основной норме. В одном месте Г. Кельзен даже проводит аналогию в между основной нормой и понятой в кантианском духе категорией субстанции. Как категория субстанции в природе,

так и основная норма в сфере права является составляющей идентичности для «постоянства», а именно для постоянства государства во времени [56, s. 159].

В крайние годы в рамках дискуссий о правовой природе Евросоюза можно отметить устойчивый интерес к творчеству Г. Кельзена, особенно в связи с трактовкой им понятия суверенитета, а также отношения народа и государства как возможных источников суверенитета [2; 19; 24; 27; 32; 33].

В рамках позитивисткого научного дискурса правовая норма сама по себе может рассматриваться как достаточное основание для определения интеграционного института как политического образования, в пределе как государства. При этом понятие народа как источника суверенитета видится излишним и потому подвергается научной критике. Представители современного нормативизма вслед за Г. Кельзеном утверждают, что «народ» не может быть более правовым сообществом, юридическим фактом: «Именно поэтому следует освободиться от привычного представления, согласно которому народ как носитель государственного суверенитета (нация, составляющая большинство) представляет собой территориальное объединение, духовно-физический конгломерат и в качестве такового существующее независимо от любого правопорядка единство множества людей» [53, s. 150]. Классические концепции национального государства считаются устаревшими, поскольку формируют свои образцы на основании формационных процессов национальных государств XIX столетия и потому остаются в зависимости от субстанционально нагруженных понятий права, государства и народа. Последнее считается неприемлемым перед лицом глобализации [5; 21; 22; 23; 28; 37; 49] плюралистического, мультикультурного общества, которое отличается доминированием миграционных процессов перед сложившимися ядерными социальными общностями [6; 8; 42; 43; 44; 45].

В существовавших до сих пор научных интерпретациях политико-правовой ситуации в Западной Европе и ранее ссылки на Г. Кельзена были нередки. Однако главное внимание было до сих пор сфокусировано в основном на анализе правовых отношений уровня государств-участников и уровня наднациональных институтов, для которого кельзеновская концепция суверенитета, включая его концепцию основных норм и теорию ступенчатой структуры, считалась особенно плодотворной. Но в последнее время именно в работах, ссылающихся на Г. Кельзена, центр тяжести переносится на обсуждение проблемы приоритета законодательства Европейского союза пред национальными законодательствами, который в свою очередь трактуется как вопрос о том, присущ ли ЕС и, если да, то в какой мере, государственный характер [3; 4; 10; 18; 25; 35; 38; 39; 40; 50]. Так, согласно конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. существует 4 признака государства: постоянное население, определённая территория, правительство, способность к вступлению в отношения с другими государствами [20]. Некоторые современные авторы разграничивают указанные выше признаки на несколько более конкретных (наличие аппарата принуждения, обособленной системы публичной власти), а также дополняют ещё несколько признаков: займы и налоги, суверенитет [26, стр. 54-61].

Следом за проблемой государственности ЕС, возникает ещё один вопрос: о статусе европейского народа в целом, насколько его представителей можно рассматривать в качестве возможных граждан европейского государства.

Понятие народа в дискурсе европейской политической науки неоднозначно. В понимании авторов эпохи Романтизма «дух», «душа», доплитическая, метафизическая, и, в конце концов, потому не поддающаяся влиянию данность создает народ, который тем самым изъят из человеческого волевого. Наиболее ярко такой подход представлен в работах К. Савиньи. Такому пониманию противостоит авторитетная трактовка И. Канта, который определял народ как искусственный продукт человеческого законодательства – как «человеческое творение», как это позже вынужден был назвать Ганс Кельзен [52, pp. 227, 242-244]. И. Кант, как и Жан-Жак Руссо, использовал в своих трудах категорию «народ» ни как духовное, ни как этническое, ни как социологическое, а как чисто формально-правовое, бессодержательное понятие, которое содержало абстракцию «крови и земли». Ганс Кельзен принял именно это понятие народа и представлял его, основываясь на своем опыте многонационального государства: «В принципе это лишь юридический факт, который может быть более или менее точно описан как единица «народ»:

единица регулирующего поведение подчиненных нормам людей государственного правопорядка. В ней конституируется – как содержание образующих порядок правовых норм – единица множества человеческих действий, которая представляет собой «народ» как элемент государства, специфического социального порядка. Как таковая единица «народ» вовсе не является высшим проявлением – как это ошибочно полагается в наивных представлениях – конгломератом людей, а всего лишь системой актов отдельных людей, которые определяются государственным правопорядком» [57, p. 15].

Тем самым Г. Кельзен прибегает к донационально-государственной и антиметафизической идее народа. В этой просветительской идее Г. Кельзен вскрыл смену перспективы: недополитическая идентичность формирует народ, а лишь через демократические процессы принятия политического решения и правоустановления возникает народ как таковой. У Руссо народ становится народом только в действии, через заключение общественного договора, за счет которого народ становится именно народом. Тем самым Руссо провозглашает идентичность народа и государства, народное сообщество как правовое сообщество: товарищи по сообществу (граждане государства) в своем объединении носят название народ и как «совладельцы» высшей власти называют себя по отдельности гражданами и, имея в виду повиновение по отношению к законам государства, подданными государства В своей концепции народа как правового понятия Ж.-Ж. Руссо определяет последний как результат определенной правовой процедуры, институализирующей его структуру. Для Г. Кельзена это делает из Руссо «возможно, самого значимого теоретика демократии» [57, p. 6].

Ганс Кельзен понимал народ только формально, только нормативно и абстрактно. Поскольку народ как социальный феномен основан не на природе или духе, а исключительно на юридическом волевом акте, то только право формирует граждан, а общество формирует себя самостоятельно. Т.е., говоря словами И. Канта: «Суверенное основание права формирует общество». Эту абстракцию эмпирических предпосылок Г. Кельзен заимствует у Канта и формулирует радикальную посылку, отождествляющую источник нормы и адресат нормы. Г. Кельзен является сторонником «пути федерализма», при котором постепенно укрепляется объединение государств, в противовес подходу становления мирового государства за счёт распространения права одного государства на всё большие территории.

Только допущение стоящего над государствами международного права позволяет, согласно Г. Кельзену, объяснить существование промежуточных ступеней между состоянием изолированных друг с другом в правовом отношении отдельных государств и конечным состоянием мирового государства, образованного в результате их объединения. Таким образом, Г. Кельзен, допускает возможность формирования мирового государства посредством учреждения постоянно развивающихся далее и сливающихся федераций [51, p. 183]. Кроме того Г. Кельзен предлагает рассмотреть вопрос о изменении природы международного суда в новых условиях. Особый нтерес представляют замечания Кельзена об отношениях политической и экономической конституции (нового) международного сообщества (с дополнением о приоритете политики над экономикой), а также – при отказе от системы Лиги наций – тезис о необходимости организационной формы, которая устанавливает в качестве центрального органа не международный политический орган, а международный суд. Последнее позволяет более эффективно обеспечивать сохранение мира, чем существовавшая ранее система. Этот международный суд, по Кельзену, должен быть наделен принуждающей (императивной) юрисдикцией.

Гражданство, согласно Кельзену, основывается не на этническом, культурном или языковом тождестве, а, скорее, на факте существования в качестве субъекта правопорядка. Г. Кельзен освобождает это понятие от мистификации и идеологизации, с которыми оно было сопряжено в своем историческом развитии, и «деконструирует» понятия государства и народа, чтобы таким образом в духе идей Руссо и Канта отождествить правовое сообщество и народ. Это соединение, это тождество права, государства и народа, в наше время оценивают как основной понятийный элемент, обеспечивающий возможность приложения учения Г. Кельзена к трактовке сущности Европейского Союза.

Исходя из фундаментальной критики классического дуализма права и государства в традиционном учении государственного права, Г. Кельзен

приходит к чисто формальному взгляду на государство, тем самым идентифицируя его с правопорядком. Центральный пункт его определения государства заключается в идее о том, что образование, называемое государством, может быть понято лишь как правопорядок [47, стр. 36]. Следуя логике, три классических элемента государства (народ государства, государственная территория и государственная власть) не могут быть определены иначе как в правовом смысле, т.е. согласно Г. Кельзену, они могут быть поняты только как «действие и сфера действия правопорядка». Ответ на вопрос: «что есть нация, что есть народ?» в рамках нормативизма выглядит как: «Принадлежность к одному правовому сообществу». Единственным критерием для определения государственной принадлежности является подчинение одному принудительному порядку и исполнение одних и тех же правовых норм.

С учетом всего сказанного нормативизм Ганса Кельзена можно трактовать как теоретический источник методологического инструментария для анализа таких плюралистских наднациональных политических объединений как Европейский Союз, так как государство (а значит и право) составляет единственную устойчивую связь между личностями, подчиненными нормам.

У Кельзена мы видели образец понимания позитивистами права как порождения воли суверена, без учета социальных, моральных и т.п. характеристик права, в конечном счете обнаруживало неспособность позитивистов – последовательных сторонников этатистской концепции законности отличить право от его антипода – произвола, если таковой санкционирован государством, и указать те основания, при которых законность и справедливость могут соответствовать друг другу. Оправданным оказывается и упрек позитивистам в том, что они, замыкаясь в рамках наличного нормативно-юридического материала, отрываются от реальных запросов общественной жизни, отказываются от изучения динамики правоотношений, факторов, влияющих на их формирование и развитие.

Г. Кельзен осуществлял свои научные исследования в условиях абсолютного доминирования в научном мире идей Марбургской и Баденской школ неокантианства [9]. Под их влиянием шла интенсивная разработка основоположения критической философии права и государства [46, стр. 21]. Фундаментальный труд по философии права подготовил и глава Марбургской школы неокантианства Г. Коген [36]. В числе наиболее влиятельных неокантианцев в области учения о праве и государстве следует назвать Г. Радбруха [41].

Свою теорию права Г. Радбрух строит в полном соответствии с неокантианскими принципами, согласно которым не предметный мир «вещей-в-себе» определяет содержание сознания, а, наоборот, установка сознания формирует пространство опыта. Сферу практического отношения человека к действительности, в таком случае, формирует целевая установка. Целевая установка в области явлений культуры выступает как стремление к ценности. При этом, чем более о масштабных и значительных явлениях культуры мы ведем речь, тем более высокого ранга является формирующая их система ценностей [1; 7; 16; 17; 29; 30; 31].

С этих позиций, право как один из самых значимых и фундаментальных регуляторов, должно выводиться «из более высоких и, наконец, наивысших и последних ценностей» [58, s. 132]. При этом царство ценностей и мир фактов замкнуты в самих себе, не пересекаются и не взаимодействуют друг с другом. Такой методический дуализм свидетельствует о последовательной приверженности Радбруха к теории познания, этике и философии права Иммануила Канта и к «теории справедливого права» Рудольфа Штаммлера.

По сути дела, здесь Радбрух выдвигает первое и очень важное предварительное решение: «Ничто никогда не бывает справедливо просто потому, что существует или когда-то существовало, – ни даже потому, что когда-то возникнет и будет существовать. Отсюда следует отказ от позитивизма, который в своих рассуждениях о том, что должно существовать, исходит из уже существующей реальности (историзм), из реальности, существовавшей в прошлом (эволюционизм), или из реальности только возникающей. Даже установив то или иное направление развития, мы еще не можем доказательно судить о справедливости его целей или о несправедливости и предосудительности движений, противодействующих этому развитию. Неизбежное не может быть целью стремлений только потому, что оно неизбежно, а невозможное – неправильным только потому, что оно невозможно» [58, s. 38]. Заметим, что по Радбруху, даже обязанность,

вменяемая чужой волей, содержит внутреннее противоречие. Если мы к чему-то стремимся, то мы, в лучшем случае, можем обосновать это своей собственной потребностью, но еще вовсе не тем, что так и должно быть.

Своим кантианством, Радбрух, стремившийся понять причины антиправовой деятельности государства, наиболее открыто и явно проявившейся при его жизни в практике нацистского государства, не в последнюю очередь обращается именно против современных ему позитивистских правовых концепций, против историков и социологов права, видевших правовой источник нормативной значимости в одном лишь фактическом существовании или становлении законов, обычаев и властных отношений в обществе. И в то же время он обращается против любой теории права, оправдывающей действительность, некритически относящейся к ней и уклоняющейся от рациональной проверки своих высказываний. Вместо этого он апеллирует к «силе совести и разума», к ответственности перед собой и сознанию долга, к проницательности и доброй воле тех, к кому взывает такое «долженствование».

Анализируя эту группу правовых категорий, Радбрух актуализирует перипатетический понятийный инструментарий: «Ценностным масштабом позитивного права, целью любого законодателя является «справедливость», а ядром последней – идея равенства», – гласит определение немецкого правоведа, оперирующее аристотелевскими понятиями «уравнительной» и «распределительной» справедливости [58, s. 43].

Но такая справедливость его также не удовлетворяет, поскольку остается чисто формальной идеей. «Она подразумевает равное обращение с равными и неравное с неравными, осуществляемое по одинаковому масштабу» [58, s. 47]. Масштаб же этот она уже не заключает в самой себе, а получает иными способами. Исходя только из самой себя, она не может даже с точностью установить, что, собственно следует рассматривать как равное, а что - как неравное. Например, применительно к составу преступления, совершенного двумя преступниками, она не может точно указать, должны ли они получить одинаковое наказание, поскольку совершили одно и то же правонарушение, или же неодинаковое, с учетом наличия у них прежней судимости, ее сроков, а также степени их опасности для общества.

Таким образом, «справедливость», которую имеет в виду Радбрух, представляет собой чисто формальную идею. Она требует равного обращения только в смысле отсутствия исключений из уже наличествующих предписаний, отказа от юридического произвола и признания законности в одном лишь указанном отношении. И это, думается, совсем не мало для того, кто в период правления нацистов пережил господство ничем не ограниченного произвола, осознав при этом значение того сдерживающего влияния, которое может оказывать на людей строгое всестороннее соблюдение хотя бы только этого формального требования.

В наши дни именно работы Кельзена и Радбруха наиболее активно обсуждаются современными правоведами, в том числе и в контексте вопрос о суверенитете. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы Международного конгресса по философии права, проходившем в Рио-де-Жанейро в 2013 г., где имена указанных правовых мыслителей XX века упоминались чаще всего [59].

Другим, пожалуй, не менее влиятельным в среде современных правоведов автором является Джон Ролз, который наиболее последовательно заострил внимание современной политико-правовой науки на проблемах отношения права, государства и справедливости. Как пишет И.П. Шохов: «Вся сила теории справедливости Ролза в политическом обобщении всех отдельных мыслей о справедливости, высказанных его предшественниками, часть из которых отражена в данной работе, это суждения об интуиции, чувстве справедливости, соотношении справедливости (права) и блага; о характере общественного распределения, о беспристрастности, компромиссе, праве на свободу, гражданском неповиновении, об отношении к заслугам и многое другое, касающееся проблемы справедливости» [48, стр. 32].

В концепции права, юридической справедливости и законности Дж. Ролза главным субъектом является базисная структура общества и те способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации [34, стр. 22]. Под основными институтами Ролз понимает конституцию и основные социальные устройства.

Базисная структура – это первичный субъект справедливости, поскольку ее воздействие весьма глубоко и присутствует с самого начала. Справедливость социальной схемы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества.

Согласно Ролзу, государственный суверенитет относится к числу базисных структур социальной кооперации. В этом случае он должен определиться как результат общественного согласия по вопросу о формах социальной реализации принципа справедливости. Этот согласие может быть достигнуто лишь в результате систематически организованного процесса взаимодействия и обсуждения социальными субъектами базисных ценностных политико-правовых идей в связи с возникающими проблемами социально-правового характера.

В наши дни эта идея Роулза наиболее последовательно перекликается в заявлениями Ю. Хабермаса о необходимости перехода к новой форме демократии, так называемой делиберативной демократии, и о неизбежной трансформации содержания и формы государственного суверенитета. Именно в работах Ю. Хабермаса последних лет, посвященных проблемам правового статуса Европейского Союза, мы находим развернутую концепцию трансформации идеи суверенитета, которая требует самостоятельного рассмотрения.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, А.П. Альбов, Д.В. Масленников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – 216 с. – Серия «Классики русской философии права».
2. Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 1. – С. 3–15.
3. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
4. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
5. Васечко Л.А. Взаимосвязь права и политики в условиях глобализации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 73-78.
6. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
7. Гурвич Г.Ф. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и философия права: избранные сочинения. – СПб., 2004.
8. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
9. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
10. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11
11. Кельзен Г. Общее учение о государстве. – Берлин: Изд. Шпрингера, 1925.
12. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1 // Право и политика. –2006. – № 8. – С. 5-14.
13. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция). Часть 2. Окончание // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 5-18.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Перев. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2. –С. 432-453
15. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – М., 1987.
16. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки о методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916.
17. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч; указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1998.

18. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
19. Комарова Э. С. Кельзен Г. и философия права // Проблемы буржуазной теории права, философия права. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – Вып. 3. – С. 104–128.
20. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств (подписана в 1933 году на VII Панамериканской конференции) Ст.1 http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38249008
21. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
22. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.
23. Кондрат Е.Н. Транснациональные корпорации в условиях глобализации: современные тенденции развития // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 109-121.
24. Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34.
25. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
26. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.
27. Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в постсоветских странах: Сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999.
28. Мурсалимов К.Р. Роль государства в процессе глобализации мирового сообщества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 55-59.
29. Радбрух Г. Введение в науку права. – М., 1915.
30. Радбрух Г. Принципы философии права. – М., 2014.
31. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004.
32. Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
33. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
34. Ролз. Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1995.
35. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
36. Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 // Ученые записки Московского Императорского университета, юрид. ф-та, вып. 33. – М., 1909. – 361 с.
37. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
38. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
39. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
40. Туманов В.А. Материалы о рассмотрении дел в Европейском суде // Государство и право. 1993. – С.54-57.
41. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.:ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
42. Хабриева Т.Я. Миграционное право в условиях мирового финансового экономического кризиса // Lex Russica. – 2010. – Т. LXIX. – № 2. – С. 250-259.
43. Хабриева Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. – 2006. – № 7(115). – С. 3-12.
44. Хабриева Т.Я. О совершенствовании правовых основ противодействия незаконной миграции в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2006. – № 4. – С. 7-15.
45. Хабриева Т.Я. Правовая политика государства в сфере миграции населения // Миграционное право. – 2006. – № 1. – С. 9-15.

46. Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис; Логос, 1994.
47. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Перевод С.В.Лёзова, Ю.С.Пивоварова, под ред. В.Н.Кудрявцева, Н.Н.Разумовича. Сб. пер. Вып. 1. – М.: АН СССР ИНИОН, 1987.
48. Шохов И.П. Правда о справедливости. – М., 1995.
49. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.
50. Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные нормы и принципы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Конституционный процесс: проблемы правового регулирования и перспективы развития: Матер. науч.-практ. сем. 29-30 сентября 2006 года / Под общ. ред. С.Л. Сергевнина. – СПб.: Ореол, 2007. – С. 112-146.
51. Bersier Ladavac. Hans Kelsens Genfer Jahre – Vienna: Manz, 2004.
52. Dreier H. Rechtslehre, Staatssoziologie und Demokratietheorie bei Hans Kelsen. – Baden-Baden, West Germany: Nomos Verlagsgesellschaft, 1986.
53. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. – Berlin, 1925
54. Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehe. – Tuebingen: Scientia, 1911.
55. Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. Tubingen, 1911.
56. Kelsen H. Reine Rechtslehre. – Wien, 1960.
57. Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie. – Nabu Press, 2010 .
58. Radbruch G. Rechtsphilosopie. – B., 2010.
59. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2016, № 7

Выход в свет 26.06.2016. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 289.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru